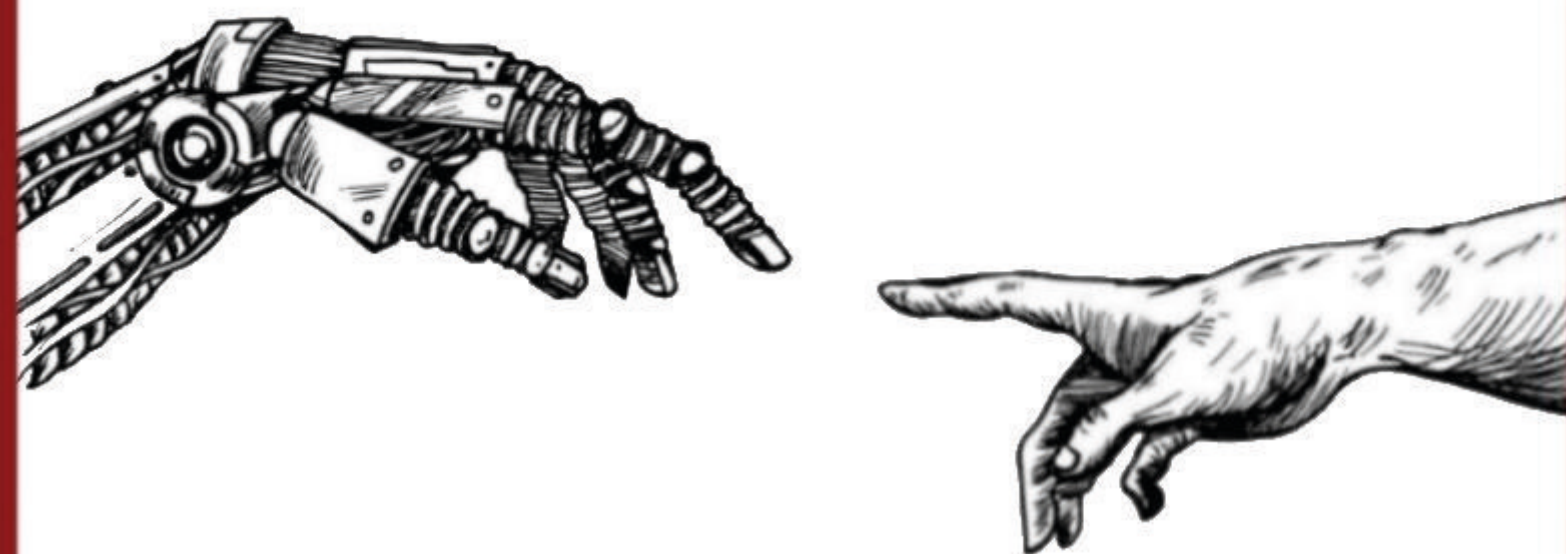

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

VERITAS IN MEDIO EST

**ТОМ 5
НОМЕР 4(17)
2025**

**ISSN:
3034-378X**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2025. ТОМ 5. № 4(17)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

📍 Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

✉ Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

🌐 Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
<https://scientific-letters.ru>

Входит в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (K2)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2025. Том 5. № 4(17)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора 2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Семенов И. Н.

Рефлексия жизненного пути Я. А. Пономарева и перспективы развития
его методологии для изучения творчества и духовности
(к 105-летию юбилею философа-психолога) 4

Сорокин В. М., Даринская Л. А., Демьянчук Р. В., Молодцова Г. И.

Роль творческой активности в процессе социализации лиц
с множественной сенсорной блокадой
(к 55-летию Загорского эксперимента) 19

Сайдяшева О. Г., Солнцева Н. В., Коржова Е. Ю., Семенова Г. В.

Динамика субъект-объектных ориентаций студентов-психологов 32

Меньшикова Г. Я., Брагинец К. А.

Особенности восприятия произведений живописи
у экспертов и новичков: метод айтрекинга 42

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гагарина М. А., Кирпичев А. В.

Экономический менталитет россиян в контексте
коллективных феноменов гражданской идентичности 49

Сухарев А. В.

Специфика образования в эпоху постмодерна:
от рассудка к разуму 59

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Коробова С. Ю.

Стратегии творческого мышления при дефиците времени:
эвристические контексты анализа динамических паттернов теста Торренса 69

Панфилова А. С., Валueva Е. А., Дмитриева Ю. А.,

Грязева-Добшинская В. Г., Коробова С. Ю., Колтунов Е. И.

Диагностика уровня креативности по рисуночному тесту Торренса
с использованием методов машинного обучения 76

Груздева А. С., Суров И. А.

Машинно-семантический дифференциал: картирование
эмоционального смысла с помощью векторных языковых моделей 86

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Для цитирования:

Лебедев А.Н.
От главного редактора // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №4(17). С.2-3.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_01

Lebedev A.N.
Introductory speech of the editor-in-chief of the journal. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No4(17), Pp.2-3.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_01

Уважаемые читатели журнала «Ученые записки ИПРАН», представляю вам четвертый номер журнала за 2025-й год. Как вы наверняка уже заметили, мы постоянно развиваемся и за относительно небольшое время существования достигли значительных успехов, а именно — вошли в Белый список научных журналов РФ и получили статус К2. Редакция постоянно работает как

над внешним видом журнала, так и над его содержанием. Процесс рецензирования и подготовки к печати авторских материалов у нас проходит достаточно быстро благодаря оперативной работе небольшого коллектива редакции и высокопрофессиональной редколлегии. Мы стараемся следовать основным принципам журнала, сформулированным в рамках его концепции четыре года назад. Это принципы объективности результатов и свободы гипотез, актуальности и новизны проблем и методов, а также дискуссионности, в чем нам, как всегда, помогает ассоциированный с журналом Академический дискуссионный клуб ИПРАН.

В этом номере представлены статьи по трем направлениям: общая и социальная психология, а также междисциплинарные когнитивные исследования. Номер открывается статьей И.Н. Семенова, посвященной Я.А. Пономареву и значению его методологических и теоретических работ. Статья приурочена к 105-летию юбилею выдающегося ученого, который много лет проработал в нашем Институте и фактически является создателем психологии творчества как нового направления в науке, созданного на основе разработанной им научной методологии. В статье дана подробная периодизация жизни Я.А. Пономарева, которая соотносится с этапами его научной деятельности.

Следующая статья в рубрике авторов В.М. Сорокина, Л.А. Даринской и Р.В. Демьянчука «Роль творческой активности в процессе социализации лиц с множественной сенсорной блокадой» также приурочена к юбилею, к 55-му юбилею знаменитого Загорского эксперимента, который относится к числу исторически уникальных и является большим научным и прикладным достижением в рамках междисциплинарного взаимодействия

общей и педагогической психологии. Статья, без всякого сомнения, вносит весомый вклад в психологию психического развития и психологию сознания.

В статье О.Г. Сайдяшевой, Н.В. Солнцевой и Е.Ю. Коржовой представлены результаты крупного четырехлетнего лонгитюдного исследования динамики субъект-объектных ориентаций студентов-психологов в процессе обучения. Проанализирована динамика развития, например, так называемого трансситуационного творчества у студентов, описаны соответствующие личностные изменения на разных этапах обучения. Статья наверняка будет интересна для тех читателей, которые занимаются психологией личности и творчества.

Работа Г.Я. Меньшиковой и К.А. Брагинца выполнена по результатам сравнительного анализа восприятия произведений живописи специалистами (профессиональными художниками и искусствоведами) и новичками. Исследование проводилось методом айтрекинга в режиме реального времени. Авторы статьи на основе экспериментальных данных доказывают, что тип задачи связан с характеристиками движения глаз.

Рубрика социальной, политической и экономической психологии представлена двумя статьями наших постоянных авторов. В статье М.А. Гагариной и А.В. Кирпичева рассматриваются результаты исследования специфики экономического менталитета россиян в контексте коллективных феноменов, отражающих содержание гражданской идентичности. Сделаны крайне интересные и важные выводы, например, что вера в эффективность механизмов конкуренции и частной собственности, а также в приоритет личной ответственности за экономическое благополучие и перераспределение доходов детерминирована не только убежденностью человека в его способности добиться успеха, верой в людей и социальные институты, но и, например, низкой готовностью подчиняться власти и следовать установленным традициям.

В теоретико-эмпирической статье нашего постоянного автора А.В. Сухарева проанализирована специфика образования в эпоху постмодерна. Автор расширяет объяснительные и прогностические возможности разрабатываемой им в течение многих лет теоретической концепции и предлагает результаты ее применения к конкретной области социально значимой деятельности.

Рубрика междисциплинарных исследований когнитивных процессов представлена в номере тремя работами, демонстрирующими эффективность применения новых информационных технологий. В статьях А.С. Панфиловой, Е.А. Валуевой, Ю.А. Дмитриевой Ю.А., В.Г. Грязевой-Добшинской, С.Ю. Коробовой, Е.И. Колтунова рассматриваются результаты исследования проблемы диагностики уровня креативности по рисуночному тесту Торранса с использованием методов машинного обучения. В статье В.Г. Грязевой-Добшинской, Ю.А. Дмитриевой, С.Ю. Коробовой проанализированы стратегии творческого мышления при дефиците времени также в условиях применения теста Торранса. Обе статьи выполнены в рамках исследования, поддержанного РНФ и отражают различные этапы крупного научного проекта.

Завершается номер статьей А.С. Груздовой и И.А. Сурова, в которой авторы предложили и подробно описали разработанную ими методику машинно-семантического дифференциала для изучения так называемого «эмоционального смысла», а также результаты проведенного на ее основе исследования. Авторы доказывают, что полученный результат подтверждает гипотезу о возможности извлечения эмоциональной семантики из машинных языковых моделей.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Ученые записки ИПРАН», уважаемые коллеги, от имени редколлегии и редакции журнала хочу поздравить вас с наступающим 2026-м годом и пожелать вам творческих успехов в новом году, новых научных открытий и интересных публикаций.

Главный редактор журнала «Ученые записки ИПРАН»,

д.пс.н. Лебедев А.Н.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

РЕФЛЕКСИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ Я.А. ПОНОМАРЕВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕГО МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА И ДУХОВНОСТИ (К 105-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФИЛОСОФА-ПСИХОЛОГА)

© Семенов И.Н.

Доктор психологических наук, профессор, Московский городской
педагогический университет, Москва, Россия,
i_samenov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6689-448X

Для цитирования:

Семенов И.Н.
Рефлексия жизненного пути Я.А. Пономарева
и перспективы развития его методологии для
изучения творчества и духовности (к 105-лет-
нему юбилею философа-психолога) // Ученые
записки Института психологии Российской
академии наук. 2025. Т.5. №4(17). С.4-18.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_02
Semenov I.N.
Reflection on the life of Ya.A. Ponomarev and pros-
pects for the development of his methodology for
the study of creativity and spirituality (on the
105th anniversary of the philosopher-psycholo-
gist). Proceedings of the Institute of Psychology
of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5,
No4(17), Pp.4-18.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_02

В статье рассматривается системная методология Я.А. Пономарева, ее формирование и реализация в общей и прикладной психологии, а также перспективы ее развития для изучения творчества. Предлагается периодизация этапов и дифференциация предметных направлений творчества Я.А. Пономарева в их социо-экзистенциальной обусловленности его личностно-профессионального роста с рефлексивно-персонологических позиций. Впервые характеризуется саморефлексия Я.А. Пономаревым своего жизнетворчества в перспективе дальнейшего развития современной психологии.

Ключевые слова: методология психологии, продуктивное мышление, умственное развитие, научное творчество, интуиция, рефлексия, когнитивизм, социо-экзистенциальная детерминация, рефлексивность развития субъекта

Социокультурный контекст изучения жизнедеятельности философа-психолога Я.А. Пономарева

Современная методология науки развивается как междисциплинарная область системного взаимодействия логики-гносеологической философии (В.Ф. Асмус, А.А. Зиновьев, Б.М. Кедров, В.А. Лекторский, П.С. Попов, В.С. Степин, В.С. Тютин, В.Б. Швырков, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин) и конкретных дисциплин, в т.ч. психологии (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, А.В. Карпов, Е.А. Климов, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин, С.Л. Рубинштейн, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич, В.Д. Шадриков, Швырков, М.Г. Ярошевский и др.). Среди этой плеяды психологов, труды которых имеют также общенаучное значение, внося вклад во взаимодействие естествознания и гуманитаристики, особый интерес вызывают оригинальные концепции психического и идеального, интуитивного и творческого как граней реальности, системно изучаемых онтологией развития психики и структурно-уровневой

методологией Я.А. Пономарева, разработанной для прогресса психологического познания (Пономарев, 1964, 1967, 1969, 2006, 2010; Пономарев, Семенов 1989; Пономарев, Тютин, 1970). Эта философско-психологическая система эксплицирует логику эволюции человекознания, ассимилирует и реинтерпретирует рациональный опыт поиска решения психофизической и психофизиологической проблем (Пономарев, 2010), обобщает теоретико-экспериментальные достижения собственных исследований продуктивного мышления (Алексеев и др., 1982; Артамонов, 2003; Леонтьев и др., 1981; Пономарев, 1960), интуиции (Бершацкий, Семенов, 2003; Пономарев, 2010; Семенов, 1997; Ушаков, Валугева, 2006) рациональной рефлексии (Алексеев и др., 1982; Аникина и др., 2001; Бершацкий, Семенов, 2003; Деркач и др., 2005; Макурова, 2015; Пономарев и др., 1989) и моделирования научного творчества (Пономарев, 1969), интегрирует их результаты в современную методологию построения технологии практического внедрения психологического познания (Пономарев, 1967; Пономарев и др.,

1990), а также изобретает его инструментальное обеспечение (Устройство для психологических исследований, 1990) и прогнозирует перспективы его фундаментально-стратегического развития (Пономарев и др., 1990; Семенов, 2006; Ушаков, Валуева, 2006).

Не удивительно, что разработанная Я. А. Пономаревым методологизированная система психологии творчества постоянно вызывает все возрастающий интерес специалистов (В.И. Белополюцкий, И. А. Васильев, Т.В. Галкина, А. Л. Журавлев, А.Н. Лебедев, В. А. Мазилев, Л.М. Попов, И.Н. Семенов, Д.В. Ушаков и др.) и научного сообщества в целом, особенно на периодических пятилетних конференциях ИП РАН. Они посвящены изучению наследия Я. А. Пономарева и проекции эвристического потенциала его идей на исследование актуальных проблем современного человекознания. При этом естественно доминирует анализ предметного содержания трудов Я. А. Пономарева, но, к сожалению, при весьма редком абрисе метакогниций его творчества в их индивидуальном саморазвитии (Журавлев, Галкина, 2015; Семенов, 2007, 2015а, 2022; Ушаков, Валуева, 2006; Артамонов, 2003; Пономарев, 2010; Семенов, 2015а).

Важную историко-научную проблему составляет построение содержательно-личностной характеристики или целостного образа выдающейся творческой индивидуальности Я. А. Пономарева как субъекта философско-психологической научно-исследовательской деятельности. Памятуя завет И. Канта о необходимости обобщения достижений науки в «схематизмах мышления», решении этой проблемы предлагается науковедческое построение целостной социокультурно детерминированной периодизации индивидуального развития жизнетворчества Я. А. Пономарева как субъекта философско-методологической и научно-исследовательской деятельности в области гносеологии, психологии и педагогики. Конструктивным средством для этого послужит разработанный нами институционально-персонологический (Семенов, 2007, 2015а, 2018, 2021, 2015б, 2022, 1997), системно-деятельностный (Семенов, 1982, 2014) и субъектно-деятельностный (Семенов, 2022) подходы к социокультурной детерминации психологии научного творчества как формы развития человеческого капитала (Семенов, 2021, 2023) и потенциала (Пономарев, 1991).

Рефлексивно-личностное познание творчества развивается нами от кратких статей-персоналий в словарях и энциклопедиях (Семенов, 2007; Бехтерев В.М., Выготский Л.С., Кюльпе О. // БСЭ, 1970–1973) вплоть до изучения субъектов научного

творчества на материале характеристики творческой индивидуальности ряда выдающихся ученых (Семенов, 2015б), в т.ч. философов-психологов К. А. Абульхановой, Н.Г. Алексеева, Г.М. Андреевой, П.П. Блонского, К.Н. Вентцеля, П.Я. Гальперина, В.П. Зинченко, О. Кюльпе, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, К. Роджерса, М.М. Рубинштейна, Б.М. Теплова, Г.Г. Шпета, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина, М.Г. Ярошевского (Гальперин, 1980; Семенов, 2006, 2015а, 2018). Наряду с изучением экзистенциально-социокультурной детерминации субъектов научной деятельности данный подход оказался продуктивен и для характеристики жизнетворчества философов-поэтов (Байрон, Гёльдерлин, Гете, Ломоносов, Державин, Пушкин, Боратынский, Тютчев, Случевский, Мережковский, Соловьев, Блок, Брюсов, Пастернак, Мартынов, Пригов, Бродский и др.) методом «сонетно-рефлексивной персонологии» (Семенов, 2018; Семенов-Истрин, 2025). В этом мы следовали эвристической традиции Я. А. Пономарева, в творчестве которого гармонично взаимодействовали оба его взаимно-дополняющие начала: как философско-психологическое — в рациональной науке, так и литературно-художественное — в герменевтике ряда видов искусства (Пономарев, 1989, 1964, 2010; Пономарев и др., 1989; Пономарев, Тюттин, 1970). Ибо он играл на фортепьяно, рисовал шаржи, писал стихи и научно-фантастические повести, а студентом даже подрабатывал в издательствах, оформляя обложки книг.

Рефлексируя итоги своих интеллектуальных поисков, Я. А. Пономарев подчеркнул, что в них: «философия и психология наложились друг на друга. Кроме того, я и в психологии немало занимаюсь философскими проблемами, если на то пошло, и без философии нельзя было бы наметить пути психологического изучения творчества» (Артамонов, 2003, с. 114–142 суть его теории и методологии с. 122–135). Обратимся к построению впервые целостной и подробной науковедческой периодизации жизнедеятельности Я. А. Пономарева как многогранного процесса развития научно-исследовательских и художественно-фантастических форм его философско-психологического творчества.

Периодизация жизнетворчества Я. А. Пономарева

Одним из науковедческих аспектов современной истории психологии является изучение творчества ее выдающихся ученых в трудах самих его субъектов (Б.М. Кедров, А.А. Бодалев, А.Л. Журавлев, Б.Г. Кузнецов, Д.В. Ушаков и др.). При

этом важным направлением является построение периодизации становления и развития ученого как субъекта жизнедеятельности в мире науки (К. А. Абульханова, Н. А. Логинова, Т. Д. Марцинковская, А. В. Петровский, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский). Проблему составляет анализ возможных подходов к метакогнитивному изучению жизнедеятельности субъекта в науке и построение науковедческого основания, наиболее релевантного для исследования житнетворчества и характеристики персонологии креативной индивидуальности конкретного выдающегося ученого. Для этого наиболее традиционными являются социоинституциональный и предметно-эпистемологический подходы. Они, на наш взгляд, должны быть дополнены экзистенциально-персонологическим и субъектно-социокультурным подходами. Рефлексивное взаимодействие традиционных и инновационных подходов позволяет построить целостную периодизацию жизненного пути, адекватную психологии развития ученого как субъекта экзистенции перипетий его жизни в науке и творца достижений профессиональной деятельности в контексте конкретной социокультурной эпохи.

С этих позиций развиваемой нами рефлексивной психологии творчества (Макурова, 2015; Семенов, 1971, 1990, 2014, 2021, 2022, 2023) жизненное шествие Я. А. Пономарева — как яркой творческой индивидуальности и выдающегося ученого — дифференцируется на следующие ключевые этапы его профессионального роста, опосредованного интересубъектностью философско-психологического общения и социокультурной детерминацией профессионального и личного бытия в советском/постсоветском обществе XX в. (Семенов, 1997, 2007, 2015б, 2021).

Дошкольный этап (1920–1929 гг.). Он родился в Ивановской области г. Вычуга, а его детство прошло в г. Родники в семье отца из крестьян, который сумел практически реализовать свои математические способности и жизненную сметку, самостоятельно став зажиточным главным бухгалтером текстильной фабрики. Дед по матери был дворянин, но служил царским врачом в Кремле г. Москвы, где она получила педагогическое образование. Начало формирования личности Яши пришлось на трудное — для страны в социально-политическом плане — время перехода от гражданской войны к НЭПу. Однако родившийся в зажиточном доме ребенок развивался в благоприятных условиях семейного воспитания с гувернерами, обучавшими его иностранным языкам и музыке, что способствовало раскрытию разнообразных

способностей: от музыкальных и математических до логических и шахматных.

Школьный этап (1929–1939 гг.). В непростых условиях сталинских репрессий блестящий ученик был одержим познанием мира и самовоспитанием своего ума и характера, занимался спортом (имел разряды по боксу и шахматам), интересовался наукой и искусством посредством интенсивного самообразования при поддержке родителей и школьных учителей.

Воинский этап (1939–1946 гг.). Осенью 1939 г. поступил в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Однако, не успев толком начать обучение, через два месяца призывается в действующую армию на советско-финский фронт, где служил радиотелеграфистом. В начале ВОВ воевал на Северо-Западном фронте. Мужественное участие Я. А. Пономарева в боях с фашистами прервалось окружением воинской части и его заточением в концлагерь, побегами из плена и вновь длительным трехлетним пленением, освобождением и службой в армии. Выжить ему в плену помогло блестящее знание как разговорного, так и литературного немецкого языка, а также трезвость и мудрость рационально-прагматического мышления, сильная воля и постоянно работающий — несмотря на плен — мощный познавательный интеллект. Вопреки экзистенциальной необходимости мужественного выживания в экстремальных условиях плена, Я. А. Пономарев продолжал мысленно свои познавательные поиски научных ответов на интересовавшие его философско-психологические вопросы содержания и форм познания человеком бытия в мире. После освобождения он продолжал службу в Красной Армии в должности начальника топо-вычислительной команды минометного полка. Демобилизовавшись весной 1946 г., стал готовиться к поступлению в вуз.

Университетский этап (1946–1951 гг.). Познавательные интересы определили его стремление поступить на философский факультет: как в МИФЛИ до советско-финской войны, так и после Отечественной — в МГУ, где он мог специализироваться лишь по идеологически нейтральной психологии. При этом Я. А. Пономарев учился с отличием сразу на двух факультетах МГУ: физическом и философском. На его психологическом отделении он до 4-го курса был курсовиком П. Я. Гальперина, как и до этого — Л. И. Анцыферова (Анцыферова, 1957), которую мэтр тоже пытался приобщить к поисковым опытам с решением творческих задач, продолженных ею в 1953 г. в школе С. Л. Рубинштейна, что стало первым в стране прецеден-

том по публикации — на год раньше чем в МГУ (Леонтьев и др., 1981) — опытов с продуктивным мышлением. Под руководством зачинателя в стране экспериментальной психологии творческого мышления П. Я. Гальперина в МГУ Я. А. Пономарев стал экспериментально исследовать трудности решения арифметической задачи в зависимости от ее формы, а затем — студентом А. Н. Леонтьева (официального руководителя дипломной работы «Исследование ориентировки в условиях задачи») специализировался по психологии мышления. В МГУ у Я. А. Пономарева (воспитанника богатой образованной семьи) близким другом был самобытный мыслитель А. А. Зиновьев (в будущем логик-методолог и позднее с 1970-х гг. всемирно известный писатель-диссидент) (Семенов, 2007).

Колоссальная социальная разница не помешала многолетней дружбе бывших фронтовиков, в диалогах которых оттачивалась логика их философско-научного мышления, за рамки которого — по инициативе Я. А. Пономарева — выходили обсуждения политических аспектов бытия. Социально-экзистенциальная напряженность профессионального развития Я. А. Пономарева в это время его формирования в качестве мыслителя объясняется статусом бывшего военнопленного. Поэтому он никогда позже не стремился к высокой административной карьере (заведовать лабораторией, кафедрой и т. д.) и был весьма осторожен в социальном поведении, предметно и энергетически реализуя свой мощный интеллектуальный потенциал в научном, изобретательском и художественном творчестве. Эта идеологическая адекватность позволила ему, несмотря на сложную анкету, в послевоенное время в периоды с «оттепели», «застоя» и «перестройки» профессионально социализироваться в весьма престижных научно-исследовательских институтах в системе АПН РСФСР и АН СССР/РАН.

Философско-методологический (1952–1956 гг.) этап. Блестящий выпускник кафедры психологии, но частично пораженный в правах как бывший военнопленный, Я. А. Пономарев после окончания МГУ с трудом устроился сначала внештатным преподавателем в Институт усовершенствования руководящих и инженерно-технических работников Министерства легкой промышленности, где оказался междисциплинарным преподавателем, начав читать лекции по психологии, логике, педагогике и даже — по политической экономии. Затем он устроился штатным старшим экскурсоводом-педагогом и зоопсихологом в театре зверей как культурно-просветительном и научном «Уголке им. В.Л. Дурова». Параллельно он продолжал инициативно экспериментировать с решением творческих задач и участвовал в философском кружке А. А. Зиновьева и в методологическом — Г. П. Щедровицкого (ММК). Их первые заседания сначала проходили на просторной квартире первой жены Я. А. Пономарева — в будущем профессора психологии и дефектологии — Т. В. Розоновой, а затем под патронатом заместителей директора Института экспериментальной психологии Б. М. Теплова и П. А. Шеварева в аудитории его практикума (Семенов, 2007, 2023).

Вскоре Я. А. Пономарев отошел от Московского методологического кружка и сосредоточился на диссертационном исследовании психологии продуктивного мышления. Оно восходит к поисковым экспериментам курсовой работы Я. А. Пономарева по решению задач на смекалку, что было им начато в конце 1940-х гг. под руководством П. Я. Гальперина, но завершено уже в дипломной работе в научной школе А. Н. Леонтьева, руководившего также и кандидатской диссертацией Я. А. Пономарева (1958). Суть разногласий с П. Я. Гальпериным состояла в том, что согласно рационализму его концепции, продуктивному решению творческих задач должно способствовать воспитание дисциплинированного мышления субъекта, у которого необходимо сформировать адекватную ориентировку в условиях задачи (Гальперин, Данилова, 1980). Для познавательных же интересов Я. А. Пономарева остро стояла проблема механизмов инсайта, ныне изучаемая в научной школе его ученика академика РАН Д. В. Ушакова (Ушаков, Валуева, 2006). Уже в то время вызревала оригинальная концепция, что продуктивное решение может достигаться даже интуитивно в качестве осознания побочного продукта мыслительного поиска. Методология доказательства этой экспериментатики начала строиться Я. А. Пономаревым в его первой в стране послевоенной монографии «Психология творческого мышления» (1960), была развернута в докторской диссертации (1972) и обобщена в труде «Психология творчества» (1976), а далее оригинально экстраполирована на системную методологию науки на материале психологии и в 1990-е гг. запатентована в виде изобретений по техническому творчеству (Пономарев, 1983, 2006; Устройство для психологических исследований, 1990).

Историко-научный (1957–1960 гг.) этап. После отмены негативного отношения к бывшим пленным в «оттепель», Я. А. Пономарев работал по рекомендации А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии научным редактором (совместно с друзьями-сокурсниками В. В. Давыдовым, А. М. Матюшки-

ным, Г. П. Щедровицким) в редакции литературы по психологии и дефектологии в Издательстве АПН РСФСР (Семенов, 2018). Здесь вышли его первые психологические и философские статьи: ибо он параллельно с редакторством изучал историю философии, гносеологические традиции исследования продуктивного мышления и современную психологию познавательных процессов в плане взаимоотношения чувственного и логического (Пономарев, 2010). В 1958 г. Я. А. Пономарев под руководством А. Н. Леонтьева защитил кандидатскую диссертацию «Исследование психологических механизмов творческого (продуктивного) мышления» и издал в 1960 г. по ее результатам первую — в послевоенной науке СССР — монографию по психологии творчества (Пономарев, 1960). Параллельно в 1959–1960 гг. в качестве редактора подготовил к печати двухтомник статей «Психологическая наука в СССР» с обобщением 40-летних достижений ведущих советских ученых.

Редактируя их опусы в аргументированных диалогах, высоко образованный и прекрасно логико-методологически мыслящий и уже сложившийся 40-летний теоретик Я. А. Пономарев деликатно, но настойчиво шлифовал труды корифеев, невзирая на их академические должности. Подчеркнем, что в интересующем процессе редактирования двухтомника Я. А. Пономарев приобрел опыт творческого взаимодействия с лидерами крупнейших в советской психологии научных школ (Б. Г. Ананьев, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, П. А. Шеварев и др.). В этот период во внерабочее время по личной инициативе он продолжал вести теоретико-экспериментальные изыскания в области психологии творческого мышления.

В психолого-педагогическом этапе (1961–1966 гг.) по приглашению директора ИЭП АПН РСФСР академика А. А. Смирнова его протеже кандидат психологических наук Я. А. Пономарев стал научным сотрудником лаборатории младшего школьного возраста (руководимой Д. Б. Элькониным и В. В. Давыдовым). Здесь он вел исследования мышления детей, открыв продуктивную роль осознания — с участием интуиции — побочного продукта в творческом процессе мышления. Однако он теоретически разошелся с руководством лабораторией в интерпретации результатов исследований ее сотрудников с культурно-деятельностных позиций в традиции Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина (Гальперин, Данилова, 1980). Поэтому было оговорено с ответственными редакторами отчетно-плановой монографии

то, что автор одной из глав Я. А. Пономарев позднее отдельно опубликует свою трактовку полученных им результатов (Давыдов и др., 1966). Готовя ее, он разработал собственную научно-исследовательскую программу изучения умственного развития и обосновал теорию его онтогенеза как становления «внутреннего плана действий» (ВПД), издав позднее в 1967 г. свою психолого-педагогическую монографию (Пономарев, 1967).

Научоведческий этап (1966–1973 гг.). В 1966 г. Я. А. Пономарев перешел в Институт истории естествознания и техники (ИИЕиТ) АН СССР по приглашению его директора академика Б. М. Кедрова в руководимый М. Г. Ярошевским сектор проблем научно-технического творчества (Семенов, 2015а). Здесь Я. А. Пономарев разработал концепцию психологических механизмов интуиции (Пономарев, 2010), которую представил в своей книге 1967 г. (из серии «Над чем работают, о чем спорят философы»). В современном когнитивном контексте эта концепция трактуется как одна из метакогниций (Семенов, Калашников, 2024), детерминированная развитием побочного продукта познавательной деятельности (Пономарев, 1960). В ИИЕиТ он изучал историю и рефлексировал логику развития научного изучения мышления в мировом и отечественном человекознании (Пономарев, 1971). Параллельно он разрабатывал философско-гносеологические проблемы психического отражения и интуиции, а также вел экспериментальное моделирование научно-творческого мышления, сотрудничая в ИИЕиТ с системными методологами Н. Г. Алексеевым, И. Н. Семеновым, Э. Г. Юдиным (Пономарев, 1969; Семенов, 1971). Обобщение всего этого привело Я. А. Пономарева к защите в 1972 г. докторской диссертации «Проблемы психологии творчества».

Системно-психологический этап (1973–1978 гг.). Перейдя по приглашению Б. Ф. Ломова в ИП АН СССР, Я. А. Пономарев выстроил системную концепцию психологии творчества и опубликовал в 1976 г. ее обоснование и обобщение в монографии (Пономарев, 2015). При этом он по заданию директора Б. Ф. Ломова руководил методологическим семинаром, где обсуждались актуальные теоретико-методологические проблемы фундаментально-прикладного психологического познания, а также — апробировались и многократно обсуждались (совместно с приглашенными участниками секции психологии творчества и другими учеными) будущие диссертационные исследования соискателей, аспирантов и докторантов ИП АН (Семенов, 1982, 2006).

В секционный этап (1978–1991 гг.) Я. А. Пономарев, участвуя в ряде исследований в ИП АН, также руководил (совместно с заместителями Н.Г. Алексеевым и И.Н. Семеновым) Всесоюзной секцией «Психология творчества» Общества психологов СССР (Семенов, 1982). На ее заседаниях обсуждались доклады ведущих специалистов по творчеству (Г.А. Берулава, Д.Б. Богоявленская, И.А. Васильев, М.И. Воловикова, Ч.-М. Гаджиев, Т.В. Галкина, Г.А. Голицын, Д.Н. Завалишина, В.К. Зарецкий, А.М. Матюшкин, В.А. Моляко, В.М. Петров, Л.М. Попов, В.Н. Пушкин, С.Ю. Степанов, О.К. Тихомиров, В.В. Умрихин и др.) и изданы два ежегодника, три коллективных монографии и 3 сборника, в т.ч. с характеристикой роли в нем рефлексии (Пономарев, 1988, 1973, 1989, 1970). Также в 1980–1990-е гг. в Академгородке Новосибирска и в НГУ проведен ряд научных конференций с изданием материалов и рекомендаций под редакцией И.С. Ладенко и И.Н. Семенова. Далее в 1982 г. Я.А. Пономарев руководил (с А. Саариненом) советско-финским симпозиумом по психологии творчества (Alexejev et al., 1985) и по заданию Б.Ф. Ломова разработал междисциплинарный Словник «Большой психологической энциклопедии», организовав подготовку для нее ряда статей по основным научным направлениям человекознания (словарные достижения одного из них были изданы в ИП АН К.В. Бардиным), что остановилось по вине издательства «Наука» в лихое безвременье либеральной революции 1987–1993 гг. с ее кульминацией в виде распада СССР.

В академический этап (1992–1997 гг.) Я. А. Пономарев продолжил свою профессиональную деятельность в ИП РАН: философско-методологическую — по интеграции достижений психологии творчества, сотрудничая (с Н.Г. Алексеевым, В.В. Давыдовым, И.С. Ладенко, И.Н. Семеновым) по организации соответствующих научных конференций в вузах Москвы и Новосибирска; познавательную (с аспирантами: Д.В. Ушаковым, Ч.-М. Гаджиевым, Т.В. Галкиной, Л.М. Поповым и др.), секционную (с И.Н. Семеновым, В.К. Зарецким, В.М. Петровым, С.Ю. Степановым), прикладную (с Н.Г. Алексеевым, Ч.-М. Гаджиевым, В.В. Мухортовым и др.), изобретательскую (с оформлением авторских патентов на психологическую аппаратуру) и даже художественную — по подготовке научно-фантастического романа (Пономарев, 1983). В итоге разнообразной научно-организационной деятельности Я.А. Пономарев избирается профессором ИП РАН и почетным академиком РАО.

Наиболее емко и обобщенно Я. А. Пономарев охарактеризовал суть своей фундаментально философско-психологической системы в одобренной консультантами Издательства БСЭ А.Н. Леонтьевым и Э.Г. Юдиным статье «Психика» в 4-м томе «Философской энциклопедии» (1967), а также в интервью В.И. Артамонову (1991, 2003) для «Психологического журнала» (Артамонов, 2003; Семенов, 2021, 2015б). При этом Я.А. Пономарев планировал развернуть компоненты своей системы в циклах взаимосвязанных словарных статей для готовившейся по заданию директора ИП АН Б.Ф. Ломова фундаментальной «Большой психологической энциклопедии».

Саморефлексия философско-психологической системы Я.А. Пономарева

Достижения Я.А. Пономарева постоянно изучаются в современном человекознании в предметном их содержании (Бершацкий, Семенов, 2003; Деркач и др., 2005; Журавлев, Галкина, 2015; Макурова, 2015; Семенов, 2007, 2022; Семенов, Водопьянов, 2023; Семенов-Истрин, 2025 Alexejev et al., 1985), но важно также проанализировать его анализ собственного творчества. Помимо обычных для ученого трудов (статей и обзоров, книг и рецензий, технологий и экспертиз, пособий и рекомендаций) в наследии Я.А. Пономарева следует обратить внимание на два уникальных интервью с кратким авторским обзором для журнала «Вопросы психологии» и материал для «Психологического журнала» (Артамонов, 2003). Они отражают самооценку созданных им научных достижений, вклада в философию, психологию, педагогику.

Так, во втором интервью можно выделить три функционально-рефлексивные части: 1) социокультурно-автобиографическая — о жизненном пути и его перипетиях в науке; 2) теоретико-методологическая — о мировоззренческой сути своих научных достижений и гносеологическом значении открытий как системно-междисциплинарных компонентах и логико-методологических средствах построения онтологии психики и когнитивной эпистемологии его фундаментальной философско-психологической системы; 3) историко-прогностическая — о корнях, состоянии, направлениях и перспективах взаимодействия российской и западной психологии в контексте тенденций развития философии и человекознания, социума и образования. Поскольку фактическое содержание, функционально корреспондирующее с первой и третьей частями этого интервью уже характеризовалось нами выше, то обратимся

к краткому анализу и обобщению саморефлексии Я. А. Пономаревым своей системы, представленной им в третьей части.

Рефлексируя целостный образ творческого развития интеллектуально мощного субъекта философско-психологической познавательной деятельности Я. А. Пономарева необходимо обратиться к становлению его юношеского мировоззрения, которое в зрелости трансформировалось в профессиональный менталитет ученого как строителя оригинальной философско-психологической системы человекознания. Хотя ее доминирующим объектом был человек (с его поведением и рефлексам, психикой и сознанием), его интересовали также все объекты материальные (неживые/живые) и идеальные (логически мыслимые/фантастически воображаемые), причем всеохватывающие онтологически все виды природы: физическо-астрономической, биолого-социальной и логико-технической (в последнем случае несомненно ныне относимые к интернет-информации и к искусственному интеллекту) (Семенов-Истрин, 2025).

Стимулом к гносеологии этих разнообразных видов послужило увлечение подростка Якова одной научно-популярной книгой об их эволюции с воображаемым авторским научно-фантастическим прогнозом ее возможного завершения. С тех пор увлечение юноши средствами культивируемого им рационального мышления в поисках решения мировоззренческих проблем онтологически базовых наук (астрономии, биологии, психологии) было герменевтически опосредованно возможностью их интуитивно-смыслового понимания, в т. ч. путем включения в фантастические контексты будущего развития. Во взаимодействии этих рационально-когнитивных и иррационально-метакогнитивных интенций познавательных поисков Я. А. Пономарева лежат эвристические и интересубъектные корни его принципиальных разногласий с корифеями советской психологии в 1950-е гг.

Социокультурной детерминацией первой из этих предметно-методологических размолвок послужило противоречие на 4-м курсе в МГУ между 30-летним самостоятельно мыслящим студентом Я. А. Пономаревым и авторитетным 50-летним научным руководителем его курсовой работы доцентом П. Я. Гальпериным, который намеревался приобщить молодежь к опытам с задачами на смекалку. Как бывший заведующий психоневрологической и педологической лаборатории в ХГУ, П. Я. Гальперин был отчасти подвержен традиции харьковского рационализма, восходящего к пси-

холингвистике А. А. Потебни и к тектологии (как логико-организационной науки) А. А. Богданова. Отсюда стремление П. Я. Гальперина рационально организовать ориентировку ученика в разумном и адекватном понимании условий задачи как путь психолого-педагогического формирования умственных действий. Однако его студент Я. А. Пономарев не мог согласиться с таким сугубо рационалистическим подходом П. Я. Гальперина, поскольку обнаружил, что помимо прямого результата в собственных опытах порой встречаются и другие — неожиданные и побочные (т. е. метакогнитивные в современной трактовке начала XXI в.), что не учитывалось руководителем строптивого и принципиального студента. Поэтому Я. А. Пономарев перешел заканчивать дипломную работу к заведующему кафедрой академику АПН А. Н. Леонтьеву, защитив на отлично свое «Исследование ориентировки в условиях задачи» (при сохранении все же формулировки названия по П. Я. Гальперину).

Второй принципиальной предметной размолвкой явился в 1966 г. отказ Я. А. Пономарева интерпретировать результаты своих экспериментов с позиций традиции Л. С. Выготского — Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова по умственному развитию школьников, когда в книге (Давыдов, Пономарев, Эльконин, 1966) с теоретическими итогами его изучения было беспрецедентно сообщено о последующем отдельном обобщении полученных Я. А. Пономаревым экспериментальных данных, что и было им сделано в особой монографии (Пономарев, 1967).

Социокультурная детерминация третьей размолвки была связана с затеянной — заведующим сектором проблем научного творчества ИИЕиТ АН СССР крупным историком психологии — М. Г. Ярошевским радикальной переориентацией общепсихологического анализа творчества на социально-психологическое изучение исследования коллективов и школ в науке. По мнению М. Г. Ярошевского в этот науковедческий контекст не вписывались экспериментальные исследования моделирования научного мышления, проводимые Я. А. Пономаревым (который в 1973 г. перевелся в ИП АН) и на базе ИП АН под патронатом Б. Ф. Ломова в 1978–1997 гг. продолжил работу.

С учетом анализа и обобщения наследия Я. А. Пономарева всю его научную деятельность по созданию такой фундаментальной общепсихологической области, как «психология творчества», можно в целом представить как следующую многоуровневую философско-психологическую систему. Исходный ее социокультурный уровень образуют проведенные Я. А. Пономаревым

в АПН и в ИИЕиТ историко-научные изыскания в области зарождения и развития философско-психологических исследований творчества в российской культуре и науке (Пономарев и др., 1990). Базальный уровень составляют философско-гносеологические основания изучения природы творчества, исходя из авторской трактовки онтологии психического. Разработанный им структурно-уровневый подход к изучению взаимодействия теоретической и прикладной областей психологической науки был обоснован в ИП РАН в виде концепции методологии современной психологии (Пономарев, 2006).

Над этим методологическим уровнем надстраиваются: теоретический уровень концепции когнитивных механизмов и закономерностей творчества, эмпирический уровень экспериментального исследования феноменологии интуиции и творчества, прикладной уровень прагматического использования достижений психологии творчества в социальной и образовательной практике, а также институциональный уровень подготовки и развития специалистов по общей психологии посредством таких институций, как секция «психология творчества» при Обществе психологов и аспирантура/докторантура ИП РАН. В результате разносторонних исследований проблем интуиции и психологии творчества научная деятельность Я.А. Пономарева и его авторские поиски в художественной литературе осуществлялись в различных предметных направлениях, взаимосвязь которых определила целостность его философско-психологической системы природы и развития творчества.

Предметные направления творчества Я.А. Пономарева во взаимодействии со школами человекознания

Теоретико-экспериментальное изучение Я.А. Пономаревым и его учениками психологии творчества глубоко укоренено в традиции мировой и российской философско-психологической мысли и эвристически развивает их во взаимодействии с рядом научных школ в нескольких направлениях. Они сформировались в процессе более, чем полувекового его развития как ученого, которое состоит из трех основных периодов институциональной эволюции его как профессионала-психолога. Если первый период научно-профессиональной деятельности Я.А. Пономарева как психолога-экспериментатора происходил на рубеже 1950–1960-х гг. в руководимой Д.Б. Элькониным и В.В. Давыдовым «лаборатории психологии младшего школьника» в Психологическом институте АПН РСФСР, а второй — как

теоретика-экспериментатора на рубеже 1960–1970-х гг. в созданном М.Г. Ярошевским секторе «психологии научного творчества» в Институте истории естествознания и техники АН СССР, то третий как теоретика-методолога — в 1972–1997 гг. в организованном Б.Ф. Ломовым Институте психологии АН СССР.

В первый институциональный период в лаборатории Д.Б. Элькониной при сотрудничестве своего коллеги В.В. Давыдова Я.А. Пономарев изучал закономерности развития внутреннего плана действия (ВПД). Экспериментальные результаты этого исследования были изданы в коллективной монографии с удивительной оговоркой, что их теоретическая интерпретация, расходящаяся с позицией лаборатории, будет опубликована в другом месте (Давыдов, Пономарев, Эльконин, 1966). В этом проявилась научная принципиальность Я.А. Пономарева, который вскоре опубликовал книгу со своей концепцией умственного развития детей (Пономарев, 1967).

Во второй период, перейдя по приглашению академика АН СССР Б.М. Кедрова и профессора М.Г. Ярошевского в ИИЕиТ, Я.А. Пономарев смог сосредоточиться на проводимых в секторе проблем научно-технического творчества общепсихологических исследованиях моделирования продуктивного мышления на материале решения задач взрослыми студентами и учеными с теоретическим и историко-научным анализом интуиции и творчества, в т.ч. в своей докторской диссертации (Алексеев и др., 1995; Пономарев, 1976, 1983; Пономарев и др., 1990; Семенов, 1990).

Развитие и обобщение этих исследований было продолжено им в третий период своей деятельности в ИП АН, на базе которого он создал секцию «психология творчества», где обсуждались методологические (Я.А. Пономарев, Н.Г. Алексеев, Г.А. Голицын, И.Н. Семенов), историко-научные (Е.Р. Новикова, И.Н. Семенов, В.В. Умрихин), теоретические (Д.Б. Богоявленская, В.А. Моляко, В.М. Петров, В.Н. Пушкин), экспериментальные (Т.В. Галкина, В.К. Зарецкий, Л.М. Попов, Ю.А. Репецкий, С.Ю. Степанов, Д.В. Ушаков), прикладные (Л.Н. Алексеева, И.В. Байер, Е.П. Варламова, Ч.М. Гаджиев, В.А. Елисеев, М.И. Найденов и др.) аспекты психологии и педагогики творчества, а также логики развития науки и философии человекознания. В результате исследований Я.А. Пономарева на всех трех этапах его научная деятельность параллельно велась в следующих основных предметных направлениях.

Первое из них — **экспериментально-проблемное** (предвосхитившее зарубежный когнитивизм 1960–1970-х гг.) — является восходящая к Вюрцбургской школе и гештальтизму традиция изучения психологии продуктивного мышления (О. Кюльпе, О. Зельц, М. Вертгаймер, К. Дункер) на экспериментальном материале исследования решения творческих задач «на смекалку» или «на соображение» (Алексеев и др., 1995; Гальперин, Данилова, 1980; Леонтьев и др., 1981; Пономарев и др., 1990; Семенов, 2015б). На рубеже 1940–1950-х гг. в МГУ был популярен сделанный по рекомендации С.Л. Рубинштейна перевод Н.С. Мансуровым классического труда М. Вертгаймера «Продуктивное мышление» (1945). Проводником этой традиции для Я.А. Пономарева выступил в начале 1950-х гг. П.Я. Гальперин (1980) как руководитель курсовых работ ряда студентов МГУ — будущих когнитивных психологов (Я.А. Пономарев, Л.Ф. Обухова, И.Н. Семенов, Б.Д. Эльконин, В.Л. Данилова и др.), исследовавших ориентировку в процессе формирования решения задач «на соображение». Эта традиция продолжилась в совместных исследованиях А.Н. Леонтьева с дипломниками Ю.Б. Гиппенрейтер и Я.А. Пономаревым, который их углубил в кандидатской диссертации и первой своей фундаментальной монографии (Леонтьев и др., 1981; Пономарев, 2015).

Второе — **онтогенетическое** — направление связано с восходящей к Г.И. Челпанову и П.Я. Гальперину традиции изучения высших умственных процессов и внутреннего плана действия (ВПД) как механизма интеллектуального развития, экспериментально исследовавшегося Я.А. Пономаревым в дискуссиях с Д.Б. Элькониным и В.В. Давыдовым (1966) в руководимой последним лаборатории психологии младшего школьника в НИИОПП. Свою концепцию умственного развития Я.А. Пономарев опубликовал в отдельной книге (Пономарев, 1967).

При этом он по-иному — психологически — понимал исходную для В.В. Давыдова проблему идеального, чем его соратник философ Э.В. Ильенков (1967), полемизируя с которым Я.А. Пономарев выстраивал свою онтологию и методологию психического, что составило третье — **философское** — направление его исследований во взаимодействии с научными традициями (Пономарев, 2010, 1983, 1969, 2015; Савенков, 1997). Это направление получило свое развитие во время работы Я.А. Пономарева на рубеже 1960–1970-х гг. в ИИЕиТ. Здесь он начал взаимодействие с системными методологами (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин) и продолжил с системно-ориентированными пси-

хологами в ИП АН (Б.Ф. Ломов, Д.Н. Завалишина) и в организованной им (с Н.Г. Алексеевым и И.Н. Семеновым) на базе ИП АН секции РПО «Психология творчества» (Алексеев и др., 1982). Этому предшествовало в середине 1960-х гг. исследование Я.А. Пономаревым проблематики научного творчества в созданном М.Г. Ярошевским одноименном секторе в ИИЕиТ, где она изучалась во взаимодействии с философами Б.М. Кедровым (1965), С.Р. Микулинским, Э.Г. Юдиным и психологами М.Г. Ярошевским, Н.Г. Алексеевым, И.Н. Семеновым.

Здесь развивалось Я.А. Пономаревым четвертое направление — **системно-психологического моделирования** — во взаимодействии с научными школами, которое связано с теоретическим (Б.М. Кедров, В.А. Штофф) и экспериментальным моделированием феноменов научного мышления на материале исследования процессов решения модельных творческих задач («Девять точек», «Хальма»), что обобщено в книге (Пономарев, 1976). Параллельно этому направлению мыслительные процессы моделировали ряд психологов: Д.Б. Богоявленская на материале «сказочных шахмат», Н.Г. Алексеев, А.В. Брушлинский, В.Н. Пушкин, О.К. Тихомиров — на «игре в пять» и на шахматных этюдах, И.Н. Семенов — на задачах «на соображение» («Часы», «Нумерация»). Это развивало традицию использования в психологии продуктивного мышления задач «Дункеровского типа» (Алексеев и др., 1971), в т.ч. при изучении Я.А. Пономаревым механизмов интуиции и теоретико-экспериментального моделирования научного мышления в контексте науковедения и развивавшегося когнитивизма (Пономарев, 1983, 1976; Семенов-Истрин, 2025).

Пятое — **психолого-педагогическое** — направление связано с теоретическим развитием в 1970-е гг. того экспериментального задела, который был накоплен еще в МГУ и особенно в НИИОПП в полемическом взаимодействии со школами А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина и теоретически переосмыслен, а также системно-психологически проинтерпретирован, исходя из концепции трансформации уровней мышления в этапы мыслительного поиска, и экстраполирован на проблематику онтогенеза интеллекта и педагогику его творческого развития (Пономарев, 1967, 1991, 1960; Пономарев и др., 1973; Пономарев, Тютин, 1970).

Шестое — **системно-методологическое** — направление связано с обобщением в первой половине 1980-х гг. Я.А. Пономаревым в ИП АН его наработок в области изучения закономерностей

психологического познания, строения психологического знания, специфики его теоретического развития, экспериментального исследования и прагматического применения на практике (Пономарев, 2006, 1964). Это направление начало изучаться им в научных школах МГУ, НИИОПП, ИИЕиТ и стало интенсивно развиваться в ИПАН по инициативе Б.Ф. Ломова в контексте взаимодействия с развиваемой им системно-психологической теорией и разработки по его заданию междисциплинарного проекта «Большой психологической энциклопедии», что стало всесторонне обсуждаться на секции «Психология творчества» Общества психологов (Семенов, 2014; Алексеев и др., 1982; Пономарев и др., 1973; Семенов, 1982).

Седьмое — **общепсихологическое** — направление связано с разворачиванием на рубеже 1980–1990-е гг. Я.А. Пономаревым и его научной школой (Л.Н. Алексеева, Е.П. Варламова, Ч.-М. Гаджиев, Т.В. Галкина, В.А. Елисеев, В.К. Зарецкий, Н.Н. Луковников, Н.А. Пастернак, Л.М. Попов, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Д.В. Ушаков и др.) разнообразных теоретико-экспериментальных исследований в области общей, дифференциальной, возрастной, педагогической и практической психологии творчества и способностей. Обобщение достижений школы Я.А. Пономарева и воздействия его на современную психологию творчества представлено в ряде подготовленных им индивидуальных (1996) и коллективных монографий (1988, 1990), а также трудов, изданных под редакцией его учеников (Ушаков, 2006, 2011) и последователей (Семенов и др., 2011). В них показано воздействие Я.А. Пономарева на российские научные школы современной общей и прикладной психологии творчества, умственного развития, способностей и одаренности. Достижения Я.А. Пономарева в изучении креативного мышления, интуиции и психологии творчества в целом получили высокую оценку зарубежных специалистов (Ушаков, Валуева, 2006; Alexeev, Ponomarev, Semenov, 1985; Mattshaus, 1989).

Заключение

Обобщая всю научную деятельность Я.А. Пономарева по созданию такой новой общепсихологической области, как «психология творчества» подчеркнем, что ее в целом важно представить как многоуровневую систему. Исходный ее социокультурный уровень образуют проведенные в ИИЕиТ Я.А. Пономаревым по предложению М.Г. Ярошевского историко-научные изыскания в области зарождения и развития философско-

психологических исследований творчества в российской культуре и науке (что составило потом главу докторской диссертации Я.А. Пономарева) (Пономарев, 1971).

Базальный уровень составляют философско-гносеологические основания изучения Я.А. Пономаревым творчества, исходя из онтологии психического (Пономарев, 1964, 1967, 1983). Предложенный им структурно-уровневый подход к изучению взаимодействия теоретической и прикладной областей психологической науки был разработан Я.А. Пономаревым в ИП РАН в виде концепции методологии современной психологии (Пономарев, 2006).

Над этим методологическим уровнем надстраиваются: теоретический уровень концепции механизмов и закономерностей творчества (Пономарев, 1989) (1960, 1976), эмпирический уровень экспериментального исследования феноменологии (Пономарев, 1960) творчества, прикладной уровень прагматического использования достижений психологии творчества в социальной практике (Пономарев и др., 199) и институциональный уровень подготовки и развития специалистов по психологии творчества (1978–1996) посредством таких институций, как секция «психология творчества» Общества психологов и методологический семинар аспирантов ИП АН (Алексеев и др., 1982; Семенов, 2015б).

В своем главном методологическом труде Я.А. Пономарев обосновал положение, согласно которому: «Этапы развития центрального звена психологического механизма поведения человека в ситуациях решения нетворческих и творческих задач» составляют основу изучения фундаментально-прикладных проблем психологии (Пономарев, 2006). Достижения и изобретения Я.А. Пономарева в 1990-х гг. утвердили в истории науки его выдающийся вклад в философию и гносеологию, общую и прикладную когнитивную психологию мышления, продуктивную педагогику и техническое изобретательство, в системную методологию познания психики как активности, интуиции и творчества (Алексеев и др., 1995; Аникина и др., 2001; Журавлев, Галкина, 2015; Семенов, 2023; Ушаков, Валуева, 2006; Mattshaus, 1989).

Заложенные Я.А. Пономаревым традиции в изучении психологии творчества продолжают дочерние научные школы, основанные его учениками и последователями: под руководством Л.М. Попова исследуются проблемы творческой самостоятельности развития личности, И.Н. Семенова — психология рефлексивности творческого мышления и его развитие в инновационном образовании,

С.Ю. Степанова — акмеология профессионально-творческой культуры управленцев, Д.В. Ушакова — психология развития интеллекта и одаренности, Ч.-М. Гаджиева — организационная психология развития технического изобретательства при коллективном решении творческих проблем.

При этом данные школы активно взаимодействуют (Растянников и др., 2002; Ушаков, 2006, 2011) в современном человекознании на базе углуб-

ления теоретико-методологического наследия Я.А. Пономарева при перспективном системно-психологическом изучении и развитии продуктивного мышления, рефлексии и способностей личности — как компонентов ее когнитивного потенциала и человеческого капитала — в процессе профессиональной творческой деятельности (Пономарев, 1991; Семенов, 2021).

Литература:

- Алексеев Н.Г., Пономарев Я.А., Семенов И.Н. Психологические исследования творчества // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 3. С. 153–160.
- Алексеев Н.Г., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Мысли о мыслях / Т. 1: Рефлексивное мышление и творчество / под ред. И.С. Ладенко, В.В. Давыдова, И.Н. Семенова. Новосибирск: НГУ, 1995.
- Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, 2001.
- Анцыферова Л.И. Роль анализа в процессе решения творческих задач // Тезисы докладов на Совещании по вопросам психологии познания / под ред. С.Л. Рубинштейна. М.: Институт философии АН СССР. Изд-во АН СССР, 1957. С. 95–111.
- Артамонов В.И. Психология от первого лица: 14 бесед с российскими учеными. М. Академия, 2003.
- Бершацкий Г.Н., Семенов И.Н. Концептуальные модели интуиции и рефлексии в структуре творческого мышления и их апробирование в управлении // Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении. / Отв. ред. И.Н. Семенов, Т.Г. Болдина. М.: ИРПТиГО, 2003. С. 78–85.
- Гальперин П.Я., Данилова В.Л. Воспитание систематического мышления в процессе решения творческих задач // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 31–38.
- Давыдов В.В., Пономарев Я.А., Эльконин Д.Б. Возрастные возможности усвоения знаний / под ред. Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова. М. Просвещение. 1966.
- Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.
- Журавлев А.Л., Галкина Т.В. Роль теории Я.А. Пономарева в развитии гуманитарных наук (к 95-летию со дня рождения ученого) // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 5–19.
- Леонтьев А.Н., Пономарев Я.А., Гиппенрейтер Ю.Б. Опыт экспериментального исследования творческого мышления // Общая психология: Мышление. Хрестоматия: Психология мышления. М. МГУ. 1981. С. 269–280.
- Макурова А.В. Развитие И.Н. Семеновым рефлексивной психологии: от исследований мышления к формированию научной школы (обзор по материалам книги В. Маттеуса, Gottingen, 1988) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 1–2. С. 22–56.
- Пономарев Я.А. О взаимодействии и развитии (в связи с исследованием взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом) // Доклады АПН РСФСР. 1959. № 1. С. 73–78.
- Пономарев Я.А. Психология творческого мышления / отв. ред. А.Н. Леонтьев. М. Изд-во АПН РСФСР. 1960.
- Пономарев Я.А. Проблема идеального // Вопросы философии. 1964. № 8. С. 59–68.
- Пономарев Я.А. Психика // Философская энциклопедия. М.: СЭ, 1967. Т. 4. С. 414–417.
- Пономарев Я.А. Знания, мышление и умственное развитие. Москва. Просвещение, 1967.
- Пономарев Я.А. Психологическое моделирование научного творчества // Научное творчество / отв. ред. М.Г. Ярошевский. М. Наука. 1969. С. 309–340.
- Пономарев Я.А. Развитие проблем научного творчества в советской психологии // Проблемы научного творчества в современной психологии / под ред. М.Г. Ярошевского. М. Наука. 1971. С. 46–150.
- Пономарев Я.А. Психология и педагогика творчества. М. Педагогика, 1976.
- Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М. Наука, 1983.
- Пономарев Я.А. Закон в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / отв. ред. Л.И. Анцыферова. М., 1989. С. 187–198.
- Пономарев Я.А. Исследование творческого потенциала человека // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 3–11.

- Пономарев Я.А. О предмете системного подхода и степени его развития (на примере психологии творчества) // Психология творчества: Школа Я.А. Пономарева / под ред. Д.В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006. С. 277–283.
- Пономарев Я.А. К вопросу о психологических механизмах взаимоотношения чувственного и логического познания [1957] // Психика и интуиция [1967]: Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / ред.-сост.: А.Л. Журавлев, Т.В. Галкина. М., 2010. С. 212–221.
- Пономарев Я.А. Психология творчества [1976] // Современные исследования интеллекта и творчества / отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, М.А. Холодная. М. ИП РАН. 2015. С. 431–527.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Богоявленская Д.Б. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. Коллективная монография / под ред. Я.А. Пономарева. М.: Наука, 1990.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Голубева Э.А. Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии / отв. ред. Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов. М.: Philosophical society. 1988.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Зарецкий В.К. Исследование проблем психологии творчества: коллективная монография / под ред. Я.А. Пономарева. М. Наука. 1973.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Философские проблемы педагогики и творчества // Информационный бюллетень Philosophical society СССР. 1989. № 1(76). С. 57–65.
- Пономарев Я.А., Тухтин В.С. Отражение как свойство материи // Современные проблемы познания диалектического материализма. М. Мысль, 1970. С. 248–325.
- Савенков А.И. Педагогические основы развития продуктивного мышления одарённых детей. Автореферат дисс...доктора пед. наук. М.: МПГУ, 1997.
- Семенов И.Н. Опыт экспериментального моделирования интеллектуально-личностных аспектов творческой деятельности // Материалы IV съезда Общества психологов. Тбилиси. Мерцнеба. 1971. С. 483–484.
- Семенов И.Н. Методологические проблемы системного изучения организации мыслительной деятельности // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1982. С. 301–319.
- Семенов И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИОПП АПН СССР. 1990.
- Семенов И.Н. Философия креативизации образования и взаимодействие интуитивистики и рефлексии в психологии творчества Я.А. Пономарева // Духовность и рефлексивность в становлении профессионала / Под ред. Н.А. Коваль, И.Н. Семенова. М.-Тамбов. ТГУ, 1997. С. 55–63.
- Семенов И.Н. Роль сотрудничества Б.Ф. Ломова и Я.А. Пономарева в институализации психологии творчества // История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. М.: ИП РАН. 2006. С. 417–420.
- Семенов И.Н. Алексеев Никита Глебович. Зиновьев Александр Александрович. Ладенко Иосиф Семенович. Пономарев Яков Александрович. Семенов Игорь Никитович. Шеварев Петр Алексеевич // ММК в лицах. М.: Наследие ММК, 2007.
- Семенов И.Н. Системодеятельностная методология и рефлексивная психология мышления. Монография. Ногинск. Аналитика Родис, 2014.
- Семенов И.Н. Взаимодействие Я.А. Пономарева и М.Г. Ярошевского в развитии психологии творчества и рефлексии // Психологический журнал. 2015а. Т. 36. № 6. С. 45–54.
- Семенов И.Н. К 130-летию Общества психологов и 95-летию со дня рождения Я.А. Пономарева: обзор развития секции «Психология творчества» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015б. № 6. С. 29–68.
- Семенов И.Н. Вклад А.Н. Леонтьева в развитие психологии мышления, инженерной психологии и эргономики // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 3. С. 3–20.
- Семенов И.Н. Генерация и социализация субъектов научно-творческой деятельности посредством рефлексивно-психологического изучения развития человеческого капитала. // Известия РАО. 2021. № 4. С. 155–170.
- Семенов И.Н. Развитие научного творчества в системе коммуникативно-познавательных отношений, определяющих продуктивность культурно-созидающей деятельности. // Известия РАО. 2022. № 1. С. 154–177.
- Семенов И.Н. История и теория рефлексивной психологии творчества и педагогики развития человеческого капитала // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: ИП РАН, 2023. С. 306–317.
- Семенов И.Н., Водопьянов Д.А. Рефлексивная психология развития педагогической психологии планомерного формирования умственных действий, творческого мышления и профессиональной подго-

- товки психологов и педагогов (К юбилеям 100-летия Н. Ф. Талызиной и 120-летия П. Я. Гальперина) // Известия РАО. 2023. № 2. С. 187–215.
- Семенов И. Н., Калашников И. Г. История когнитивной и метакогнитивной психологии рефлексивного развития творчества. Учебно-метод. пособие. М.: МГПУ, 2024.
- Семенов-Истрин И. Н. Портреты в сонетах русских поэтов. М. 2025.
- Устройство для психологических исследований: а. с. SU1544371 A1, 23.02.1990 / А. П. Долгов, В. В. Мухортов, Я. А. Пономарев. — № 4427306; заявл. 16.5.1988.
- Ушаков Д. В., Валуева Е. А. Параллельные открытия в отечественной и зарубежной психологии: пример интуиции и имплицитного научения // Обзор российской психологии в регионах страны и в мире. М. 2006. С. 32–44.
- Alexeev N. G., Ponomarev J. A., Semenov I. N. Proceedings of the First Finnish-Soviet Symposium on Creativity. / Ed. Ponomarev J. A., Saarnen A. Helsinki. 1985.
- Mattshaus W. Sowjetische Denkpsychologie. Gottingen: Verlag fur Psychologie. Gottingen, Toronto, Zurich. 1988. (Рецензия.: Семенов И. Н. Современная советская психология мышления: панорама фундаментальных достижений // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 6. С. 160–162).

**REFLECTION ON THE LIFE OF YA. A. PONOMAREV
AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF HIS METHODOLOGY
FOR THE STUDY OF CREATIVITY AND SPIRITUALITY
(ON THE 105TH ANNIVERSARY OF THE PHILOSOPHER-PSYCHOLOGIST)**

© Igor N. Semenov

Doctor of Psychology, Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
i_samenov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6689-448X

The article examines the systemic methodology of Ya. A. Ponomarev, its formation and implementation in general and applied psychology, as well as its prospects for development in the study of creativity. A periodization of the stages and a differentiation of the thematic directions of Ya. A. Ponomarev's creativity are proposed, considering their socio-existential conditioning of his personal and professional growth from reflexive personological positions. For the first time, Ya. A. Ponomarev's self-reflection on his life-creation is characterized in the context of the further development of modern psychology.

Keywords: psychology methodology, productive thinking, mental development, scientific creativity, intuition, reflection, cognitivism, socio-existential determination, reflexivity of subject development

REFERENCES

- Alekseev N. G., Ponomarev Ya. A., Semenov I. N. (1982). Psychological Studies of Creativity // Psychological Journal. V. 3. № 3. P. 153–160.
- Alekseev N. G., Semenov I. N., Stepanov S. Yu. (1995). Thoughts about Thoughts. Vol. 1: Reflexive Thinking and Creativity. Ed. by I. S. Ladenko, V. V. Davydov and I. N. Semenov. Novosibirsk: NSU.
- Anikina V. G., Koval N. A., Semenov I. N. (2001). A Study of Existential Reflection in Problem-Conflict Situations. Tambov: TSU.
- Antsiferova L. I. (1957). The Role of Analysis in the Process of Solving Creative Problems // Abstracts of Papers at the Meeting on the Psychology of Cognition / Ed. S. L. Rubinstein. Moscow: Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. P. 95–111.
- Artamonov V. I. (2003). First-Person Psychology: 14 Conversations with Russian Scientists. Moscow: Academy.
- Bershatsky G. N., Semenov I. N. (2003). Conceptual Models of Intuition and Reflection in the Structure of Creative Thinking and Their Testing in Management // Reflexive-Organizational Problems of Thinking and Personality Development in Education and Management / Ed. I. N. Semenov, T. G. Boldina. Moscow: IRPTiGO. P. 78–85.
- Galperin P. Ya., Danilova V. L. (1980). Fostering Systematic Thinking in the Process of Solving Creative Problems // Voprosy psichologii. № 1. P. 31–38.

- Davydov V.V., Ponomarev Ya.A., Elkonin D.B.* (1966). Age-Related Possibilities of Knowledge Acquisition / edited by D.B. Elkonin, V.V. Davydov. Moscow: Prosveshchenie.
- Derkach A.A., Semenov I.N., Balaeva A.V.* (2005). Reflexive Acmeology of Creative Individuality. Moscow: RAGS.
- Zhuravlev A.L., Galkina T.V.* (2015). The Role of Ya. A. Ponomarev's Theory in the Development of the Humanities (on the 95th Anniversary of the Scientist's Birth) // Science. Culture. Society. № 3. P. 5–19.
- Leontiev A.N., Ponomarev Ya.A., Gippenreiter Yu.B.* (1981). An Experimental Study of Creative Thinking. General Psychology: Thinking. Reader: Psychology of Thinking. Moscow: Moscow State University. P. 269–280.
- Makurova A.V.* (2015). The Development of Reflexive Psychology by I.N. Semenov: From Research on Thinking to the Formation of a Scientific School (a review based on W. Matthaus's book, Göttingen, 1988) // Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research. № 1–2. P. 22–56.
- Ponomarev Ya.A.* (1959). On Interaction and Development (in Connection with the Study of the Interaction of the Knowing Subject with the Known Object) // Reports of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. № 1. P. 73–78.
- Ponomarev Ya.A.* (1960). Psychology of Creative Thinking / Ed. A.N. Leontiev. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR.
- Ponomarev Ya.A.* (1964). The Problem of the Ideal // Problems of Philosophy. № 8. P. 59–68.
- Ponomarev Ya.A.* (1967). Psyche // Philosophical Encyclopedia. Moscow: SE. V. 4. P. 414–417.
- Ponomarev Ya.A.* (1967). Knowledge, Thinking, and Mental Development. Moscow: Prosveshchenie.
- Ponomarev Ya.A.* (1969). Psychological Modeling of Scientific Creativity // Scientific Creativity / Ed. M.G. Yaroshevsky. Moscow: Nauka. P. 309–340.
- Ponomarev Ya.A.* (1971). Development of Scientific Creativity Problems in Soviet Psychology // Problems of Scientific Creativity in Modern Psychology, edited by M.G. Yaroshevsky. Moscow: Nauka. P. 46–150.
- Ponomarev Ya.A.* (1976). Psychology and Pedagogy of Creativity. Moscow: Pedagogy.
- Ponomarev Ya.A.* (1983). Methodological Introduction to Psychology. Moscow: Nauka.
- Ponomarev Ya.A.* (1989). Law in Psychology. Categories of Materialistic Dialectics in Psychology, edited by L.I. Antsyferova. Moscow. P. 187–198.
- Ponomarev Ya.A.* (2006). A Study of Human Creative Potential // Psychological Journal. 1991. V. 12. № 1. pp. 3–11. On the Subject of the Systems Approach and the Degree of its Development (Based on the Psychology of Creativity) // Psychology of Creativity: Ya. A. Ponomarev's School / Ed. by D.V. Ushakov. Moscow: IP RAS. P. 277–283.
- Ponomarev Ya.A.* (2010). On the Question of Psychological Mechanisms of the Relationship between Sensory and Logical Cognition [1957] // Psyche and Intuition [1967]: Unpublished Materials, Poems, Drawings, and Photographs / Ed. by A.L. Zhuravlev, T.V. Galkina. Moscow. P. 212–221.
- Ponomarev Ya.A.* (2015). Psychology of Creativity [1976] // Modern Studies of Intelligence and Creativity / Ed. by A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, M.A. Kholodnaya. Moscow: IP RAS. P. 431–527.
- Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Bogoyavlenskaya D.B.* (1990). Psychology of Creativity: General, Differential, Applied. Collective monograph / Ed. by Ya. A. Ponomarev. Moscow: Nauka.
- Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Golubeva E.A.* (1988). Psychological and Pedagogical Aspects of the Development of Creativity and Reflection / Ed. by Ya. A. Ponomarev, I.N. Semenov, S. Yu. Stepanov. Moscow: Philosophical Society.
- Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Zaretsky V.K.* (1973). Research of Problems of the Psychology of Creativity: collective monograph / Ed. by Ya. A. Ponomarev. Moscow: Nauka.
- Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Stepanov S. Yu.* (1989). Philosophical Problems of Pedagogy and Creativity // Information Bulletin of the Philosophical Society of the USSR. № 1(76). P. 57–65.
- Ponomarev Ya.A., Tyukhtin V.S.* (1970). Reflection as a Property of Matter // Modern Problems of Understanding Dialectical Materialism. Moscow: Mysl. P. 248–325.
- Savenkov A.I.* (1997). Pedagogical Foundations of Developing Productive Thinking in Gifted Children. Abstract of a Doctor of Pedagogical Sciences Dissertation. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
- Semenov I.N.* (1971). Experimental Modeling of the Intellectual and Personal Aspects of Creative Activity // Proceedings of the 1st Congress of the Society of Psychologists. Tbilisi: Mertsnieba. P. 483–484.
- Semenov I.N.* (1982). Methodological Problems of a Systemic Study of the Organization of Mental Activity // Systemic Research. Methodological Problems. Moscow: Nauka. P. 301–319.

- Semenov I.N.* (1990). Problems of Reflexive Psychology of Creative Problem Solving. Moscow: Research Institute of Psychologists and Pedagogical Problems of the USSR Academy of Pedagogical Sciences.
- Semenov I.N.* (1997). Philosophy of Creativity in Education and the Interaction of Intuitionism and Reflexivity in the Psychology of Creativity by Ya.A. Ponomareva // Spirituality and Reflexivity in the Development of a Professional / Ed. N.A. Koval, I.N. Semenov. Moscow-Tambov. TSU. P. 55–63.
- Semenov I.N.* (2006). The Role of B.F. Lomov and Ya.A. Ponomarev's Collaboration in the Institutionalization of the Psychology of Creativity // History of Russian and World Psychological Thought: Comprehending the Past, Understanding the Present, and Foreseeing the Future. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Pp. 417–420.
- Semenov I.N.* (2007). Alekseev Nikita Glebovich. Zinoviev Alexander Alexandrovich. Ladenko Iosaf Semenovich. Ponomarev Yakov Alexandrovich. Semenov Igor Nikitovich. Shevarev Petr Alekseevich // MMK in Persons. Moscow: MMK Heritage.
- Semenov I.N.* (2014). Systematic Activity Methodology and Reflexive Psychology of Thinking. Monograph. Noginsk. Analytics Rodis.
- Semenov I.N.* (2015a). The Interaction of Ya.A. Ponomarev and M.G. Yaroshevsky in the Development of the Psychology of Creativity and Reflection // Psychological Journal. V. 36. № 6. P. 45–54.
- Semenov I.N.* (2015b). On the 130th Anniversary of the Society of Psychologists and the 95th Anniversary of Ya.A. Ponomarev's Birth: A Review of the Development of the "Psychology of Creativity" Section // Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research. № 6. P. 29–68.
- Semenov I.N.* (2018). The Contribution of A.N. Leontiev to the Development of the Psychology of Thinking, Engineering Psychology, and Ergonomics // Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology. № 3. P. 3–20.
- Semenov I.N.* (2021). Generation and Socialization of Subjects of Scientific and Creative Activity through a Reflexive-Psychological Study of Human Capital Development. // Izvestiya RAO. № 4. P. 155–170.
- Semenov I.N.* (2022). Development of Scientific Creativity in the System of Communicative and Cognitive Relationships that Determine the Productivity of Cultural and Creative Activity. // Izvestiya RAO. № 1. P. 154–177.
- Semenov I.N.* (2023). History and Theory of Reflexive Psychology of Creativity and Pedagogy of Human Capital Development // History of Domestic and World Psychological Thought: Know the Past, Analyze the Present, Predict the Future / Ed. A.L. Zhuravlev, Yu.V. Kovaleva, Yu.N. Oleinik. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. P. 306–317.
- Semenov I.N., Vodopyanov D.A.* (2023). Reflexive Psychology of the Development of Educational Psychology of the Systematic Formation of Mental Actions, Creative Thinking, and Professional Training of Psychologists and Teachers (On the Anniversaries of the 100th Anniversary of N.F. Talyzina and the 120th Anniversary of P.Ya. Galperin) // Izvestiya RAO. № 2. P. 187–215.
- Semenov I.N., Kalashnikov I.G.* (2024). History of Cognitive and Metacognitive Psychology of the Reflexive Development of Creativity. Study Guide. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
- Semenov-Istrin I.N.* (2025). Portraits in Sonnets of Russian Poets. Moscow.
- Device for psychological research: a. c. SU1544371 A1, 23.02.1990 / A.P. Dolgov, V.V. Mukhortov, Ya.A. Ponomarev. — No. 4427306; declared. 16.5.1988.
- Ushakov D.V., Valueva E.A.* (2006). Parallel discoveries in Russian and foreign psychology: an example of intuition and implicit learning // Review of Russian psychology in the regions of the country and in the world. Moscow. P. 32–44.
- Alexeev N.G., Ponomarev Ya.A., Semenov I.N.* (1985). Proceedings of the First Finnish-Soviet Symposium on Creativity. / Ed. Ponomarev Ya.A., Saarnen A. Helsinki.
- Mattshaus W.* (1988). Sowjetische Denkpsychologie. Gottingen: Verlag fur Psychologie. Gottingen, Toronto, Zurich. (Review: Semenov I.N. Modern Soviet Psychology of Thinking: A Panorama of Fundamental Achievements // Psychological Journal. 1989. V. 10. № 6. P. 160–162).

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С МНОЖЕСТВЕННОЙ СЕНСОРНОЙ БЛОКАДОЙ (К 55-ЛЕТИЮ ЗАГОРСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

© Сорокин В.М.

Кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры педагогики
и психологии образования, Санкт-Петербургский государственный университет
(ГБОУ ВПО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия
vombat000@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3875-3687

© Даринская Л.А.

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии
образования, Санкт-Петербургский государственный университет
(ГБОУ ВПО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия
lars_2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9360-7976

© Демьянчук Р.В.

доктор психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры педагогики
и психологии образования, Санкт-Петербургский государственный университет
(ГБОУ ВПО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия
rdconsult@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5939-7733

© Молодцова Г.И.

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии
образования, Санкт-Петербургский государственный университет
(ГБОУ ВПО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия
molodlg@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8046-1728

Для цитирования:

Сорокин В.М., Даринская Л.А.
Демьянчук Р.В., Молодцова Г.И.
Роль творческой активности
в процессе социализации лиц
с множественной сенсорной блока-
дой // Ученые записки Института
психологии Российской академии
наук. 2025. Т.5. №4(17). С.19-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_03

Sorokin V.M., Darinskaia L.A.
Demyanchuk R.V., Molodtsova G.I.
The role of creative activity in the so-
cialization of individuals with multi-
ple sensory deprivation. Proceedings
of the Institute of Psychology of the
Russian Academy of Sciences. 2025,
Vol.5, No4(17), Pp.19-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_03

В статье прослеживаются истоки и мотивы Загорского эксперимента как результата усвоения дефектологической наукой идей междисциплинарного и комплексного подхода к организации жизни людей с нарушениями слуха и зрения. Подчеркивается роль И.А. Соколянского, А.И. Мещерякова, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Э.В. Ильенкова в реализации уникального эксперимента по социальной адаптации и инклюзии слепоглухих детей. Представлены данные о личной и научной биографии А.В. Суворова, доктора психологических наук, профессора, единственного в мире слепоглохого психолога, педагога, философа и поэта. Его жизнь неразрывно связана с идеями изучения и воспитания слепоглухих людей в нашей стране, с самой возможностью обучения четверых воспитанников Загорского детского дома на факультете психологии МГУ с 1971 по 1977 гг. Для реализации этих идей потребовались длительные усилия дефектологов, педагогов и психологов, и прежде всего профессоров И.А. Соколянского и А.И. Мещерякова. Открытие в Загорске детского дома для слепоглухих детей в 1963 году наметило им путь к полноценному развитию, социальной и профессиональной адаптации, творческому самовыражению. Жизненные пути четверых выпускников Загорского детского дома на практике подтвердили правильность научных взглядов Л.С. Выготского, И.А. Соколянского, А.И. Мещерякова, Э.В. Ильенкова.

Особенно показательна в этом отношении биография А.В. Суворова, внесшего свой оригинальный вклад в развитие тифлосурдопсихологии как отрасли современной специальной психологии.

Ключевые слова: тифлосурдопедагогика, дизонтогенез, слепоглухие дети, Загорский эксперимент, сенсорные нарушения, творческая активность, социальная адаптация

Памяти Александра Ивановича Мещерякова посвящается

Последствия множественной сенсорной блокады и их преодоление в процессе творчества

История обучения слепоглухих детей — одна из самых драматичных страниц отечественной дефектологии. Психологический статус их, как правило, связывали с диагнозом *умственная отсталость* и *необучаемость*. Известный в начале XX в. феномен Е. Келлер (США) относили к чуду или необъяснимой случайности. В СССР подобный результат удалось повторить И.А. Соколянскому при работе с О.И. Скороходовой. Созданная система обучения давала надежду на возможность коррекции отклонений в психическом развитии человека и его успешной социализации при одновременном нарушении зрения и слуха. Это было существенным для работы со слепоглухими детьми. Следует отметить, что в системе обучения А.И. Соколянского уделялось большое внимание лепке как средству формирования предметных и пространственных представлений. В то же время отмечалось, что бедность чувственного опыта слепоглухих детей тормозила развитие их воображения, что сказывалось на результате и невозможности спонтанного формирования речи и игровой деятельности, при которой один предмет может замещать другой.

Таким образом, идеи И.А. Соколянского стали основой для создания первого в СССР детского дома для слепоглухих детей в г. Загорске в 1963 г. (ныне — Семейный центр имени А.И. Мещерякова, г. Сергиев Посад) (Соколянский, 1999). Именно там приобщение детей к творческой деятельности стало рассматриваться как одно из средств их социальной адаптации. Именно практическая работа по воспитанию и обучению слепоглухих детей привела И.А. Соколянского к идее о качественном своеобразии психического склада подобных детей, которое определяет особенности методической работы с ними. Эта идея горячо поддерживалась Л.С. Выготским, утверждавшим, что психику слепого ребенка (а равно, как и психику глухого и тем более слепоглухого) не следует рассматривать по аналогии с психикой здоровых детей за вычетом зрительных и слуховых впечатлений. В ситуации сенсорных дефектов, сохраняя целостность, психический аппарат обретает качественное своеобразие и не только в форме тех или иных вторичных отклонений, но и позитивных компенсаторных возможностей (Выготский, 1983).

Именно поэтому Л.С. Выготский настаивал на идее качественного подхода к психодиагностике детей с отклонениями в развитии. Продолжая рас-

суждать вслед за А.Г. Литваком, можно утверждать, что качественное своеобразие психологического склада лиц и одновременным нарушением слуха и зрения определяется особенностями сенсорной перестройки. В процессе антропогенеза и прежде всего трудовой деятельности в основу сенсорной организации человека легли зрительно-тактильно-кинестезические связи и оптико-вестибулярная установка. В ситуации слепоглухоты мы можем говорить о тактильно-кинестезическом ядре при двигательнo-вестибулярной установке (Литвак, 1998).

Эти идеи были восприняты А.И. Мещеряковым, который справедливо полагал, что одних межанализаторных перестроек недостаточно для эффективной компенсации сложного сенсорного дефекта. В качестве ведущего компенсаторного фактора могут выступать мышление и речь.

А.И. Мещеряков, как продолжатель идей И.А. Соколянского, полагал, исходя из диалогизма природы творческого акта и сознания, что предупреждением распада психики обучаемых может стать вовлечение их в творческую деятельность, способствующую самовыражению как средству купирования острого переживания одиночества, неминуемого в условиях слепоглухоты (Мещеряков, 1974). Вследствие этого расширился диапазон творческих занятий — добавились аппликация, рельефное рисование, декорирование, хореография, драматическое искусство, литература.

Таким образом, активизация творческих способностей слепоглухого ребенка способствовала его эмоциональной стабилизации (Пономарев, 1976).

Не менее важной задачей коррекционно-воспитательной работы со слепоглухими детьми является формирование их речи. Это весьма трудоемкая и методически сложная деятельность. Появление речи создает предпосылки для формирования логического мышления, высших психических функций, произвольного способа управления своим поведением. Наконец, дает возможность приобщиться к мировой культуре благодаря чтению. Последнее как форма сотворчества с автором помогает развивать воображение и литературные способности, чему так много внимания уделял А.М. Мещеряков.

Необходимость коррекции нарушений у слепоглухих в сфере предметных представлений была обусловлена их особенностями, к числу которых можно отнести вербализм, проявляющийся в отсутствии конкретного иконического образа и замене его словом. Кроме того, образы памяти при патологии зрения отличаются непол-

нотой и низким уровнем дифференцированности. Вот почему творческие занятия, в том числе лепка, способствуют формированию новых образов памяти.

К сказанному следует добавить, что при патологии зрения специалисты сталкиваются с быстрым темпом редукции уже сформированных представлений. Это имеет отношение как к остаточным зрительным представлениям у поздно ослепших людей, так и к вновь сформированным осязательным образам. Включенность в творческую деятельность препятствует процессу редукции образов памяти. Следует также отметить особую роль креативных технологий при формировании пространственных представлений лиц с патологией зрения и слуха.

Так, например, работа с трехмерными объектами в процессе лепки влияет на формирование адекватных пространственных представлений и их гибкость в форме ментальной ротации, что помогает слепоглухим самостоятельно ориентироваться в пространстве. Роль слуха весьма часто связывают исключительно с освоением музыкальной культуры и формированием речи. Тем не менее слуховое восприятие отличается чрезвычайно богатым предметным содержанием, в том числе это относится и к образам акустического пространства, принимающих непосредственное участие в пространственной ориентировке человека. В силу этого задачей особой важности является развитие остаточного слуха, так как лица с тотальной врожденной слепотой и глухотой весьма малочисленны. Тем самым остается возможность приобщения слепоглухих детей к музыкальному творчеству. Заметим, что даже слепоглохая О.И. Скороходова проявляла устойчивый интерес к музыке и воспринимала ее, подобно Л. Бетховену, используя сохранную вибрационную чувствительность.

Ориентация в пространстве представляет собой сложную практическую активность человека по нахождению своего положения и направлению движения к цели. В основе ее лежит многоуровневая организации разномодальных представлений о пространстве (Семенович, 2023).

Уровень 1. Протопатическая и эпикритическая чувствительность. Проприоцептивная система человека.

Уровень 2. Соматогнозис.

Уровень 3. Метрические и топологические представления.

Уровень 4. Координатные представления.

Уровень 5. Структурно-топологические представления.

Уровень 6. Проекционные представления. Вербальное, концептуальное обозначение пространства, позволяющее манипулировать с ним в абстрактном плане.

Уровень 7. Стратегия, когнитивный стиль личности, актуализирующийся в процессе контакта с внутренним (телесным) и внешним пространством.

Безусловно зрительное восприятие и представления играют ведущую роль в пространственной ориентации человека. Его потеря, тем более в сочетании с нарушенным слухом, затрагивает по сути дела работу всех выше указанных уровней пространственных представлений. Исследования их нарушения и интактности — перспективная задача современной дефектологии.

Нарушения работы одного уровня может быть, в известных пределах, скомпенсировано работой других уровней. Кроме того, по мере созревания зрительного анализатора, его участки так или иначе оказывают влияние на работу всех уровней в разной степени, в разные возрастные периоды и при решении разных задач (Семенович, 2023).

Для незрячего человека способность самостоятельно ориентироваться в пространстве напрямую связана с социальной мобильностью и интегрированностью в общество. Вместе с тем, хорошо известно, что многие незрячие весьма эффективно ориентируются в окружающем пространстве, что говорит о возможности формирования адекватных топографических представлений. Важную роль в пространственной ориентации незрячих играют мышление и воображение. В дошкольном и младшем школьном возрасте недостатки моторного развития затрудняют процесс обучения пространственной ориентации слепых. Пластические виды творчества способствуют формированию топографических представлений.

Исследователи отмечают, что у незрячих детей медленно формируется схема тела, представления о правой и левой частях пространства (Виноградова, 2021; Защирина, Курчигина, 2012; Воробьев, 2022).

Незрячий ребенок с трудом осваивает относительность пространственных оценок. Активное включение незрячего ребенка в игровую и спортивную деятельность способствует преодолению отставания в развитии моторной сферы и тем самым сказывается на развитии навыков пространственной ориентации.

Сами пространственные представления, на основе которых осуществляется пространственная ориентация как особая форма деятельности, традиционно делятся на два типа по степени

одномоментной целостности (симультанности) представления — *карта-путь* и *карта-план*. Два названных типа представлений отличаются уровнем субъективной линии горизонта. Представления *карта-путь* — это видение пространства фрагментами, которые не складываются в единое целое. Представление типа *карта-план* воспроизводят в сознании целостный образ пространства так, словно субъект видит его с высоты. Понятно, что в случае представлений *карта-план* ориентация реализуется быстрее и эффективнее. Сказанное легко проиллюстрировать примерами реального восприятия пространства с разных по высоте точек зрения. Вот почему включение детей с множественной сенсорной блокадой в активные формы творческой деятельности в той или иной степени стимулирует развитие пространственных представлений на разных уровнях их организации.

Следует отметить, что пространственные представления генетически связаны с временными. Именно поэтому включение человека с инвалидностью по зрению и слуху в доступные для него занятия ритмикой и хореографией способствует формированию адекватных временных представлений и тем самым оказывает положительное влияние на процесс пространственной ориентации. Кроме этого, занятия хореографией оказывают коррекционное воздействие на недостатки общего моторного развития, свойственные лицам с патологией зрения и слуха. Так, например, в норме ребенок может самостоятельно освоить ходьбу. В случаях же слепоты ему очень трудно это сделать, потому что он начинает часто ползать неестественным способом — ногами вперед, что затрудняет или делает невозможным процесс передвижения.

Вовлечение слепоглухих детей в изобразительную или литературную деятельность позволяет во многом исправить недостатки воображения, которое у лиц с патологией зрения и слуха характеризуется чрезвычайно низким уровнем оригинальности, бедностью замысла, повторяемостью одних и тех же образов. Соответственно, творческая активность способствует формированию комбинаторных механизмов воображения и обогащению запаса представлений.

Нельзя не отметить связь воображения с игрой. Переход от предметной деятельности к игровой осуществляется за счет способности ребенка использовать один предмет в качестве заместителя либо символа другого. Заметим, что в случаях нормы игровая деятельность у детей возникает спонтанно, без помощи взрослых, путем наблюдений

и подражания. Ситуация же слепоты и глухоты требует коррекционного вмешательства взрослого и специального формирования с его участием игровой деятельности ребенка. Именно поэтому игра используется и как способ коррекции отклонений в развитии, и как самостоятельная форма организации творческой деятельности. Одной из важнейших и общих характеристик всех форм дизонтогенеза является низкая способность детей с инвалидностью к самонаучению, что так или иначе снижает их познавательную мотивацию. В этой связи дефектологическая практика показала, что цена одних и тех же недостатков в обучении здорового и больного ребенка разная, ибо здоровый ребенок может так или иначе восполнить недостаток знаний самостоятельно, а ребенок с отклонениями в развитии как правило не имеет такую возможность.

А.М. Мещеряков, в свою очередь, настаивал на том, чтобы в процесс обучения слепоглухих детей как можно больше включалось элементов творчества и активно поощрялось хоть малейшее проявление их инициативы. Это важно еще и для формирования волевых свойств личности. Последнее в дефектологической практике имеет принципиальное значение. Процесс социальной адаптации лиц с одновременными нарушениями зрения и слуха требует от них чрезвычайных волевых усилий, ибо один и тот же результат у здорового человека и человека с инвалидностью имеет совершенно разную психофизиологическую цену. Волевые характеристики личности выступают для людей с множественной сенсорной блокадой важным компенсаторным средством и не позволяют им превратиться в бездейственных инвалидов.

Как уже было сказано выше, острая экзистенциальная проблема жизни слепоглухого человека — это проблема крайней социальной изоляции и одиночества. С полным пониманием этого А.И. Мещеряков рассматривал приобщение к творческой деятельности как способ смягчения чувства одиночества слепоглухих людей, как путь к самореализации, самопознанию и своеобразный психотерапевтический защитный механизм. Известно, что в экспериментальных условиях по изучению сенсорной депривации, часто активизируются психопатологические феномены — страхи, утрата чувства, депрессии и пр. В подобных ситуациях многие испытуемые спонтанно обращались к креативным практикам — рисованию, лепке, конструированию, чтению и написанию стихов и рассказов (Лебедев, Кузнецов, 1972).

А.И. Мещеряков как внимательный и опытный психолог неоднократно подмечал случаи распада психики слепоглухих учащихся после окончания интерната и возвращения домой, где выпускник оказывался в ситуации изолированности. Именно привычка к творческой активности, по его мнению, могла спасти положение и помочь в социализации людей с множественной сенсорной блокадой.

Замысел Загорского эксперимента

Системные знания о характере аномального развития детей с множественными нарушениями зрения и слуха, а также об их потенциальных возможностях и компенсаторных механизмах позволили А.И. Мещерякову выдвинуть идею обучающего эксперимента на базе факультета психологии МГУ с участием четырех слепоглухих выпускников Загорского детского дома.

Идейный замысел был поддержан философом Э.В. Ильенковым, психологами А.Р. Лурией и А.Н. Леонтьевым. С особой благодарностью следует упомянуть роль А.Н. Леонтьева — в то время декана факультета психологии МГУ. Именно он добился разрешения на особые правила поступления в университет слепоглухих абитуриентов, а также создал инклюзивные условия их обучения. Кроме этого, было получено от соответствующих министерств разрешение на дополнительное финансирование для закупки специального оборудования и оплаты работы преподавателей и ассистентов. К положенной пенсии по инвалидности, студенческой стипендии и оплаты работы секретарей слепоглухим студентам выплачивалась субсидия в размере 2000 рублей в год (сумма немалая для 70-х годов XX века) на перепечатывание аудиозаписей лекций брайлевским шрифтом. В финансировании эксперимента принимало участие и Всероссийское общество слепых. Студенты факультета психологии МГУ оказывали, как бы мы сегодня сказали, безвозмездную волонтерскую помощь своим слепоглухим сокурсникам.

Ученые полагали, что интеллектуальный уровень подопечных, достигнутый в процессе коррекционно-воспитательной работы в детском доме, должен быть достаточным, чтобы освоить программу вуза и главное, чтобы общаться к научному творчеству. Эксперимент стартовал в 1971 году и был успешно завершён в 1977. Четыре слепоглухих выпускника нашли себя в психологии, философии и изобразительном искусстве.

Результаты Загорского эксперимента

Эксперимент дал положительный результат, имел широкий социальный резонанс, вызвал острую, не прекращающуюся до сих пор спустя почти полвека научную дискуссию, в которой также принимали активное участие бывшие испытуемые, ставшие профессиональными психологами. С осторожностью можно предположить, что полученным результатам Загорского эксперимента поспособствовали характеристики самих слепоглухих выпускников, отличавшихся ярко выраженными познавательными мотивами, стремлением продолжать обучение, трудолюбием, волевыми качествами, готовностью к преодолению трудностей. После окончания университета их судьбы сложились по-разному, но все они продемонстрировали высокий уровень социальной адаптации, личностной зрелости, ответственности и проявления творческих способностей.

Юрий Михайлович Лернер родился 31 мая 1946 г. в г. Печоре Псковской области. В возрасте четырех лет заболел туберкулезным менингитом.

Его отец полковник в отставке, прошедший всю войну, преподаватель философии Московского химического университета им. Д.И. Менделеева и мать военврач вспоминали, что они видели, как в результате инъекций пенициллина у их сына снижались зрение и слух, но сделать ничего не могли, так как без лечения антибиотиками ребенок мог бы погибнуть.

В четыре с половиной года у Юры зрение сохранилось на левом глазу в пределах слабовидения. Он умел пользоваться этими остатками зрения, хорошее цветоощущение помогало ему в ориентировке и рассматривании предметов. Слух терялся постепенно, окончательно он пропал после второго тяжелого заболевания в семь лет.

К моменту потери слуха мальчик уже овладел словесной речью и в дальнейшем мог устно общаться со слышащими людьми, а обращенную к нему речь воспринимал дактильно при помощи пальцевой азбуки слепоглухих, которой научился благодаря усилиям родителей. Они разработали свою методику: на каждую букву предлагалась игрушка, которую можно ощупать руками, с которой можно играть и вылепить похожую из пластилина.

Постепенно лепка становилась страстью Юры. Родители и знакомые удивлялись его таланту. Сам Ю.М. Лернер позже вспоминал, что пластилин не дал тогда ему маленькому сойти с ума. Это был мощный контакт с внешним миром, то, чего он не мог видеть, материализовывалось в пласти-

лине и существовало у него на столе, на шкафу, на книжной полке.

Семья Ю.М. Лернера жила в Ленинграде. Юра учился в школе для слепых детей. Педагоги отмечали его исключительные успехи в учении благодаря трудолюбию, добросовестности, аккуратности. Учился Юра с желанием, настойчиво преодолевая трудное и непонятное. В характеристике, данной ребенку педагогами в 1963 году, отражена атмосфера, царившая в семье Ю.М. Лернера: «Юра вырос в трудовой дружной семье. Заботливое и чуткое отношение членов семьи друг к другу способствовало формированию многих положительных черт его характера. В семье к Юре относятся с большой любовью и вниманием. Юра отвечает тем же. Он радуется успехам отца, хорошим оценкам сестры» (Российская государственная библиотека для слепых...2016). В годы учебы мальчика в школе родители не раз приезжали с ним в Москву в Научно-исследовательский институт дефектологии на консультации к профессору И. А. Соколянскому.

С 1960 по 1963 гг. Ю.М. Лернер работал на учебно-производственном предприятии Всесоюзного общества слепых (УПП ВОС) в Ленинграде. В 1963 году был открыт Загорский детский дом для слепоглухих. В тот же год Юрий поступил в него в возрасте 17 лет. Способный грамотный юноша с сохраненной устной речью имел в детском доме слепоглухих общественное поручение: проводить занятия по лепке со слепоглухими малышами, в группе из троих мальчиков.

В феврале 1971 г. Юрий Лернер и еще три воспитанника детского дома для слепоглухих: Александр Суворов, Сергей Сироткин и Наталья Корнеева (ныне — Крылова) из Загорска переехали в Москву, где стали заниматься по школьной программе в экспериментальной группе слепоглухих при Институте дефектологии. Через год вся экспериментальная группа поступила на факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

После окончания МГУ в 1977 году Ю.М. Лернер был принят на работу младшим научным сотрудником в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт Российской академии образования). Но истинным призванием Юрия Михайловича была скульптура. В каждой своей работе он старался передать настроение, ощущение от того контакта, который породил эту вещь. Его скульптуры радовали и вызывали живой отклик у окружающих. После окончания Народного университета искусств им. Н.К. Крупской им был выполнен бюст

учителя — профессора А.И. Мещерякова. Отлитый из бронзы, он установлен в Москве, на Востряковском кладбище, на могиле А.И. Мещерякова.

В подмосковном Сергиеве Посаде Ю.М. Лернер вел на протяжении многих лет по определенным дням недели занятия со слепоглухими детьми, в том числе и с самыми маленькими. Они вместе лепили из пластилина, глины — так у малышей, которые никогда в жизни не видели, допустим дерева или горы, формировалось пространственное представление. Это и стало темой научной работы Ю.М. Лернера.

Юрий Михайлович был очень мобильным — до Сергиево-Посадского реабилитационного центра добирался самостоятельно на метро, потом электричкой, затем автобусом и пешком. Все, кто знали Юрия Михайловича, отмечали его жизнерадостность и веселый нрав, хотя жизнь его была далеко не беспечной. После смерти горячо любившей его матери ему приходилось больше полагаться на себя, что было нелегко в условиях полной глухоты и очень небольшого остаточного зрения. Кроме этого, у него прогрессировала болезнь ног. В последние годы жизни Юрий Михайлович с трудом передвигался даже с посторонней помощью. Работать он уже не мог и последние пять лет жизни прожил в Геронтологическом центре в Переделкино. Юрий Михайлович Лернер умер 26 сентября 2003 года.

Наталья Николаевна Крылатова (Корнеева) родилась в 1949 году в г. Николаеве, в семье токаря судостроительного завода. В полтора года почти полностью потеряла зрение. Начала учиться в школе для слепых, но в семь лет заболела менингоэнцефалитом и в результате потеряла слух. С этого момента у девочки начались настоящие трудности. Вскоре совсем исчезла речь. Из школы ее отчислили. Два года лежала дома в полной изоляции. Наташа сохранила единственную возможность контакта с миром благодаря тому, что умела читать с помощью алфавита Брайля. Родные привезли ее в Москву, к профессору А.И. Мещерякову, который работал с такими детьми. Педагогический эксперимент с четырьмя слепоглухими детьми из Загорского дома-интерната, патронаж над которыми осуществлял известный русский психолог А.Р. Лурия, был широко известен в стране и за рубежом.

Наталья Николаевна преодолела свою трагедию. Она обрела богатую личную и интеллектуальную жизнь: у нее замечательный муж — Юрий Давидович Крылатов, с которым они вместе с 1982 года, выросли прекрасные здоровые дочери — Хильда и Дина, старшая замужем, и бабушка с дедушкой обожают своего маленького внука Ярослава.

Наталья Николаевна по-прежнему работает научным сотрудником Института психологии РАО, ведет научную тему «Психология грамотности». Вместе с мужем они запатентовали немало изобретений в деле совершенствования обучения слепоглухих людей. О Наталье Николаевне и ее семье сняты фильмы, написаны статьи. Главным своим богатством она считает обретение веры в Бога, освящающей ей земную жизнь (Крылатова, 1996).

Сироткин Сергей Алексеевич, родился в 1949 году в деревне Красавице Кологривского района Костромской области. Тугоухий с рождения, в 5 лет ослепший, с 6 лет обучался под руководством И. А. Соколянского в детском саду для глухих с индивидуальным педагогом, а затем так же индивидуально в школе для слепых, в Загорский детский дом поступил в 14 лет.

В 1977 году окончил факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1977 по 1979 гг. работал младшим научным сотрудником в НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (ныне Психологический институт Российской академии образования).

В 1979 году он и его супруга Эльвира Шакенова (1938–2000 гг.) перешли на работу во Всероссийское общество слепых (ВОС) в сектор социальной реабилитации слепоглухих. Активно занимались научной деятельностью, принимали участие в общественной жизни ВОС. Они изучали социальное положение и проблемы слепоглухих в России, собирали информацию о зарубежном опыте работы со взрослыми людьми с инвалидностью по зрению и слуху.

В соавторстве с супругой — кандидатом философских наук, членом Союза писателей России — Сергей Сироткин подготовил учебно-методические пособия: «Как общаться со слепоглухими» (1986), «Слепоглухие. Социально-психологическая характеристика контингента» (1987), «Слепоглухота. Классификация и проблемы» (1989). На основе научного доклада «Слепоглухонемота. Исторические и методологические аспекты: мифы и реальность» в 1988 году Сергей Алексеевич защитил кандидатскую диссертацию. Доклад был включен в одноименный сборник научных докладов Философского общества СССР (1989).

С 1978 года до кончины Сергей Алексеевич Сироткин был председателем Совета по работе со слепоглухими при Центральном правлении ВОС, заведовал сектором социальной реабилитации слепоглухих Института профессиональной реабилитации и подготовки персонала «РЕАКОМП». На базе института по его иници-

ативе были организованы курсы по обучению и подготовке тифлосурдопереводчиков (переводчиков для работы со слепоглухими) и социальных работников для обслуживания людей с коморбидными нарушениями. В 1991 году он стал членом, а в 2000-м — председателем постоянной Комиссии по деятельности слепоглухих при Европейском Союзе Слепых. В 1992 году Сергей Сироткин и Эльвира Шакенова создали межрегиональную общественную организацию инвалидов — Общество социальной поддержки слепоглухих «Эльвира», где Сергей Алексеевич стал президентом.

Сергей Алексеевич Сироткин ушел из жизни 15 июня 2021 года (Краевое государственное бюджетное учреждение культуры... Сироткин Сергей Алексеевич).

А. В. Суворов и его научное наследие

Наибольших успехов в научной и творческой деятельности добился *Александр Васильевич Суворов*. Он родился в 1953 году в г. Фрунзе вполне здоровым ребенком, но в детстве по не вполне понятным причинам утратил сначала зрение, а потом слух. Позже был поставлен диагноз — синдром Фридрейха, форма врожденной аномалии спинного мозга, из-за чего в последние годы жизни он был вынужден переселиться в инвалидное кресло.

Судьба А. В. Суворова во многом была определена фактом слепоты и глухоты. Однако не меньшее значение и особую роль в его жизни сыграло поступление в 1964 году в детский дом для слепоглухих детей в Загорске.

В 1977 году после окончания МГУ А. В. Суворов был принят на работу в должности младшего научного сотрудника в лабораторию теоретических проблем психологии деятельности НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (сейчас — Психологический институт РАО), с 1993 года работал в должности старшего, а затем ведущего научного сотрудника в группе психологии общения, развития и социальной реабилитации личности; был ассоциированным сотрудником лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии. С 1981 года работал в Загорском детском доме (как экспериментальной площадке), своеобразным итогом этого периода стал фильм «Прикосновение», снятый режиссером Альгисом Арлаускасом (Прикосновение, 1987).

В 1987 году А. В. Суворов изучал возможности адаптации слепоглухого педагога среди зрячеслышащих ребят в пионерском лагере «Са-

лют» в Лужском районе Ленинградской области. С 1988 г. приезжал туда вместе со слепоглухими детьми — воспитанниками Загорского детского дома. Александр Васильевич был одним из организаторов движения «Совместная педагогика», включавшего детей с инвалидностью по зрению и слуху и зрячеслышащих подростков и взрослых.

В 1994 году А.В. Суворов защитил кандидатскую диссертацию по психологии на тему: «Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты», а через два года — докторскую диссертацию на тему «Человечность как фактор саморазвития личности» (1996). С 1996 года в течение нескольких лет преподавал слабослышащим студентам факультета дефектологии Московского государственного педагогического университета спецкурс по совместной педагогике. В 1996–2006 гг. работал в Университете Российской академии образования, сначала на должности доцента, а с 1999 года — профессора кафедры педагогической антропологии.

С 2003 года начал работать в Московском городском психолого-педагогическом университете (сейчас Московский государственный психолого-педагогический университет). Был ведущим научным сотрудником Института гуманитарного образования инвалидов, лаборатории психолого-педагогических проблем непрерывного образования детей и молодежи с особенностями развития и инвалидностью, Института проблем интегрированного (инклюзивного) образования МГППУ.

Творческая активность в процессе обучения слепоглухонемых понималась А.В. Суворовым не узко утилитарно как средство формирования предметных и пространственных представлений у таких детей, а как способ самопонимания и установления каналов связи с другими людьми.

Проблема психологических барьеров между миром здоровых и миром слепоглухих, их непроницаемость и устойчивость особенно живо интересовала его во многих аспектах. Следует отметить, что универсальная проблема всего предметного содержания дефектологии вообще — это характер отношения общества к лицам с отклонениями в развитии. Позитивная динамика в характере этих отношений наблюдается вследствие активной социально-психологической интеграции в социум людей с инвалидностью. А.В. Суворов настаивал, что *совместная* творческая деятельность является важнейшим фактором социальной интеграции слепоглухих и может способствовать установлению позитивных взаимоотношений между ними и зрячеслышащими.

Александр Васильевич Суворов много работал с понятием *человечность*, применял его чаще, чем слово *гуманность*, и понимал под ним безальтернативное поведение по оказанию помощи нуждающемуся человеку. *Человечность* связана с такой характеристикой личности, как *совестливость*. Сказанное относится, по мнению А.В. Суворова, не только к здоровым людям, как носителям *больших* возможностей, но и к слепоглухим.

По твердому убеждению А.В. Суворова, Загорский эксперимент по своей гуманитарной сути помог сближению двух разных миров — мира зрячих и мира слепоглухих. И делу этого сближения ученый посвятил всю свою жизнь. Справедливости ради следует отметить, что А.В. Суворов одним из первых озвучил простую и очевидную мысль о том, что путь разрушения барьеров между миром здоровых и миром инвалидов проходит через детство.

Совместная педагогика А.В. Суворова обращает внимание на хорошо известный в дефектологии факт, который уже упоминался выше и смысл которого в том, что при всех формах дизонтогенеза в большей степени страдает способность к спонтанному развитию, т.е. самонаучению путем наблюдения и подражания. Именно поэтому процесс направленного организованного обучения детей с отклонениями приобретает большее значение, чем в случаях нормального развития. С точки зрения А.В. Суворова, спонтанное развитие не только должно дополнять направленное обучение, но и формироваться внутри процесса организованного обучения. Иначе говоря, ребенка следует учить самостоятельно учиться. Именно в совместной творческой деятельности слепоглухой сталкивается с образцами спонтанного самонаучения зрячих и пытается им подражать (Эксперимент длиною в жизнь...2011).

О творчестве участников Загорского эксперимента

А.В. Суворов оставил яркое поэтическое наследие. Мы не стремимся по понятной причине его анализировать, так как это предмет для отдельного исследования. Тем не менее важно подчеркнуть, что искусство представляет собой особый метод познания и богатый источник сведений о душевной жизни человека, в том числе и человека с особенностями развития. Современная специальная психология находится только в начале пути использования этого источника.

В одном из своих стихотворений А.В. Суворов весьма остро воспроизвел драму замкнутого в своем одиночестве слепоглухого человека:

*И снова горечь, боль и зависть
По нервам хлещут, как всегда.
В природе нет совсем стыда,
– Слепоглухим навек оставить!
С детьми суметь поговорить,
Рукой не слушая — лаская;
Ничуть в беседу не вступая,
В нее включенным все же быть,
– И вся мечта. Непостижимо
Мечтать бесплодно о таком
Для всех доступном и простом,
– И большинством едва ценимом!
О стену бьешься головой,
И к никотину тянет с горя...
Зачем тогда, с болезнью споря,
Ты учишься — полуживой?..*

19 июня 1976 г.
(Суворов, 2013).

Нечто подобное можно увидеть на примере произведения профессионального московского слепоглухого скульптора Александра Сильянова «Радость общения» (рис. 1), выполненного в предельно обобщенной манере, изображающего голову человека и сидящей на ней птички, которая рассказывает слепому обо всех событиях, которые он не может увидеть. Мотив одиночества подчеркнут тем, что собеседником героя выступает не человек, а птица, и общаются они на только им одним известном языке. Скульптура-метафора, сказка. С правой стороны там, где должно быть размещено ухо, мы видим разомкнутый контур в изображении головы. Возможно, это неслучайная деталь образительного языка художника. Топографические представления незрячих по форме имеют круговую геометрию. В то время как пространственные представления зрячих имеют многоугольную и разомкнутую конфигурацию (Литвак, 1998; Островская, 1971).

Ощущение замкнутого круглого пространства усиливает чувство изоляции и эмоционального дискомфорта. Поэтому автор размыкает круглое пространство головы, пытаясь выйти за его пределы.

Рис. 1. А. Сильянов. Радость общения.
URL: <https://опиши-мне.рф/post-9990>

Не менее выразительные с точки зрения, как идейного замысла, так и выразительности используемых художественных средств пластические композиции этого же автора. Отчаяние и депрессия слепоглухой женщины из-за одиночества и невозможности полноценного общения с миром (рис. 2) и портрет А.С. Пушкина, выполненный в экспрессионистской стилистике. Для автора этого скульптурного изображения А.С. Пушкин прежде всего мыслитель, но в особенности, по понятной причине, он важен как собеседник (рис. 3).

Рис. 2. А. Сильянов. Слепоглухота
<https://опиши-мне.рф/post-9990>

Рис. 3. А. Сильянов. Пушкин
(Александр Сильянов. https://www.silianov.ru/works_details.php?work_id=8)

Заключение

За минувшее столетие благодаря усилиям нескольких поколений исследователей (А.В. Владимирский, И.А. Соколянский, А.В. Ярмоленко, А.И. Мещеряков, О.И. Скороходова, Т.А. Басилова, А.В. Апрашев и др.) мы приобрели обширные знания о характеристиках психического развития лиц с одновременным нарушением зрения и слуха и, что особенно важно, об их потенциальных возможностях. Свой вклад в этот процесс внес А.В. Суворов, активно развивавший идеи о том, что полноценное психическое развитие слепоглухих возможно только на путях широкой социальной интеграции.

Именно в контексте совместной предметной деятельности нормально развивающегося ребенка со слепоглухим у последнего формируются вполне точные представления как о степени своей ограниченности, так и о своих возможностях. Процесс этот, неоднократно описанный А.В. Суворовым на своем интроспективном опыте и на опыте практической работы со слепоглухими детьми, весьма драматичный и болезненный. Но именно благодаря ему слепоглухой ребенок превращается

из объекта реабилитации в субъекта. В этом, с нашей точки зрения, состоит принцип человечности идеи совместной педагогики А.В. Суворова.

Возможности социальной интеграции людей с инвалидностью во многом определяются характером отношения общества к ним. Изменение этих отношений процесс длительный и многофакторный. Усилиями одного человека достичь значимого результата невозможно. Тем не менее это никогда не останавливало А.В. Суворова в попытках повлиять на отношение общества к людям со множественными сенсорными нарушениями, чему были посвящены многие его публикации. И речь в них шла не только об особенностях психологического склада слепоглухих, что важно для зрячеслышащих, но и о том, что должен знать сам слепоглухой о зрячих и слышащих людях. Именно в процессе встречного движения, по мнению А.В. Суворова, возможно преодоление ощущения одиночества, как первейшего и страшнейшего по своей катастрофичности для развития психики социального следствия слепоглухоты.

В связи со сказанным отметим, что благодаря усилиям А.В. Суворова, наряду с другими представителями отечественной науки, психология слепоглухих детей из весьма скромного раздела специальной психологии обрела новый импульс своего развития.

Сегодня Загорский детский дом представляет собой современное коррекционно-воспитательное учреждение, продолжающее традиции своего основателя А.И. Мещерякова, рукописное наследие которого бережно сохраняется в Архиве Института психологии РАН и ожидает еще своего исследователя. Его сложная структура включает отделения учебно-воспитательной работы, реабилитации для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, социальной реабилитации; службы сопровождения замещающих семей, инвалидов молодого возраста, инвалидов по слуху, слабослышащих, слепоглухих и других подопечных с ограничениями по здоровью (Государственное бюджетное стационарное учреждение социального обслуживания...).

Литература:

- Виноградова Д.А. Дети с нарушениями интеллекта: специфика представлений о схеме тела // Форум молодых ученых. 2021. № 5(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-s-narusheniyami-intellekta-spetsifika-predstavleniy-o-sheme-tela>
- Воробьев В.Ф. Коррекция нарушений пространственного праксиса у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 481. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksiya-narusheniy-prostranstvennogo-praksisa-u-malchikov-semi-vosmi-let-s-kosoglaziem-i-astigmatizmom>
- Выготский Л.С. Слепой ребенок. Собр. соч. в 6 тт. Т. 5. М., 1983.

- Государственное бюджетное стационарное учреждение социального обслуживания Московской области «Семейный центр имени А.И. Мещерякова», город Сергиев Посад. URL: <https://deaf-blind.nubex.ru>
- Защиринская О.В., Курчигина О.Л. Пространственно-временные представления как основа формирования навыков письма у детей с задержкой психического развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. № 1. С.9–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennyye-predstavleniya-kak-osnova-formirovaniya-navykov-pisma-u-detey-s-zaderzhkoy-psiicheskogo-razvitiya>
- Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Красноярская краевая специальная библиотека — центр социокультурной реабилитации инвалидов по зрению». Сироткин Сергей Алексеевич. URL: <https://rosbs.ru/uploads/documents/Sirotkin.pdf?ysclid=mhdnuak612830141779>
- Крылатова Н.Н. Мое преодоление. 1996. URL: <https://web.archive.org/web/20100524140244/http://www.moepreodolenie.ru/content/view/13/45/index.html>
- Лебедев В.И., Кузнецов О.Н. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972.
- Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. пособие. Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. С. 224–226. URL: https://pedlib.ru/Books/3/0497/3_0497-224.shtml?ysclid=mhdqi3vgcc564884610
- Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. М.: Педагогика, 1974.
- Островская Е.Б. Формирование пространственных представлений у слепых младших школьников: Диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.00. Ленинград. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1971. С. 231.
- Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976.
- Прикосновение. Документальный фильм Альгиса Арлаускаса. Размышления на тему... 1987. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/455-прикосновение-1987-документальный-фильм-альгиса-арлаускаса>
- Рождение Пушкина 2 — Скульптор Александр Сильянов. URL: <https://rutube.ru/video/9639073c33e9f62a757227f1f8614522/?r=wd>
- Российская государственная библиотека для слепых. 31 мая — 70 лет со дня рождения Ю.М. Лернера (1946–2003), психолога. URL: <http://rgbs.ru/tifology/tiflonews/yubileynye-i-pamyatnye-daty/2016u/31-maya-70-let-so-dnya-rozhdeniya-yu-m-lernera-1946-2003-psikhologa/>
- Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: Учебное пособие. М.: Генезис, 2023.
- Сильянов А. Работы. Слепоглухота. URL: https://www.silianov.ru/works_details.php?work_id=8;
- Соколянский И.А. Обучение слепоглухонемых детей // Дефектология. 1999. № 2. С. 75–84.
- Сорокин В.М., Даринская Л.А., Молодцова Г.И., Демьянчук Р.В. Загорский эксперимент и судьба ученого. Памяти А.В. Суворова (1953–2024) // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 4. С. 112–121.
- Суворов А.В. Из книги «Достоинство в склепе». Стихи разных лет. «Ваш собеседник», общероссийский журнал для слепоглухих. 2013. № 2. С. 35–36. URL: https://psyjournals.ru/journals/vashsobesednik/archive/2013_n2/67764
- Эксперимент длиною в жизнь: путь и слово Александра Суворова // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2011. Т. 3. № 2011–1. URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2011_1/36176

**THE ROLE OF CREATIVE ACTIVITY IN THE SOCIALIZATION OF INDIVIDUALS
WITH MULTIPLE SENSORY DEPRIVATION
(ON THE 55th ANNIVERSARY OF THE ZAGORSK EXPERIMENT)**

© Victor M. Sorokin

PhD (Psychology), Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology of Education,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
v.sorokin@spbu.ru; ORCID: 0000–0002–3875–3687

© Larisa A. Darinskaia

Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Education,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
lars_2000@mail.ru; ORCID: 0000–0001–9360–7976

© Roman V. Demyanchuk

Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology of Education,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
rdconsult@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5939-7733

© Galina I. Molodtsova

PhD (Pedagogy), Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology of Education,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
molodlg@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8046-1728

The article traces the origins and motives of the Zagorsk experiment as a result of defectology science adopting interdisciplinary and integrated approaches to organizing the lives of people with hearing and vision impairments. It highlights the pivotal contribution of I. A. Sokolyansky, A. I. Meshcheryakov, A. N. Leontiev, A. R. Luria, and E. V. Ilyenkov to a unique experiment on the social adaptation and inclusion of deafblind children. The paper also presents information about the personal and academic biography of A. V. Suvorov, Doctor of Psychology, Professor, and the world's only deafblind psychologist, educator, philosopher, and poet. His life is inextricably linked with the study and education of deafblind individuals in our country, and with the very possibility of training of four pupils from the Zagorsk boarding school at the Faculty of Psychology of Moscow State University from 1971 to 1977. The realization of these ideas required the significant efforts of defectologists, educators, and psychologists, and above all, Professors I. A. Sokolyansky and A. I. Meshcheryakov. The establishment of a boarding school for deafblind children in Zagorsk in 1963 set them on a path toward full development, social and professional adaptation, and creative self-expression. The lives of four graduates of the Zagorsk boarding school practically validated the scientific theories of L. S. Vygotsky, I. A. Sokolyansky, A. I. Meshcheryakov, and E. V. Ilyenkov. The biography of A. V. Suvorov, who made a unique contribution to the development of typhlosurdopsychology as a branch of special psychology, is particularly noteworthy.

Keywords: typhlosurdopedagogy, dysontogenesis, deafblind children, Zagorsk experiment, sensory impairments, creative activity, social adaptation

REFERENCES

- Vinogradova D. A. (2013). Children with intellectual disabilities: specifics of ideas about the body scheme // Forum of Young Scientists. № 5(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deti-s-narusheniyami-intellekta-spetsifika-predstavleniy-o-sheme-tela>
- Vorobjov V. F. (2022). Correction of spatial praxis disorders in seven- to eight-year-old boys with strabismus and astigmatism // Tomsk State University Journal. № 481. P. 191–198. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksiya-narusheniy-prostranstvennogo-praksisa-u-malchikov-semi-vosmi-let-s-kosoglaziem-i-astigmatizmom>
- Vygotsky L. S. (1983). The Blind Child. Collected Works in 6 Volumes. V. 5. Moscow. State Budgetary Inpatient Social Services Institution of the Moscow Region “A. I. Meshcheryakov` Family Center”, Sergiev Posad. URL: <https://deaf-blind.nubex.ru>
- Zashchirinskaya O. V., Kurchigina O. L. (2012). Spatial-temporal representations as the basis for the formation of writing skills in children with mental retardation // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. № 1. P. 9–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennye-predstavleniya-kak-osnova-formirovaniya-navykov-pisma-u-detey-s-zaderzhkoy-psichicheskogo-razvitiya>
- Krasnoyarsk Regional State Budgetary Cultural Institution “Krasnoyarsk Regional Special Library — Center for Sociocultural Rehabilitation of the Visually Impaired.” Sergey Alekseevich Sirotkin. URL: <https://rosbs.ru/uploads/documents/Sirotkin.pdf?ysclid=mhduak612830141779>
- Lebedev V. I., Kuznetsov O. N. (1972). Psychology and psychopathology of loneliness. Moscow: Medicine. P. 336.
- Litvak A. G. (1998). Psychology of the blind and visually impaired: textbook / A. G. Litvak; Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University. P. 224–226. URL: https://pedlib.ru/Books/3/0497/3_0497-224.shtml?ysclid=mhdqi3vgcc564884610
- Meshcheryakov A. I. (1974). Deaf-blind children. Moscow: Pedagogy.

- Krylatova N.N. (1966). My Overcoming. URL: <https://web.archive.org/web/20100524140244/http://www.moepreodolenie.ru/content/view/13/45/index.html>
- Ostrovskaya E.B. (1971). Formation of spatial representations in blind primary school children: Diss ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.00. Leningrad. LGPI named after A.I. Herzen. 1971. P. 231
- Ponomarev Ya.A. (1976). Psychology of creativity and pedagogy. Moscow: Pedagogika.
- Touch (1987). Documentary by Algis Arlauskas. Reflections on the topic... URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/455-touch-1987-documentary-film-algisa-arlauskasa>
- The Birth of Pushkin 2 — Sculptor Alexander Silyanov. URL: <https://rutube.ru/video/9639073c33e9f62a757227f1f8614522/?r=wd>
- Russian State Library for the Blind. May 31–70th anniversary of the birth of Yu.M. Lerner (1946–2003), psychologist. URL: <http://rgbs.ru/tifology/tiflonews/yubileynye-i-pamyatnye-daty/2016u/31-maya-70-let-so-dnya-rozhdeniya-yu-m-lernera-1946-2003-psikhologa/>
- Semenovich A. V. (2023). Neuropsychological correction in childhood. Method of substitutive ontogenesis: Textbook. Moscow: Genesis. P. 474
- Silyanov A. Works. Deafblindness. URL: https://www.silianov.ru/works_details.php?work_id=8
- Sokolyansky I.A. (1999). Teaching deaf-blind children // Defectology. № 2. P. 75–84.
- Sorokin V.M., Darinskaia L.A., Molodtsova G.I., Demjanchuk R. V. (2024). The Zagorsk Experiment and the Fate of a Scientist. In Memory of A.V. Suvorov (1953–2024) // Cultural-Historical Psychology. 2024. V. 20. № 4. P. 112–121.
- Suvorov A. V. (2013). From the book “Dignity in the Crypt”. Poems from different years// “Your Interlocutor”, All-Russian magazine for the deafblind. № 2. P. 35–36. URL: https://psyjournals.ru/journals/vashsobesednik/archive/2013_n2/67764
- A Life-Long Experiment: The Path and Words of Alexander Suvorov // Electronic collection of articles from the psychological publications portal PsyJournals.ru. 2011. V. 3. № 2011–1. URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2011_1/36176

ДИНАМИКА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Сайдяшева О.Г.

Педагог-психолог, средняя общеобразовательная школа «Центр образования “Кудрово”»,
Санкт-Петербург, Россия
osaydyasheva@bk.ru; ORCID: 0009-0007-5364-2890

Солнцева Н.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
natalia-sun@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2128-5661

Коржова Е.Ю.

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной
психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
elenakorjova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1128-1421

Семенова Г.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
g-semenova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3936-2039

Для цитирования:

Сайдяшева О.Г., Солнцева Н.В.,
Коржова Е.Ю., Семенова Г.В.
Динамика субъект-объектных ориентаций студентов-психологов // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №4(17). С.32-41.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_04
Saydyasheva O.G., Solntseva N.V.,
Korzhova E. Yu., Semenova G.V.
Dynamics of subject-object orientations psychology students. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No4(17), Pp.32-41.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_04

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 83-ВГ «Личностно-когнитивные ресурсы совладания с трудными жизненными ситуациями у студентов»)

В статье представлены результаты четырехлетнего лонгитюдного исследования, посвященного изучению динамики субъект-объектных ориентаций студентов-психологов в процессе обучения. Выявлены общие тенденции изменений, преобладающие типы на разных этапах обучения, стабильные и динамические типы.

Ключевые слова: субъект-объектные ориентации, динамика субъект-объектных ориентаций, типы жизненных ориентаций, трансситуационный локус контроля, трансситуационное творчество, студенты-психологи

Введение

Субъектность — это интегративная характеристика личности. А.В. Брушлинский определяет субъектность как способность быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути (Брушлинский, 2003); В.А. Петровский как полагающую себя причинность, которая придает ее носителю — индивиду статус субъекта (Петровский, 2021); Г.А. Цукерман и О.Л. Обухова как способность и самоощущение авторства собственного поведения (Цукерман, Обухова, 2024); Е.Ю. Коржова как способность активно участвовать в процессе своей жизнедеятельности и «выстраивать» собственное бытие (Коржова и др., 2023) и т.д.

Важным вопросом является развитие и реализация субъектности на этапе профессиональной подготовки, так как обучение в вузе — это значимый этап формирования личности. Е.И. Исаев и В.И. Слободчиков подчеркивают, что становление субъектности происходит в образовательных процессах (Исаев, Слободчиков, 2013). И.А. Гусева отмечает, что студенческий возраст является сенситивным для развития субъектности (Гусева, 2006).

По мнению Е.Ю. Коржовой, субъектность реализуется в различных жизненных ситуациях на основе субъект-объектных ориентации личности, которые «характеризуют степень субъектной включенности в жизненную ситуацию» (Коржова,

2006, с. 61). То есть субъект-объектные ориентации являются базовыми жизненными ориентациями человека и отражают реализацию потенциала субъектности.

Е. Ю. Коржовой была выявлена структура субъект-объектных ориентаций, в которую вошли трансситуационная изменчивость, трансситуационный локус контроля, трансситуационное освоение мира, трансситуационная подвижность (Коржова, 2006). Субъектную ориентацию характеризуют изменчивость, внутренний локус контроля, освоение внутреннего мира, подвижность. Для объектной ориентации характерны противоположные качества (Коржова и др., 2023).

На основе соотношения трансситуационного творчества (сумма показателей по шкалам, характеризующим преобразующую жизненную активность человека: трансситуационная изменчивость, трансситуационная направленность освоения мира, трансситуационная подвижность) и трансситуационного локуса контроля Е. Ю. Коржова описала четыре типа жизненных ориентаций личности: преобразователь, гармонизатор, пользователь и потребитель (Коржова, 2006). Данные типы представляют собой разные возможности «жизневосприятия» и «жизнесуществования», и могут изменяться с течением времени (Коржова и др., 2023).

На сегодняшний день исследователи получили богатый эмпирический материал о взаимосвязи субъект-объектных ориентаций студентов с различными показателями: Р.В. Лебедева с мотивацией в ситуации морального выбора (n=344) (Лебедева, 2019), а также с просоциальной направленностью (n=344) (Лебедева, 2017); А.А. Сбитнева с когнитивной дифференцированностью межличностного познания (n=280) (Сбитнева, 2009), а также с аффективными характеристиками межличностного познания (n=280) (Сбитнева, 2024); Р.М. Шамионов, Е.Е. Бочарова и Е.В. Невский с социальной идентичностью и социальной активностью молодежи (n=500) (Шамионов и др., 2021); Е.В. Ильина с особенностями рефлексии (n = 172) (Ильина, 2018); О.В. Барсукова с особенностями рефлексивной и мотивационной сферы (n=107) (Барсукова, 2015); Т.П. Маралова с нормативностью поведения (n=126) (Маралова, 2018); О.В. Рудыхина с самоактуализацией и психологическим благополучием (n=198) (Рудыхина, 2019); А.Б. Веревкина с выбором художественного чтения (n=377) (Вереvкина, Коржова, 2021) и др.

Несмотря на богатый эмпирический материал, остается актуальным вопрос развития жизненных ориентаций у студентов-психологов в контексте готовности к построению субъектных отношений в будущей профессиональной деятельности (Колков, 2019). На сегодняшний день отсутствуют исследования, посвященные вопросам динамики субъект-объектных ориентаций в целом, и их изменений у студентов-психологов в процессе обучения в вузе, в частности.

Метод

Цель исследования состояла в изучении динамики субъект-объектных ориентаций студентов-психологов в процессе обучения. В рамках данного исследования был использован лонгитюдный метод. Исследование проходило в течение четырех лет на группе студентов-психологов. Каждый год в конце второго семестра проводился диагностический срез (Сайдяшева, 2024).

Выборку исследования составили 39 студентов-психологов, обучающихся в Институте психологии в РГПУ им. А.И. Герцена (32 девушки и 7 юношей). В исследовании использовался «Опросник жизненных ориентаций» (автор Е.Ю. Коржова) (Коржова, 2006), который направлен на выявление субъект-объектных ориентаций личности в контексте взаимодействия с жизненными обстоятельствами.

Для проверки на нормальность распределения использовался Критерий Шапиро-Уилка. Так как полученные данные не подчиняются нормальному распределению, для математико-статистической обработки данных использовался критерий Фридмана (Friedman ANOVA), Т-критерий Вилкоксона, Критерий ϕ — угловое преобразование Фишера.

Результаты

Тип субъект-объектных ориентаций определялся по ортогональным основаниям *Трансситуационное творчество* — *трансситуационный локус контроля*, поэтому вначале рассмотрим общие различия на всех курсах по данным основаниям. Так как критерий Фридмана показал наличие достоверных различий по параметрам *Трансситуационный локус контроля* и *Трансситуационное творчество*, для более подробного анализа различий между курсами был использован Т-критерий Вилкоксона, результаты представлены в таб. 1.

Таблица 1. Динамика Трансситуационного локуса контроля и Трансситуационного творчества в процессе обучения

	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Т-критерий Вилкоксона
Трансситуативный локус контроля	6,38	6,87	7,28	7	1 и 2 курс $T=113, p \leq 0,05$ 1 и 3 курс $T=103, p \leq 0,01$ 1 и 4 курс $T=121,5, p \leq 0,05$
Трансситуативное творчество	6,56	5,9	5,97	5,44	1 и 2 курс $T=133, p \leq 0,05$ 1 и 4 курс $T=136, p \leq 0,01$

Можно видеть общую тенденцию: рост показателей *Трансситуационного локуса контроля* и снижение показателей *Трансситуационного творчества* у студентов от первого курса к четвертому. Показатели *Трансситуационного локуса контроля* на всех курсах достоверно выше показателя на первом курсе. Между вторым, третьим и четвертым курсом нет достоверных различий. Показатели *Трансситуационного творчества*

на втором и четвертом курсах достоверно ниже показателя на первом курсе. Между первым и третьим курсом, а также между вторым, третьим и четвертым курсом нет достоверных различий.

Рассмотрим общую динамику типов жизненных ориентаций студентов в процессе обучения. Для анализа достоверных различий использовался Критерий ϕ — угловое преобразование Фишера, результаты представлены в таблицах 2–3.

Таблица 2. Общая динамика типов жизненных ориентаций студентов в процессе обучения, %

Тип	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Угловое преобразование Фишера
Потребитель	5,1	10,3	5,1	7,7	
Пользователь	15,4	28,2	38,4	35,9	1 и 3 курс $\phi=2,349, p \leq 0,01$ 1 и 4 курс $\phi=2,111, p \leq 0,05$
Гармонизатор	20,5	15,4	20,5	20,5	
Преобразователь	59	46,1	35,9	35,9	1 и 3, 4 курс $\phi=2,062, p \leq 0,05$

Можно видеть общую тенденцию: рост количества *Пользователей* и снижение количества *Преобразователей*, количество *Потребителей* и *Гармонизаторов* практически не меняется на протяжении всего периода обучения.

Количество *Пользователей* достоверно больше на третьем и четвертом курсе по сравнению

с количеством на первом. Количество *Преобразователей* достоверно меньше на третьем и четвертом курсе по сравнению с количеством на первом. Между первым и вторым курсом, а также между вторым, третьим и четвертым курсом нет достоверных различий.

Таблица 3. Сохранение первоначального типа жизненных ориентаций студентов на протяжении обучения в вузе, %

Тип	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Угловое преобразование Фишера
Потребитель	5,1	2,6	0	0	
Пользователь	15,4	5,1	7,7	7,7	1 и 2 курс $\phi=2,482, p \leq 0,01$ 1 и 3, 4 курс $\phi=1,732, p \leq 0,05$
Гармонизатор	20,5	10,3	10,3	5,1	1 и 2, 3 курс $\phi=2,029, p \leq 0,05$ 1 и 4 курс $\phi=3,422, p \leq 0,01$
Преобразователь	59	35,8	20,5	17,9	1 и 2 курс $\phi=3,316, p \leq 0,01$ 1 и 3 курс $\phi=5,742, p \leq 0,01$ 1 и 4 курс $\phi=6,208, p \leq 0,01$ 2 и 3 курс $\phi=2,425, p \leq 0,01$ 2 и 4 курс $\phi=2,892, p \leq 0,01$

Можно видеть, что никто из *Потребителей* не сохранил свой первоначальный тип (возможно в силу малочисленности данного типа). Остальные студенты достоверно значимо изменили свой первоначальный тип жизненных ориентаций, причем тенденция изменения нарастала с каждым курсом. В общем объеме выборки сохранили первоначальный тип жизненных ориентаций только 30% студентов.

Рассмотрим отдельно динамику каждого типа субъект-объектных ориентаций студентов в процессе обучения. На первом курсе студенты были распределены по группам на основании выявленного у них типа жизненных ориентаций и в дальнейшем анализировалась динамика изменения их типа исходя из первоначального. Для анализа достоверных различий использовался Критерий ϕ — угловое преобразование Фишера, результаты представлены в таб. 4–6.

Таблица 4. Динамика типов жизненных ориентаций в процессе обучения студентов с первоначальным типом *Преобразователь*, %

Тип	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Угловое преобразование Фишера
Потребитель			5	8	
Пользователь		30	45	48	2 и 3 курс $\phi=2,291$, $p \leq 0,05$
Гармонизатор		9	14	14	
Преобразователь	100	61	36	30	1 и 2 курс $\phi=9,086$, $p \leq 0,01$ 1 и 3 курс $\phi=12,664$, $p \leq 0,01$ 1 и 4 курс $\phi=13,569$, $p \leq 0,01$ 2 и 3 курс $\phi=3,578$, $p \leq 0,01$ 2 и 4 курс $\phi=4,483$, $p \leq 0,01$

Примечание: количество *Преобразователей* на первом курсе принято за 100%.

Преобразователь характеризуется внутренним трансситуационным локусом контроля и трансситуационным творчеством. Только 30% *Преобразователей* сохранили свой тип субъект-объектных ориентаций в процессе обучения. Количество первоначальных *Преобразователей* достоверно уменьшалось с каждым курсом.

48% студентов трансформировались в тип *Пользователь*, который также, как и *Преобразователь*

характеризуется внутренним трансситуационным локусом контроля, но его отличает трансситуационное приспособление. 14% студентов стали *Гармонизаторами*, изменив интернальный локус контроля на экстернальный. 8% перешли в тип *Потребитель*. Данный тип является противоположностью *Преобразователя*, и переход в него произошел только на третьем курсе.

Таблица 5. Динамика типов жизненных ориентаций в процессе обучения студентов с первоначальным типом *Гармонизатор*, %

Тип	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Угловое преобразование Фишера
Потребитель		12,5	12,5	25	2, 3 и 4 курс $\phi=2,291$, $p \leq 0,05$
Пользователь		25	12,5		2 и 3 курс $\phi=2,291$, $p \leq 0,05$
Гармонизатор	100	50	50	25	1 и 2, 3 курс $\phi=10,656$, $p \leq 0,01$ 1 и 4 курс $\phi=14,361$, $p \leq 0,01$ 2, 3 и 4 курс $\phi=3,705$, $p \leq 0,01$
Преобразователь		12,5	25	50	2 и 3 курс $\phi=2,291$, $p \leq 0,05$ 2 и 4 курс $\phi=5,996$, $p \leq 0,01$ 3 и 4 курс $\phi=3,705$, $p \leq 0,01$

Примечание: количество *Гармонизаторов* на первом курсе принято за 100%.

Гармонизатор характеризуется внешним трансситуационным локусом контроля и трансситуационным творчеством. Только 25% *Гармонизаторов* сохранили свой тип субъект-объектных

ориентаций в процессе обучения. Количество первоначальных *Гармонизаторов* достоверно уменьшалось с каждым курсом. 50% постепенно трансформировались в тип *Преобразователь*,

который также, как и *Гармонизатор* характеризуется трансситуационным творчеством, но его отличает внутренний локус контроля. Количество *Преобразователей* (бывших *Гармонизаторов*) достоверно возрастало с каждым курсом обучения.

25% на втором курсе временно идентифицировались с типом *Пользователь*. Данный тип является противоположностью *Гармонизатору*. К третьему курсу количество *Пользователей* до-

стоверно уменьшилось. На четвертом курсе никто из первоначальных *Гармонизаторов* не остался в качестве *Пользователя*. 25% студентов перешли в категорию *Потребитель*, сохранив экстернальный локус контроля и изменив творчество на приспособление. Количество *Потребителей* (первоначальных *Гармонизаторов*) достоверно увеличилось к четвертому курсу по сравнению со вторым и третьим курсом.

Таблица 6. Динамика тиров жизненных ориентаций в процессе обучения студентов с первоначальным типом *Пользователь*, %

Тип	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Угловое преобразование Фишера
Потребитель		17		17	
Пользователь	100	33	50	50	1 и 2 курс $\varphi=13,11$, $p\leq 0,01$ 1 и 3, 4 курс $\varphi=10,656$, $p\leq 0,01$ 2 и 3, 4 курс $\varphi=2,454$, $p\leq 0,01$
Гармонизатор			17		
Преобразователь		50	33	33	2 и 3, 4 курс $\varphi=2,454$, $p\leq 0,01$

Примечание: количество *Пользователей* на первом курсе принято за 100%.

Пользователь характеризуется внутренним трансситуационным локусом контроля и трансситуационным приспособлением. 50% *Пользователей* сохранили свой тип субъект-объектных ориентаций в процессе обучения. Количество первоначальных *Пользователей* достоверно резко уменьшилось на втором курсе и достоверно возросло на третьем курсе, после которого уже не менялось. 33% трансформировались в тип *Преобразователь*, который также, как и *Пользователь* характеризуется внутренним трансситуационным локусом контроля, но его отличает трансситуационное творчество. На втором курсе половина *Пользователей* перешли в тип *Преобразователь*, но к третьему курсу их количество достоверно уменьшилось.

17% на третьем курсе временно идентифицировались с типом *Гармонизатор*. Данный тип является противоположностью *Пользователя*. На четвертом курсе никто из первоначальных *Пользователей* не остался *Гармонизатором*. 17% студентов перешли в категорию *Потребитель*, сохранив трансситуационное приспособление и изменив локус контроля на внешний. Переход в данный тип является неустойчивым, так как первоначальные *Пользователи* то принимали данный тип, то выходили из него. Анализ динамики субъект-объектных ориентаций в группе *Потребителей* не производился в силу ее малочисленности.

Анализ результатов

Рост показателей *Трансситуационного локуса контроля* от первого курса к последнему отражает принятие на себя ответственности за себя и свою жизнь. Полученные результаты совпадают с многочисленными данными, имеющимися в литературе. Так Т.А. Попова и Р.А. Гарифуллин отмечают, что интернализация локуса контроля у студентов связана с профессиональным самоопределением, ростом стрессоустойчивости и выработкой эффективных копинг-стратегий, позволяющих эффективно справляться с повседневными стрессорами в процессе учебной и внеучебной деятельности (Попова, Гарифуллин, 2022).

Достоверное снижение показателей *Трансситуационного творчества* у студентов от первого курса к четвертому может отражать различные процессы в их жизни. Это может быть реакцией на ситуацию неопределенности, происходящую на макро-, мезо- и микроуровне. Так в исследовании Д.Н. Гриненко было выявлено, что в условиях жестких когнитивных ограничений и множественных внешних критериев происходит сужение когнитивного поля и снижение показателей креативности (Гриненко, 2018). *Трансситуационное приспособление* может быть связано с актуализацией прагматичного подхода к жизни, что вполне соответствует последнему году обучения. Е.В. Жолобов, в своем исследовании показал, что прагматические взгляды характерны для

объектной ориентации (Жолобов, 2025). А также полученные результаты могут отражать большую нормативность поведения студентов четвертого курса по сравнению с первым. Р.В. Лебедевой было выявлено, что студенты с объектным типом жизненных ориентаций более склонны к просоциальному поведению (Лебедева, 2017).

Общая картина — повышение *Трансситуационного локуса контроля* и снижение *Трансситуационного творчества* соответствует тенденции реализации жизненных ориентаций по типу *Пользователь*. Данная тенденция может отражать ориентацию молодежи на ценности потребительского индивидуализма. М.А. Давыдова в своем исследовании выявила, что примерно половина студентов имеет индивидуалистический тип ценностных ориентаций (Давыдова, 2012). Но также может свидетельствовать о благополучии и удовлетворенности жизнью. В исследовании Т.П. Мараловой было выявлено, что у студентов гуманитарного и психолого-педагогического направлений высокая нормативность и удовлетворенность жизнью характерны для студентов с типом *Пользователь* жизненной ситуации (Маралова, 2018).

Таким образом, выявленные закономерности можно рассматривать как общую тенденцию профессионального становления студентов-психологов. При этом важно осознавать, что полученные результаты могут быть следствием ограниченного числа выборки, а также отражать влияние культурно-исторического контекста на жизненные ориентации студентов.

Преобладание на первом курсе типа *Преобразователь*, может говорить о выборе студентов такого направления обучения, которое соответствует их жизненным ориентирам и согласуется с ценностями профессиональной деятельности психолога, которая подробно описана в литературе, например, в работе Е.В. Драпак и Н.В. Москаленко (Драпак, Москаленко, 2020). Также это может отражать общую характеристику первокурсников, А.А. Деркач отмечает направленность первокурсников на постановку и достижение новых целей, внутреннюю свободу и творческое начало, процессы самоопределения и потребность в личностно-профессиональном росте (Деркач, 2015, с. 17). Это может быть следствием специфической стрессогенной жизненной ситуации студентов первого курса (поступления в вуз, процесса сепарации от родителей, адаптации к новой учебной группе) и способом активного совладания с ней. По данным Т.П. Мараловой для студентов первого курса с типом *Преобразователь* характерен низкий уровень нормативности, труд-

ности осмысления происходящего и недостаточная удовлетворенность жизнью (Маралова, 2018). В таком случае по мере стабилизации ситуации и роста удовлетворенности жизнью тип *Преобразователь* может трансформироваться в другой тип субъект-объектных ориентаций.

Ведущими типами к концу обучения на четвертом курсе в равной степени являются *Преобразователь* и *Пользователь*. Это типы жизненных ориентаций, осознающие себя субъектами собственной жизни и принимающие на себя ответственность за свою жизнь. А.А. Сбитнева отмечает, что для них характерна высокая когнитивная дифференцированность межличностного познания (Сбитнева, 2009). Поскольку субъектная позиция студента является целью образования и необходимым условием продуктивности образовательного процесса, как указывает Е.В. Медведева (Медведева, 2013), то ее сформированность у более чем 70% выпускников может рассматриваться в качестве показателя его эффективности. А.А. Деркач рассматривает сформированную субъектную позицию как условие перехода «личностно-профессионального развития на уровень саморазвития, формирования личностно-профессиональной позиции специалиста и готовности к профессиональной деятельности и непрерывному личностно-профессиональному самосовершенствованию» (Деркач, 2015, с. 9).

Анализируя динамику изменения каждого типа в отдельности, можно видеть, что в исследовании получил эмпирическое подтверждение тезис Е.Ю. Коржовой о том, что типы субъект-объектных ориентаций могут изменяться с течением времени (Коржова, 2006).

Неизменным первоначальный тип остался у 50% *Пользователей*, 30% *Преобразователей* и 25% *Гармонизаторов*. Большинство представителей всех типов жизненных ориентаций «перешли» в близкие типы, отличающиеся от первоначального только одним показателем.

В рамках данного исследования *Преобразователь* и *Пользователь* показали себя как достаточно стабильные типы, изменяющиеся в меньшей степени по сравнению с двумя другими типами. *Пользователи* чаще всего трансформировались в *Преобразователей*, *Преобразователи* — в *Пользователей*. Главный вектор динамики этих типов — изменение уровня трансситуационного творчества. Гораздо реже происходила экстернализация локуса контроля. Можно предположить, что изменение уровня трансситуационного творчества проявляется в ответ на необ-

ходимость справляться с новыми жизненными задачами, требующими нестандартных решений, возникающими объективно или поставленными личностью самой себе. М. А. Рунсо показал, что творчество усиливает когнитивную гибкость, которая может приводить к выбору нестандартных решений при столкновении с трудными ситуациями (Runco, 2014).

Гармонизатор и *Потребитель* — типы, которые в большей степени были подвержены трансформациям в процессе обучения в вузе. То есть показали себя как динамические. Общим для *Гармонизатора* и *Потребителя* является экстернальный локус контроля.

Гармонизаторы в половине случаев трансформировались в *Преобразователей*, то есть происходил процесс их интернализации — принятия ответственность за свою жизнь. А в четверти случаев *Гармонизаторы* трансформировались в *Потребителей*, то есть теряли свой творческий потенциал и открытость опыту. Это согласуется с данными А. Н. Проворовой о том, что *Гармонизаторы* более, чем другие типы подвержены негативным убеждениям (Проворова, 2014).

Переход в противоположный тип возможен, но являлся редкой неустойчивой формой, которая как правило не сохранялась. Вероятно, в силу того, что требует перестройки сразу по обоим ортогональным осям-основаниям типов жизненных ориентаций.

Выводы

1. Общей тенденцией в процессе обучения в вузе является повышение *Трансситуационного локуса контроля* и снижение *Трансситуационного творчества* у студентов.

2. На первом курсе преобладает типа *Преобразователь*, на четвертом больше всего представлены типы *Преобразователь* и *Пользователь*.

3. В исследовании получил эмпирическое подтверждения факт изменения типа субъектных ориентаций с течением времени.

4. Большинство изменений происходит в близкие типы, отличающиеся от первоначального только одним показателем.

5. Переход в противоположный тип возможен, но является редкой неустойчивой формой, которая, как правило, не сохраняется.

6. Примерно у 30% студентов тип остается неизменным на протяжении всего процесса обучения.

7. *Преобразователь* и *Пользователь* показали себя как достаточно стабильные типы, изменяющиеся в малой степени или трансформирующиеся друг в друга; *Гармонизатор* и *Потребитель* — как динамические типы, которые в большей степени подвержены трансформациям в процессе обучения в вузе.

8. Несмотря на выявленные закономерности, остается открытым вопрос, что является предиктором изменения или сохранения типа.

Таким образом, в ходе исследования выдвинутая гипотеза получила свое эмпирическое подтверждение.

Литература:

- Барсукова О. В. Некоторые особенности рефлексивной и мотивационной сферы личности студентов с разными типами жизненной ориентации // Психология обучения. 2015. № 8. С. 37–43.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Верёвкина А. Б., Коржова Е. Ю. Выбор чтения художественной литературы в контексте жизненного пути // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 694–700. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-89
- Гриненко Д. Н. Динамика показателей саморегуляции и креативности у студентов с разными когнитивными стилями в условиях психолого-образовательного сопровождения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2018. Т. 24. С. 34–44. DOI: 10.26516/2304-1226.2018.24.34
- Гусева И. А. Социально-педагогическое обеспечение развития субъектности студента в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2006.
- Давыдова М. А. Приверженность молодежи ценностям индивидуализма: характеристики терминальных и инструментальных ценностей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4. С. 125–131.
- Деркач А. А. Профессиональная субъектность как психолого-акмеологический феномен // Акмеология. 2015. № 4 (56). С. 9–21.
- Драпак Е. В., Москаленко Н. В. Ценности профессиональной деятельности психолога-консультанта // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции. ЯрГУ, 8–10 октября 2020 г. / отв. ред. А. В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ; Филигрань, 2020. С. 287–291.

- Жолобов Е.В. Ценностная сфера представителей субъект-объектных ориентаций личности // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. Июль 2013, ART 2025. СПб., 2013.
- Ильина Е.В. Особенности рефлексии у представителей разных типов жизненных ориентаций // Акмеология. 2018. № 3 (67). С. 44–49.
- Исаев Е.И., Слободчиков В.И. Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах: Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Колков В.В. Реализация субъект-субъектных отношений в психосоциальной работе с клиентом // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. DOI: 10.17805/trudy.2019.6.5
- Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Издательство РХГА, 2006.
- Коржова Е.Ю., Цинь П., Веселова Е.К., Дворецкая М.Я. Структура базовых жизненных ориентаций: этнокультурный аспект (на примере китайской версии Опросника субъект-объектных ориентаций) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. № 13(4). С. 493–508. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.404>
- Лебедева Р.В. Нравственная сфера и личностные особенности студентов с разными типами жизненных ориентаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/54psmn219.html>
- Лебедева Р.В. Просоциальная направленность личности студентов с субъектными и объектными жизненными ориентациями // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 58–62.
- Маралова Т.П. Психологические особенности взаимосвязи нормативности поведения и жизненных ориентаций студентов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 1. С. 102–120. DOI: 10.15507/2078-9823.041.018.201801.102-120
- Медведева Е.В. Становление субъектности студента в образовательном процессе вуза // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 82–88.
- Петровский В.А. Субъектность «Я» в персонологической ретроспективе // Мир психологии. 2021. № 105(1–2). С. 174–193.
- Попова Т.А., Гарифуллин Р.А. Взаимосвязь локуса контроля и свойств личности студентов со стрессорами повседневной жизни // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2022. № 1. С. 40–53. DOI: 10.24412/2308-717X-2022-1-40-53
- Проворова А.Н. Метакогнитивные стратегии, убеждения и тип рефлексии у лиц с разным типом жизненных ориентаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. № 14(2). С. 349–364. DOI: 10.21638/spbu16.2024.210
- Рудыхина О.В. Субъектность и самоактуализация студентов вуза в контексте проблемы психологического благополучия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 540–548. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-67
- Сайдяшева О.Г. Динамика изменения субъект-объектных ориентаций у студентов-психологов в процессе обучения в вузе // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2024. № 7. С. 397–402. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2024-7-56
- Сбитнева А.А. Аффективные характеристики межличностного познания представителей разных типов субъект-объектных ориентаций // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2024. № 4. С. 37–45. DOI: 10.24147/2410-6364.2024.4.37-45
- Сбитнева А.А. Когнитивная дифференцированность как характеристика межличностного познания представителей различных типов субъект-объектных ориентаций // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 198–204.
- Цукерман Г.А., Обухова О.Л. Обучение, которое ведет за собой развитие субъектности // Вестник Московского университета. 2024. Серия 14. Психология. № 47(4). С. 129–149. DOI: 10.11621/LPJ-24-43
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи // Российский психологический журнал. 2021. № 8(4). С. 91–105. DOI: 10.21702/rpj.2021.4.7
- Runco M.A. Creativity: Theories and Themes: Research, Development, and Practice. 2nd ed. London: Academic Press, 2014.

DYNAMICS OF SUBJECT-OBJECT ORIENTATIONS PSYCHOLOGY STUDENTS

© **Olga G. Saydyasheva**

Educational psychologist, Municipal Public Educational Institution Secondary School
“Kudrovo Education Center”, St. Petersburg, Russia
osaydyasheva@bk.ru; ORCID: 0009-0007-5364-2890

© **Natalia V. Solntseva**

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University
of Russia, St. Petersburg, Russia
natalia-sun@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2128-5661

© **Elena YU. Korzhova**

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the General and Social Psychology Department,
Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
elenakorjova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1128-1421

© **Galina V. Semenova**

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University
of Russia, St. Petersburg, Russia
g-semenova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3936-2039

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia
(project No. 83-VG “Personal and cognitive resources for coping with difficult life situations in students”)

The article presents the results of a four-year study devoted to the study of the dynamics of subject-object
orientations of psychology students in the learning process. The general trends of changes, prevailing
types at different stages of learning, stable and dynamic types are revealed.

Keywords: subject-object orientations, dynamics of subject-object orientations, types of life orientations,
transsituational locus of control, transsituational creativity, psychology students

REFERENCES

- Barsukova O. V.* (2015). Some Features of the Reflexive and Motivational Sphere of the Personality of Students with Different Types of Life Orientation // *Psychology of Learning*. № 8. P. 37–43.
- Brushlinsky A. V.* (2003). *Psychology of the Subject*. St. Petersburg: Aleteya.
- Verevkin A. B., Korzhova E. Yu.* (2021). The Choice of Reading Fiction in the Context of Life Path // *Herzen Readings: Psychological Research in Education*. № 4. P. 694–700. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-89
- Grinenko D. N.* (2018). Dynamics of Self-Regulation and Creativity Indicators in Students with Different Cognitive Styles in the Context of Psychological and Educational Support // *Bulletin of Irkutsk State University. Psychology Series*. V. 24. P. 34–44. DOI: 10.26516/2304-1226.2018.24.34
- Guseva I. A.* (2006). *Social and Pedagogical Support for the Development of Student Subjectivity at a University: Abstract of a Cand. Sci. (Pedagogical) Dissertation*. Kostroma.
- Davydova M. A.* (2012). Young People’s Commitment to Individualistic Values: Characteristics of Terminal and Instrumental Values // *Bulletin of Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. No. 4. P. 125–131.
- Derkach A. A.* (2015). Professional Subjectivity as a Psychological and Acmeological Phenomenon // *Acmeology*. № 4 (56). P. 9–21.
- Drapak E. V., Moskalenko N. V.* (2020). Values of a Consulting Psychologist’s Professional Activity // *Yaroslavl Psychological School: History, Modernity, Prospects: Collection of Materials from the All-Russian Scientific Conference*. Yaroslavl State University, October 8–10, 2020 / Ed. A. V. Karpov. Yaroslavl: Yaroslavl State University; Filigree. P. 287–291.

- Zholobov E. V. (2013). The Value Sphere of Representatives of Subject-Object Personality Orientations // The Emissia. Offline Letters: Electronic Scientific Journal. July 2013, ART 2025. St. Petersburg.
- Ilyina E. V. (2018). Characteristics of Reflection in Representatives of Different Types of Life Orientations // Acmeology. № 3(67). P. 44–49.
- Isaev E. I., Slobodchikov V. I. (2013). Psychology of Human Education: Formation of Subjectivity in Educational Processes: A Tutorial. Moscow: PSTGU Publishing House.
- Kolkov V. V. (2019). Implementation of Subject-Subject Relationships in Psychosocial Work with a Client // Scientific Works of Moscow University for the Humanities. DOI: 10.17805/trudy.2019.6.5
- Korzhova E. Yu. (2006). Psychology of Human Life Orientations. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Arts.
- Korzhova E. Yu., Qin P., Veselova E. K., Dvoretzkaya M. Ya. (2023). The Structure of Basic Life Orientations: An Ethnocultural Aspect (Based on the Chinese Version of the Subject-Object Orientation Questionnaire) // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. № 13(4). P. 493–508. DOI: 10.21638/spbu16.2023.404
- Lebedeva R. V. (2019). Moral Sphere and Personality Traits of Students with Different Types of Life Orientations // World of Science. Pedagogy and Psychology. V. 7. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/54psmn219.html>
- Lebedeva R. V. (2017). Prosocial Orientation of the Personality of Students with Subjective and Objective Life Orientations // An Integrative Approach to Human Psychology and Social Interaction: Vectors of Development of Modern Psychological Science: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. P. 58–62.
- Maralova T. P. (2018). Psychological Features of the Relationship between the Normative Behavior and Life Orientations of Students // Humanitarian: Current Problems of Humanitarian Science and Education. № 1. P. 102–120. DOI: 10.15507/2078-9823.041.018.201801.102-120
- Medvedeva E. V. (2021). Formation of Student Subjectivity in the Educational Process of a University // Higher Education in Russia. 2013. No. 1. pp. 82–88. Petrovsky, V. A. Subjectivity of the “I” in Personological Retrospective // The World of Psychology. № 105 (1–2). P. 174–193.
- Popova T. A., Garifullin R. A. (2022). The Relationship between Locus of Control and Personality Traits of Students with Everyday Life Stressors // Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series № 1. Psychological and Pedagogical Sciences. № 1. P. 40–53. DOI: 10.24412/2308-717X-2022-1-40-53
- Provorova A. N. (2024). Metacognitive Strategies, Beliefs, and Type of Reflection in Individuals with Different Types of Life Orientations // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. No. 14 (2). P. 349–364. DOI: 10.21638/spbu16.2024.210
- Rudykhina O. V. (2019). Subjectivity and Self-Actualization of University Students in the Context of Psychological Well-Being // Herzen Readings: Psychological Research in Education. № 2. P. 540–548. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-67
- Saydyasheva O. G. (2024). Dynamics of Changes in Subject-Object Orientations of Psychology Students During Their Studies at a University // Herzen Readings: Psychological Research in Education. № 7. P. 397–402. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2024-7-56
- Sbitneva A. A. (2024). Affective characteristics of interpersonal cognition of representatives of different types of subject-object orientations // Bulletin of Omsk University. Series “Psychology”. No. 4. P. 37–45. DOI: 10.24147/2410-6364.2024.4.37-45
- Sbitneva A. A. (2009). Cognitive differentiation as a characteristic of interpersonal cognition of representatives of various types of subject-object orientations // Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. № 105. P. 198–204.
- Cukerman G. A., Obuhova O. L. (2024). Learning that leads to the development of subjectivity // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. № 47(4). P. 129–149. DOI: 10.11621/LPJ-24-43
- Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevskij E. V. (2021). Correlation of life orientations, social identity and social activity of youth // Russian Psychological Journal. № 8(4). P. 91–105. DOI: 10.21702/rpj.2021.4.7
- Runco M. A. Creativity: Theories and Themes: Research, Development, and Practice. 2nd ed. London: Academic Press, 2014.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ У ЭКСПЕРТОВ И НОВИЧКОВ: МЕТОД АЙТРЕКИНГА

© Меньшикова Г.Я.

Доктор психологических наук, зав. лабораторией «Восприятие» факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
gmenshikova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5670-921X

© Брагинец К.А.

Студент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
braginetz.88@mail.ru

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ им. М.В. Ломоносова
№ 122031100322-5

Для цитирования:

Меньшикова Г.Я., Брагинец К.А.
Особенности восприятия произведений живописи у экспертов и новичков: метод айтрекинга // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №4(17). С.42-48.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_05

Menshikova G.Ya., Braginetz K.A.
Art perception in experts and novices: an eye-tracking study. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No4(17), Pp.42-48.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_05

В настоящее время большое внимание уделяется проблеме оценки эстетических переживаний, которые возникают при восприятии произведений живописи. Многие аспекты эстетического восприятия неосознаваемы и трудны для вербализации. Для их оценки эффективно использовать метод айтрекинга. В работе представлены результаты исследования движения глаз у экспертов (художники и искусствоведы) и новичков при восприятии изображений натюрмортов. Его особенностью являлось использование двух задач — «свободного рассматривания» и «мысленного рисования взором». Участниками были 50 человек (21 мужчин, 29 женщин, среднего возраста $26,1 \pm 2,4$ года). В группу экспертов вошло 10 искусствоведов и 15 художников, а в группу новичков 25 студентов факультета психологии МГУ. Анализировались такие глазодвигательные показатели как средняя амплитуда саккад, длина пути сканирования, а также K -коэффициент, позволяющий оценить соотношение длительности фиксаций и амплитуды саккад. Результаты показали, что тип задачи может оказывать влияние на такие показатели движения глаз как средняя амплитуда саккад и длина пути сканирования. Однако, стабильным, независимым от задачи показателем различий оказался K -коэффициент, отражающий преобладание холистических процессов переработки зрительной информации для экспертов по сравнению с новичками.

Ключевые слова: восприятие изображений, эксперты, новички, амбьентное/фокальное внимание, стратегии движения глаз.

Введение

В настоящее время в психологии восприятия большой интерес у специалистов вызывает проблема оценки эстетических переживаний, которые возникают при восприятии произведений живописи. Многие аспекты эстетического восприятия неосознаваемы и с трудом поддаются вербализации. Один из эффективных способов выявить особенности эстетического восприятия — сравнить их проявления у экспертов и новичков в процессе восприятия произведений живописи. Для объяснения этих различий были предложены различные гипотезы. Одна из них предполагает, что у экспертов более выражена

целостная обработка зрительной информации. Это подразумевает, что люди с развитым эстетическим опытом обладают холистическим восприятием, что проявляется в склонности концентрировать свое внимание не на отдельных деталях, а охватывая всю сцену в целом (Арнхейм, 1994). Этот тип восприятия включает целостное восприятие художественного замысла, композиции, колористики, технических особенностей исполнения (мазки, графика) и т.д., что может проявляться в стратегиях движения глаз при рассматривании произведений живописи. Опираясь на гипотезу о двух типах внимания — фокальном и амбьентном (Velichkovsky et al.,

2005; Unema et al., 2005), можно предположить, что для экспертов более характерным является амбьентное внимание.

Изучение процессов распределения внимания эффективно проводилось при помощи технологии айтрекинга, которая позволяет оценивать стратегии движения глаз в режиме реального времени. Ее применение выявило особенности различных глазодвигательных характеристик при восприятии произведений живописи у экспертов (Francuz et al., 2018). Анализировались как более простые (длительность фиксации, амплитуда саккад), так и более сложные (длина пути сканпасов) характеристики. В контексте изучения амбьентного/ фокального внимания была предложена такая характеристика движения глаз, как K -коэффициент, который рассчитывался как средняя разность стандартизированной по выборке продолжительности фиксации и последующей за ней амплитуды саккады (Krejtz et al., 2016). Значения $K < 0$ расценивались как преобладание амбьентного внимания, а $K > 0$ — фокального внимания в процессе обработки визуальной информации. Можно предположить, что K -коэффициент (помимо классических глазодвигательных характеристик) также может использоваться для оценки уровня экспертности художников при восприятии произведений живописи.

Важную роль в изучении эстетических переживаний экспертов и новичков играет задача, решаемая в процессе восприятия произведений живописи. В ряде исследований были продемонстрированы различия в глазодвигательных показателях новичков и экспертов, в том числе художников, в зависимости от сложности решаемой задачи (Castelhano, 2009; Hristova et al., 2010; Sharvashidze, Schütz, 2020; Park et al., 2021). Полученные данные показали, что различия сильнее проявляются при выполнении заданий, требующих использования профессиональных навыков.

Целью нашего исследования было изучение различий в характеристиках движений глаз при восприятии художественных картин в двух группах, различающихся по уровню экспертности (новички — художники) при решении двух задач (не требующих/ требующих профессиональных навыков).

Были высказаны следующие гипотезы: эстетическое восприятие картин различается у экспертов и новичков в зависимости от сложности задачи. У экспертов это проявляется в:

а) преобладании амбьентного внимания (отрицательные значения коэффициента K);

б) изменении характеристик движений глаз (амплитуд саккад, длины пути сканирования).

Методика исследования

Участники. В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 18 до 32 с нормальным и скорректированным до нормального зрением, без психических и неврологических расстройств, 45 женщин и 5 мужчин, в возрасте от 18 до 34 лет (средний возраст $26,1 \pm 4,5$); 25 человек составляли группу экспертов и 25 — новичков. Группа экспертов состояла из двух подгрупп, экспертов-художников и экспертов-искусствоведов. Эксперты отбирались на основе наличия соответствующего образования, то есть в группу входили как студенты, так и уже практикующие специалисты. В группу искусствоведов вошло 10 человек (9 женщин и 1 мужчина в возрасте от 19 до 26 лет; средний возраст $21,44 \pm 1,76$), в группу художников 15 человек (14 женщин и 1 мужчина в возрасте от 20 до 32 лет; средний возраст $21,49 \pm 2,30$). Группу новичков составляли студенты МГУ (20 женщин и 5 мужчин в возрасте от 20 до 24 лет; средний возраст $20,11 \pm 3,18$).

Стимулы. Для исследования использовались 14 цветных изображений натюрмортов, которые были созданы различными авторами в реалистическом стиле. Натюрморты были выбраны в качестве стимульного материала как привычный для экспертов тип изображений, который является одной из основ для формирования профессионального навыка рисования.

Аппаратура. Регистрация движения глаз осуществлялась при помощи SMI iViewXTM RED-500 в монокулярном режиме с частотой дискретизации 120 Гц и разрешением $< 0,1^\circ$. Стимулы предъявлялись на LCD-мониторе с диагональю 23 дюйма с разрешением 1920x1080 пикселей. Расстояние от монитора до переносицы лица участника было равно 65–70 см. Угловой размер стимулов составил $14^\circ \times 10^\circ$.

Процедура. Эксперимент состоял из двух частей. В первой части участнику на 40 сек предъявлялись изображения натюрмортов с инструкцией свободного рассматривания. Во второй части на 40 сек предъявлялись другие натюрморты со следующей инструкцией: «Вам будут предъявлять изображения натюрмортов. Представьте, что вам нужно нарисовать эту картину «мысленно», как бы «проводя» глазами как кистью по экрану». Такая инструкция давалась в качестве профессиональной задачи для выявления различий между группой экспертов и новичков, требующей от обо-

их групп специализированных навыков, связанных с визуальным анализом изображения. Изображения предъявлялись в рандомизированном порядке. Во время предъявления регистрировались движения глаз.

Обработка результатов. Анализировались данные 49 человек, 1 человек был исключен по причине артефактов записи движения глаз. Статистическая обработка данных осуществлялась в программах SPSS Statistics 20. Данные глазодвигательных показателей были проанализированы с помощью программы SMI BeGaze 2.4. Был проведен тест Колмогорова — Смирнова для оценки нормальности распределения глазодвигательных показателей, который показал, что распределения не являются нормальными ($p < 0,001$). Поэтому для сравнения групп по показателям движения глаз применялся непараметрический U-критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования

Для групп новичков и экспертов отдельно для двух задач оценивались средние значения амплитуд саккад, длины сканпасов, а также K -коэффициента. Сначала был проведен анализ K -коэффициента. Для задачи свободного рассматривания были получены следующие значения: медиана (Новички) = 0,0411 (межквартильный размах — от -0,151 до 0,390), медиана (Эксперты) = -0,0211 (межквартильный размах — от -0,201 до 0,221). Данные для двух групп представлены на рис. 1. Расчет критерия Манна–Уитни показал, что величины значений K значительно различались между группами ($p = 0,030$) (рис. 1а). Для задачи «рисования взором» получены следующие значения медианы (Новички) = 0,068 (межквартильный размах — от -0,135 до 0,278) и медианы (Эксперты) = -0,0416 (межквартильный размах — от -0,287 до 0,168) (рис. 1б). Критерий Манна–Уитни показал значимые различия величины K для двух групп в задаче «рисования взором» ($p < 0,001$).

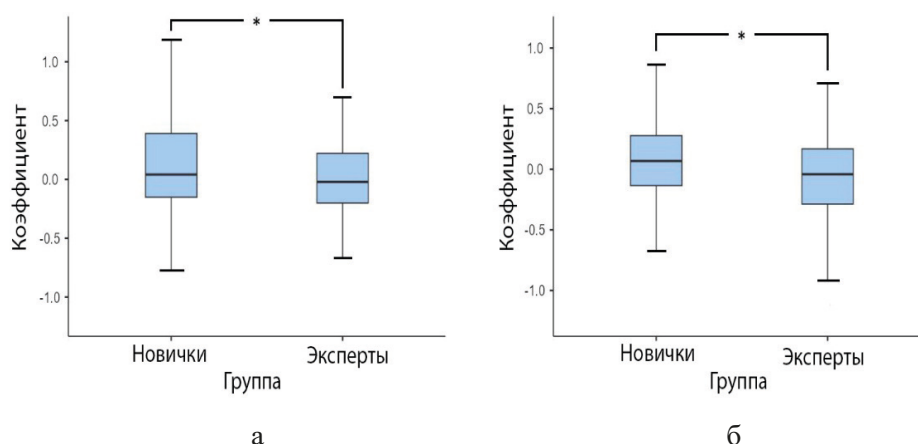

Рис. 1. Значения K -коэффициента для групп экспертов и новичков в задаче
а) свободного рассматривания, б) мысленного рисования взором.

Результаты свидетельствуют о том, что независимо от профессиональной сложности задачи для экспертов характерно более холистическое восприятие изображений (преобладание амьентного внимания $K < 0$).

Далее проводился анализ амплитуд саккад. Для задачи свободного рассматривания были получены значения медианы (Новички) = 3,7° (межквартильный размах — от 3° до 4,8°) и медианы (Эксперты) = 4° (межквартильный размах — от 3,4° до 4,9°) (рис. 2а). В соответствии с критерием Ман-

на–Уитни, величины амплитуд саккад для двух групп значительно различались ($p = 0,035$). Для задачи рисования взором были получены следующие значения медианы (Новички) = 4,3° (межквартильный размах — от 3,6° до 5,18°) и медианы (Эксперты) = 4,2° (межквартильный размах — от 3,5° до 5,1°) (рис. 2б). Согласно критерию Манна–Уитни не было найдено значимых различий по медианным значениям амплитуд саккад между группами ($p = 0,569$).

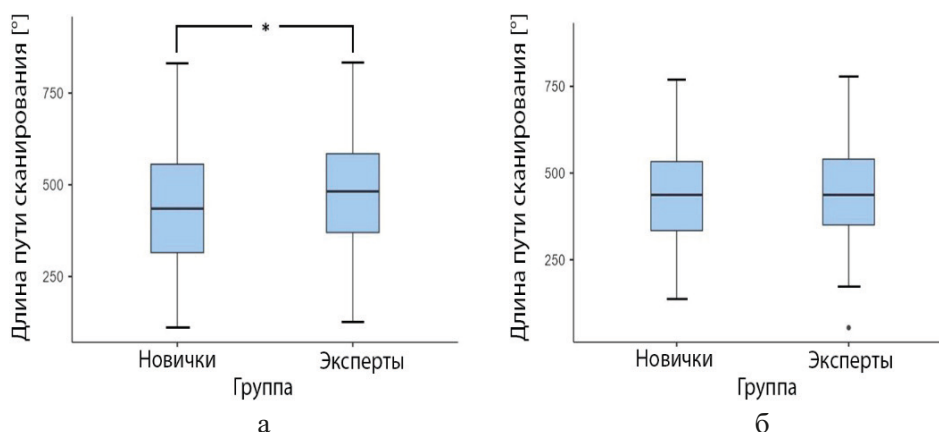

Рис. 2. Значения средней амплитуды саккад (в °) для групп экспертов и новичков в задаче а) свободного рассматривания, б) «мысленного рисования взором».

Полученные результаты показали влияние задачи, связанной с профессиональным навыком, на стратегии движения глаз экспертов: для них в задаче «рисования взором» были характерны большие по амплитуде саккады, в то время как в задаче свободного рассматривания амплитуды саккад новичков и экспертов не различались.

Далее проводился анализ длины пути сканирования. Для задачи свободного рассматривания были получены следующие значения медиан длины пути сканирования для двух групп: меди-

ана (Новички)=435° (межквартильный размах — от 315° до 556°), медиана (Эксперты)=482° (межквартильный размах — от 370° до 585°) (рис. 3). Расчет критерия Манна-Уитни показал, что величины К значительно различались ($p=0,020$) (рис. 3а). Для задачи «рисования взором» медиана (Новички)=437° (межквартильный размах — от 334° до 533°) и медиана (Эксперты)=437° (межквартильный размах — от 351° до 540°). Расчет критерия Манна-Уитни показал, что величины групп значительно не различались ($p=0,538$) (рис. 3б).

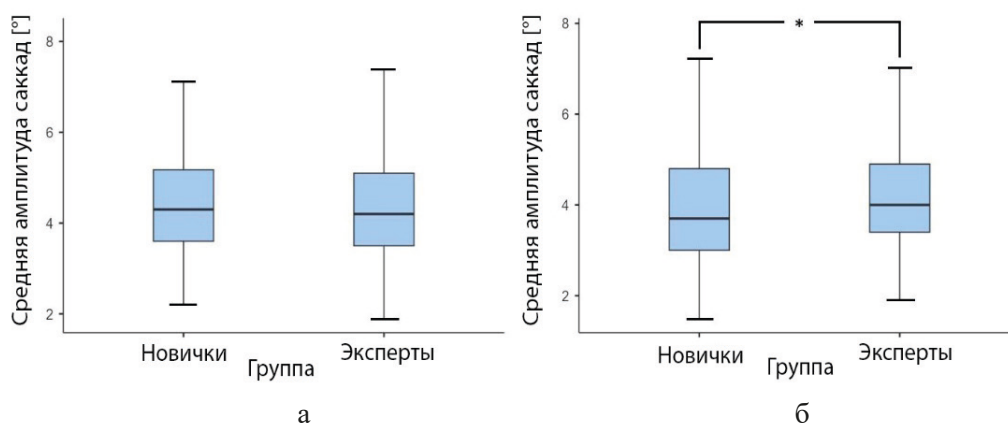

Рис. 3. Значения длины пути сканирования (в °) для групп экспертов и новичков в задаче а) свободного рассматривания, б) «мысленного рисования взором».

Эти результаты свидетельствуют о том, что в задаче свободного рассматривания для экспертов были характерны большие по размеру длины путей сканирования, в то время как в задаче «рисования взором» новички и эксперты не различались.

Анализ результатов

Согласно нашим гипотезам о специфике процессов восприятия у экспертов и новичков предполагалось, что в неспециализированной задаче свободного рассматривания натюрмортов между группами новичков и экспертов не должно наблюдаться различий. Однако полученные результаты

по K -коэффициенту показывают, что восприятие экспертами изображений характеризуется холистическим типом обработки визуальной информации независимо от профессиональной специфики задачи (простое наблюдение или «мысленное рисование взором»). Результаты согласуются с представлениями о том, что процессы восприятия в целом опосредуются опытом, связанным с профессиональной деятельностью, в нашем случае с навыком рисования.

Полученные нами результаты выявили статистически значимые различия по средней амплитуде саккад в профессионально-неспецифической задаче свободного рассматривания: у экспертов она была выше. Они согласуются с результатами других исследователей, показавших, что при просмотре и/или оценке эстетической ценности картин глазодвигательная активность экспертов по сравнению с неспециалистами характеризуется более длинными саккадами (Vogt, Magnussen, 2007; Pihko et al., 2011). Отсутствие различий по амплитуде саккад в профессионально-специфической задаче «рисования взором», по-видимому, связано со спецификой самой задачи, в которой «рисование» основано на выделении контуров объектов, представленных на картине. Этот процесс может быть аналогичным как у экспертов, так и у новичков, что и проявляется в отсутствии различий по амплитуде саккад. Выявленные нами особенности по длине пути сканирования имели иной характер. Этот пока-

затель в задаче свободного рассматривания статистически значимо не различался по группам и был значимо выше у экспертов в задаче «рисования взором».

Полученный результат, возможно, связан с особенностями решения двух различных задач на протяжении продолжительного промежутка времени (40 сек): временная динамика длины пути сканирования за этот период может по-разному изменяться у экспертов и новичков, что, вероятно, отражается в показателях длины сканирования. Для подтверждения этого предположения требуется дальнейший анализ глазодвигательных показателей в контексте гипотезы о преобладании у экспертов холистических процессов переработки информации.

Заключение

Спецификой данной работы явился анализ не только традиционных глазодвигательных показателей (амплитуда саккад, длина пути сканирования), но и K -коэффициента, отражающего преобладание холистических процессов при переработке зрительной информации. Полученные данные представляют интерес для исследования различий между экспертами и новичками в сфере изобразительного искусства, а также между различными категориями экспертов в этой области (например, между художниками и искусствоведами).

Литература:

- Арнхейм П. Искусство и визуальное восприятие. М., Прогресс, 1974.
- Castelhano M.S., Mack M.L., Henderson J.M. Viewing task influences eye movement control during active scene perception // *Journal of Vision*. 2009. V. 9(3). P. 6.1–15. DOI: 10.1167/9.3.6
- Francuz P., Zaniewski I., Augustynowicz P., Kopis N., Jankowski T. Eye movement correlates of expertise in visual arts // *Frontiers Human Neuroscience*. 2018. V. 12. Art. 87. DOI: 10.3389/fnhum.2018.00087
- Hristova E., Georgieva S., Grinberg M. Top-down influences on eye-movements during painting perception: The effect of task and titles // In *Towards Autonomous, Adaptive, and Context-Aware Multimodal Interfaces: Theoretical and Practical Issues*, 2010. P. 104–115. DOI: 10.1007/978-3-642-18184-9_10
- Krejtz K., Duchowski A., Krejtz I., Szarkowska A., Kopacz A. Discerning Ambient // *Focal Attention with Coefficient K*. ACM Transactions on Applied Perception (TAP). 2016. V. 13(3) P. 1–20. DOI: 10.1145/2896452
- Ostrowsky J. Observational Drawing Research Methods. // *Oxford Handbook of Empirical Aesthetics*. 2020. P. 235–255. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198824350.013.17
- Park S., Williams L., Chamberlain R. Global saccadic eye movements characterise artists' visual attention while drawing // *Empirical Studies of the Arts*. 2021. V. 40(2). P. 228–244. DOI: 10.1177/02762374211001811
- Pihko E., Virtanen A., Saarinen V.-M., Pannasch S., Hirvenkari L., Tossavainen T., Haapala A., Hari R. Experiencing art: the influence of expertise and painting abstraction level // *Frontiers Human Neuroscience*. 2011. V. 5. Art. 94. DOI: 10.3389/fnhum.2011.00094
- Sharvashidze N., Schütz A. Task-dependent eye-movement patterns in viewing art // *Journal of Eye Movement Research*. 2020. V. 13(2). P. 1–17. DOI: 10.16910/jemr.13.2.12

- Unema P.J.A., Pannasch S., Joos M., Velichkovsky B.M.* Time course of information processing during scene perception: The relationship between saccade amplitude and fixation duration // *Visual Cognition*. 2005. V. 12. P. 473–494. DOI: 10.1080/13506280444000409
- Velichkovsky B.M., Joos M., Helmert J.R., Pannasch S.* Two visual systems and their eye movements: evidence from static and dynamic scene perception // *Proceedings of the XXVII Conference of the Cognitive Science Society*. 2005. P. 2283–2288.
- Vogt S., Magnussen S.* Expertise in pictorial perception: eye-movement patterns and visual memory in artists and laymen // *Perception*. 2007. V. 36. P. 91–100. DOI: 10.1068/p5262

ART PERCEPTION IN EXPERTS AND NOVICES: AN EYE-TRACKING STUDY

© **Galina. YA. Menshikova**

Dr. Sci. (Psychol.), Head of Lab “Perception”, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
gmenshikova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5670-921X

© **Kristina A. Braginet**

Student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
braginet.88@mail.ru

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University
№ 122031100322–5

Currently, significant attention is being paid to the problem of assessing aesthetic experiences that arise from the perception of paintings. Many aspects of aesthetic perception are unconscious and difficult to verbalize. The eye-tracking method is effective for their assessment. Our work studied the eye movement patterns of experts (artists and art critics) and novices during the perception of still life images. Its distinctive feature was the use of two tasks: «free viewing» and «gaze drawing». The participants were 50 people (21M, 29F, mean age 26.1 ± 2.4 years). The expert group included 10 art critics and 15 artists, and the novice group consisted of 25 students from the Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University. Oculomotor indicators such as mean saccade amplitude, scanpath length, and the K-coefficient were analyzed. K-coefficient served as an indicator of holistic versus analytic visual processing. The results showed that task type can influence eye movement indices such as average saccade amplitude and scanpath length. However, the K-factor, reflecting the predominance of holistic visual information processing for experts compared to novices, proved to be a stable, task-independent indicator of differences.

Keywords: image perception, experts, novices, ambient/focal attention, eye movement strategies.

REFERENCES

- Arnheim R.* (1974). *Art and Visual Perception*. Moscow, Progress.
- Castelhano M.S., Mack M.L., Henderson J.M.* (2009). Viewing task influences eye movement control during active scene perception // *Journal of Vision*. V. 9(3). P. 6.1–15. DOI: 10.1167/9.3.6
- Francuz P., Zaniewski I., Augustynowicz P., Kopis N., Jankowski T.* (2018). Eye movement correlates of expertise in visual arts // *Frontiers Human Neuroscience*. V. 12. Art. 87. DOI: 10.3389/fnhum.2018.00087
- Hristova E., Georgieva S., Grinberg M.* (2010). Top-down influences on eye-movements during painting perception: The effect of task and titles // In *Towards Autonomous, Adaptive, and Context-Aware Multimodal Interfaces: Theoretical and Practical Issues*. P. 104–115. DOI: 10.1007/978-3-642-18184-9_10
- Krejtz K., Duchowski A., Krejtz I., Szarkowska A., Kopacz A.* (2016). Discerning Ambient // Focal Attention with Coefficient K. *ACM Transactions on Applied Perception (TAP)*. V. 13(3) P. 1–20. DOI: 10.1145/2896452
- Ostrowsky J.* (2020). Observational Drawing Research Methods // *Oxford Handbook of Empirical Aesthetics*. P. 235–255. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198824350.013.17

- Park S., Williams L., Chamberlain R.* (2021). Global saccadic eye movements characterise artists' visual attention while drawing // *Empirical Studies of the Arts*. V. 40(2). P. 228–244. DOI: 10.1177/02762374211001811
- Pihko E., Virtanen A., Saarinen V.-M., Pannasch S., Hirvenkari L., Tossavainen T., Haapala A., Hari R.* (2011). Experiencing art: the influence of expertise and painting abstraction level // *Frontiers Human Neuroscience*. V. 5. Art. 94. DOI: 10.3389/fnhum.2011.00094
- Sharvashidze N., Schütz A.* (2020). Task-dependent eye-movement patterns in viewing art // *Journal of Eye Movement Research*. V. 13(2). P. 1–17. DOI: 10.16910/jemr.13.2.12
- Unema P.J.A., Pannasch S., Joos M., Velichkovsky B.M.* (2005). Time course of information processing during scene perception: The relationship between saccade amplitude and fixation duration // *Visual Cognition*. V. 12. P. 473–494. DOI: 10.1080/13506280444000409
- Velichkovsky B.M., Joos M., Helmert J.R., Pannasch S.* (2005). Two visual systems and their eye movements: evidence from static and dynamic scene perception // *Proceedings of the XXVII Conference of the Cognitive Science Society*. P. 2283–2288.
- Vogt S., Magnussen S.* (2007). Expertise in pictorial perception: eye-movement patterns and visual memory in artists and laymen // *Perception*. V. 36. P. 91–100. DOI: 10.1068/p5262

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФЕНОМЕНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© Гагарина М.А.

Доктор психологических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

mgagarina224@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7812-7875

© Кирпичев А.В.

Магистр, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
alexey.kirichev.m191@gmail.com; ORCID: 0009-0004-9115-5717

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научного проекта № 24-28-00863, <https://rscf.ru/project/24-28-00863/>

Для цитирования:

Гагарина М.А., Кирпичев А.В.
Экономический менталитет россиян
в контексте коллективных феноменов
гражданской идентичности // Ученые
записки Института психологии
Российской академии наук. 2025.
Т.5. №4(17). С.49-58.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_06

Gagarina M.A. Kirpichev A.V.
Economic mentality of Russians in the
context of collective phenomena of civil
identity. Proceedings of the Institute of
Psychology of the Russian Academy of
Sciences. 2025, Vol.5, No4(17), Pp.49-58.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_06

В статье анализируется специфика экономического менталитета в контексте гражданской идентичности, а именно коллективных феноменов, отражающих ее содержание: воспринимаемой коллективной преемственности и коллективного нарциссизма. Цель: анализ связей коллективного нарциссизма и коллективной преемственности с экономическим менталитетом россиян. Гипотезы: 1. Приоритет рыночной экономики в экономическом менталитете (высокий Глобальный индекс экономического менталитета) детерминирован высоким уровнем веры в вознаграждение усилий. 2. Низкий Глобальный индекс экономического менталитета (приоритет государственного регулирования экономики) положительно связан с коллективным нарциссизмом. 3. Низкий Глобальный индекс экономического менталитета положительно связан с возрастом и воспринимаемой коллективной преемственностью. 4. Высокий уровень коллективного нарциссизма положительно связан с негативным отношением к экономическим аутгруппам. Методы и материалы: вопросы, входящие в Глобальный индекс экономического менталитета, «Шкала коллективного нарциссизма» в адаптации М.О. Романовой, «Шкала воспринимаемой коллективной преемственности» в адаптации М.А. Терсковой. Результаты показали, что высокая ценность экономической

свободы детерминирована убежденностью человека в собственную способность добиться успеха, прилагая для этого усилия, низкой готовностью подчиняться власти, а также верой в людей и социальные институты. Высокий коллективный нарциссизм взаимосвязан с приоритетом государственного регулирования экономики в плане перераспределения доходов и осуждением экономических аутгрупп.

Ключевые слова: гражданская идентичность, идентификация со страной, экономический менталитет, глобальный индекс экономического менталитета, коллективный нарциссизм, коллективная преемственность

Введение

Менталитет вообще и экономический менталитет в частности, относятся к понятиям, позволяющим изучать не только отдельного индивида, но и большие социальные общности. В связи с чем

представляет интерес изучение его взаимосвязей с другими групповыми феноменами, такими как «коллективный нарциссизм» и «воспринимаемая коллективная преемственность». Особую актуальность исследованию придает тот факт, что оба фе-

номена мало изучены на российской выборке: нам удалось найти лишь несколько публикаций отечественных авторов, посвященных коллективному нарциссизму (Григорьев, 2020; Гулевич, Косимова, 2024; Романова и др., 2022) и лишь одну — коллективной преемственности (Терскова и др., 2022).

Экономический менталитет может быть описан через ценность экономической свободы и эмпирически рассчитан через Глобальный индекс экономического менталитета (далее ГИЭМ) (Czeglédi, Lips, Newland, 2021), «позволяющий измерить, отдают ли люди приоритет частной инициативе, свободной конкуренции и личной ответственности либо широкому государственно-му вмешательству, перераспределению доходов и поддержке правительства» (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025). В той же работе показано, что ГИЭМ обратно связан с социальным цинизмом и прямо с верой в вознаграждение усилий. Мы предполагаем, что здесь имеют место причинно-следственные связи. Так прорыночная ориентация экономического менталитета, предполагающая личную ответственность за обеспечение благополучия, поддержку честной конкуренции и отказ от помощи государства в перераспределении доходов (а значит высокую ценность экономической свободы), прежде всего обусловлена верой в вознаграждение усилий. То есть, убежденностью в собственной способности и возможности преодолеть трудности. В отличие от исследования (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025) мы предполагаем, что эта связь направленная.

Гражданская идентичность в общем виде может быть определена как восприятие человеком себя в качестве гражданина своей страны, включая разные аспекты этого процесса, в том числе аффективный компонент — идентификацию со страной, интерпретируемую как близость со своей страной и позитивное отношение к своему гражданству (Асмолов, Карабанова, Марцинковская, 2011; Муращенкова и др., 2022). При этом понятия идентичность/идентификация и гражданская/национальная (применительно к идентичности) могут использоваться как синонимы (Гулевич, Косимова, 2024). Чувство причастности к своей стране существует на изолированно, а сопряжено с моральными суждениями и социальными верованиями, разделяемыми согражданами в соответствии с доминирующей государственной идеологией, политическим и экономическим устройством страны (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025; Микляева, Самойлов, 2024). При этом у россиян, чем выше идентификация со своей страной и институциональное доверие,

тем выше готовность отчуждать свою экономическую свободу государству в плане распределения ресурсов, конкуренции и ответственности за экономическое благополучие людей (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025).

Ключевым фактором, связывающим высокие уровни ингрупповой идентификации с аутгрупповой враждебностью, является коллективный нарциссизм (Романова и др., 2022). В исследованиях подтверждены национальные особенности выраженности нарциссических черт, однако это в большей степени касается индивидуального нарциссизма, который хотя и напрямую связан с коллективным, тем не менее является самостоятельной переменной (Пищик, Шабукаева, 2023). «Коллективный нарциссизм по сути является «продолжением» индивидуального нарциссизма на уровне групповой социальной идентичности — для него характерны чрезмерная любовь к ин-группе и преувеличенное представление о ее величии, которые требуют постоянного внешнего подтверждения <...> индивидуальные нарциссы имеют преувеличенное представление о собственном эго и прибегают к межличностной агрессии с целью его защиты, аналогичным образом коллективные нарциссы прибегают к межгрупповой, но уже для защиты образа группы» (Романова и др., 2022, с. 204). В исследовании Д.С. Григорьева, высокий уровень коллективного нарциссизма является обязательным условием положительной связи между патриотизмом и национализмом (Григорьев, 2020).

В зарубежных исследованиях доказана положительная связь коллективного нарциссизма с разными показателями чрезмерной ингрупповой идентификации: национализмом (например, Cichocka, Cislak, 2020; Golec de Zavala, Lantos, 2020), слепым патриотизмом (Golec de Zavala, Cichocka, Bilewicz, 2013) и национальным прославлением (Cichocka, Marchlewska, Golec de Zavala, Olechowski, 2016), особенно в ситуации угрозы для социальной идентичности (Bagci, Stathi, Golec de Zavala, 2023). Однако коллективный нарциссизм — это более широкий конструкт, который может относиться к любым социальным группам, а не только к национальным (например, Cichocka, Cislak, 2020). То есть, наше предположение о его связи с экономическим менталитетом может оказаться плодотворным. Тем не менее, то, каким образом связаны коллективный нарциссизм, гражданская идентичность и экономический менталитет, измеренный через оценку роли государства в эффективности, распределении ресурсов и обеспечении благосостояния граждан, не оче-

видно. О.А. Гулевич и С.С. Косимова, ссылаясь на зарубежные работы и рассматривая надежную национальную идентификацию и национальный нарциссизм как конструктивную и неконструктивную формы национальной идентичности, отмечают, что гражданская идентичность (национальная идентификация) и коллективный (национальный) нарциссизм по-разному связаны с отношением к экономической системе страны и поддержке своих сограждан (Гулевич, Косимова, 2024).

Таким образом, коллективный нарциссизм может быть связан с осуждением маргинальных слоев общества и «не поддержкой» идеи распределения доходов «по потребностям». В контексте исследуемого нами экономического менталитета, можно предположить, что высокий коллективный нарциссизм будет связан с осуждением бедных и тех, кто совершает действия, подрывающие экономическое благополучие страны (не платит налоги), то есть, с негативным отношением к экономическим аутгруппам.

Поскольку понятия менталитета может быть раскрыто через «устойчивые духовные ценности», «глубинные аксиологические установки», «долговременные стереотипы» (Полякова, 2005), а понятие экономического менталитета через «историчность», «многофакторность», «изменчивость» (Журавлев, Китова, 2023), то в контексте идентификации со своей страной представляет интерес связь экономического менталитета с воспринимаемой коллективной преемственностью (Sani et al., 2007). Воспринимаемая коллективная преемственность включает два основных параметра: воспринимаемая культурная преемственность (непрерывность норм и традиций) и воспринимаемая историческая преемственность (взаимосвязь между разными историческими эпохами и событиями) которые подтверждены в том числе и на российской выборке (Терскова и др., 2022) и очень хорошо согласуются с понятием менталитета. Возможно, высокая коллективная преемственность будет связана с высоким уровнем поддержки традиционных для России экономических ценностей, которые, как показывают исследования, различаются в разные исторические периоды (например, Журавлев, Китова, 2023, Czeglédi, Lips, Newland, 2021).

В данном исследовании были сформулированы следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Приоритет рыночной экономики в экономическом менталитете (высокий Глобальный индекс экономического менталитета) детерминирован высоким уровнем веры в вознаграждение усилий.

Гипотеза 2. Низкий Глобальный индекс экономического менталитета (приоритет государственного регулирования экономики) положительно связан с коллективным нарциссизмом.

Гипотеза 3. Низкий Глобальный индекс экономического менталитета положительно связан с возрастом и воспринимаемой коллективной преемственностью.

Гипотеза 4. Высокий уровень коллективного нарциссизма положительно связан с негативным отношением к экономическим аутгруппам.

Методы

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе изучалась детерминация экономического менталитета, измеренного через ГИЭМ (проверка гипотезы 1) На втором этапе проверялись взаимосвязи между ГИЭМ, возрастом, воспринимаемой коллективной преемственностью, коллективным нарциссизмом, социальными аксиомами и моральными основаниями (проверка гипотез 2–4).

Глобальный индекс экономического менталитета (далее — ГИЭМ) рассчитывался в соответствии с методологией, описанной (Czeglédi, Lips, Newland, 2021) и примененной в эмпирическом исследовании (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025). Помимо общего индекса отдельно рассматривались три шкалы: «Эффективность» — степень убежденности, что частная собственность и конкуренция между фирмами дают желаемые экономические результаты; «Перераспределение» — степень убежденности, что правительство должно перераспределить доходы, чтобы добиться более равных результатов; «Ответственность» — степень убежденности, что человек несет ответственность за свое собственное благополучие, в отличие от мнения, что правительство должно непосредственно принимать меры против бедности и в пользу равенства доходов. Низкие значения отдельных шкал и общего индекса соответствуют приоритету высокой роли государства в регулировании экономики, а высокие — приоритету механизмов рыночной экономики.

Также были использованы вопросы на социально-демографические характеристики.

Из психодиагностических методик использовались:

Сокращенная версия методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга в адаптации А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой, которая позволяет оценить пять групп социальных верований: «Социальный цинизм», «Контроль судьбы», «Награда за усилия», «Социальная сложность» и «Религиозность» (Татарко, Лебедева, 2020).

«Опросник моральных оснований» в адаптации О.А. Сычева, измеряющий пять базовых составляющих сферы морали: «Забота», «Справедливость», «Лояльность», «Уважение», «Праведность» (Сычев, Протасова, Белоусов, 2018).

«Шкала коллективного нарциссизма» в адаптации М.О. Романовой и соавторов (Романова и др., 2022).

«Шкала воспринимаемой коллективной преемственности» в адаптации М.А. Терсковой и соавторов (Терскова и др., 2022), включающая наряду с общим показателем еще два измерения «Культурное представление» и «Историческое представление».

Дополнительно для уточнения связей элементов экономического менталитета с коллективным нарциссизмом и воспринимаемой коллективной преемственностью были заданы два вопроса (степень согласия от 1 до 5 по шкале Лайкерта), направленные на отношение к потенциальным экономическим аутгруппам: «В своей бедности люди виноваты сами, всегда можно выбраться из любой ситуации, если захочешь» (далее «Бедность») и «Я осуждаю тех, кто уклоняется от уплаты налогов» (далее «Налоги»).

Респонденты. 240 участников онлайн-опроса, реализованного через платформу Anketolog.ru, из них 45% мужчин и 55% женщин. Возраст от 18 до 74 ($M=36,4$; $\sigma=13,66$).

Результаты

Для проверки первой гипотезы о детерминации экономического менталитета, определяемого как ценности экономической свободы в системе представлений об экономическом устройстве страны (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025) был предпринят линейный пошаговый регрессионный анализ, где ГИЭМ — зависимая переменная, а в качестве независимых были включены возраст, значения шкал моральных оснований (забота, справедливость, лояльность, уважение к авторитетам, праведность), социальных аксиом (социальный цинизм, контроль судьбы, награда за усилия, социальная сложность и религиозность), коллективный нарциссизм и две шкалы воспринимаемой коллективной преемственности (культурное представление и историческое представление). В результате было получено, что предикторами ГИЭМ ($F=7,08$; $p<0,001$) являются низкий социальный цинизм ($\beta=-0,20^{**}$), высокая вера в награду за усилия ($\beta=0,20^{**}$) и низкое уважение к авторитетам ($\beta=-0,14^*$).

Для проверки гипотез о значимых взаимосвязях экономического менталитета (гипотезы 2, 3, 4) был проведен корреляционный анализ общего

индекса ГИЭМ, его субшкал, вопросов, измеряющих отношение к экономическим аутгруппам (бедность и налоги), возраста, шкал опросников «Социальные аксиомы» (социальный цинизм, контроль судьбы, награда за усилия, социальная сложность и религиозность) и «Моральные основания» (забота, справедливость, лояльность, уважение к авторитетам, праведность), коллективного нарциссизма, воспринимаемой коллективной преемственности и ее двух субшкал.

Гипотеза 2. Низкий Глобальный индекс экономического менталитета (приоритет государственного регулирования экономики) положительно связан с коллективным нарциссизмом.

Гипотеза 3. Высокий уровень коллективного нарциссизма положительно связан с негативным отношением к экономическим аутгруппам.

Гипотеза 4. Низкий Глобальный индекс экономического менталитета положительно связан с возрастом и воспринимаемой коллективной преемственностью.

Глобальный индекс экономического менталитета не образует достоверных взаимосвязей с коллективным нарциссизмом, однако субшкала ГИЭМ — «перераспределение» — образует с ним достоверную обратную корреляцию ($r=-0,20$; $p<0,001$), что, отчасти, подтверждает гипотезу 2. Вообще шкала «перераспределение» является самой нагруженной в плане достоверных взаимосвязей с другими методиками и все эти корреляции — обратные: моральные основания — забота ($r=-0,33$; $p<0,001$), справедливость ($r=-0,37$; $p<0,001$), лояльность ($r=-0,23$; $p<0,001$), уважение ($r=-0,26$; $p<0,001$), праведность ($r=-0,27$; $p<0,001$); социальные аксиомы социальный цинизм ($r=-0,23$; $p<0,001$), награда за усилия ($r=-0,16$; $p<0,05$), социальная сложность ($r=-0,14$; $p<0,05$), а также коллективная преемственность ($r=-0,26$; $p<0,001$) и ее шкалы — культурная ($r=-0,24$; $p<0,001$) и историческая преемственность ($r=-0,22$; $p<0,01$).

Коллективный нарциссизм образует две положительные корреляции с вопросами, отражающими осуждение экономических аутгрупп — бедных ($r=0,19$; $p<0,01$) и неплательщиков налогов ($r=0,20$; $p<0,01$), то есть гипотеза 3 тоже нашла свое подтверждение. Кроме того, коллективный нарциссизм положительно связан с моральными основаниями — заботой ($r=0,14$; $p<0,05$), лояльностью ($r=0,45$; $p<0,001$), уважением авторитетов ($r=0,47$; $p<0,001$) и праведностью ($r=0,15$; $p<0,05$); социальными аксиомами религиозностью ($r=0,23$; $p<0,001$), социальным цинизмом ($r=0,20$; $p<0,01$), наградой за усилия ($r=0,26$; $p<0,001$), контролем

судьбы ($r=0,25$; $p<0,001$) и социальной сложностью ($r=0,18$; $p<0,01$); а также с коллективной преемственностью ($r=0,57$; $p<0,001$) и ее обеими шкалами культурным ($r=0,60$; $p<0,001$) и историческим представлением ($r=0,39$; $p<0,01$).

Для проверки четвертой гипотезы были рассчитаны коэффициенты корреляции между ГИЭМ, его субшкалами, возрастом, воспринимаемой коллективной преемственностью, культурным и историческим представлением. Воспринимаемая коллективная преемственность не образует достоверных корреляций с ГИЭМ, но связана с его компонентами — эффективностью ($r=0,14$; $p<0,05$) и перераспределением ($r=-0,26$; $p<0,001$), а также с возрастом ($r=0,13$; $p<0,05$). ГИЭМ ($r=-0,18$; $p<0,01$) и его субшкала «перераспределение» ($r=-0,23$; $p<0,001$) обратно связаны с возрастом.

Анализ результатов

Результаты регрессионного анализа указывают на то, что выраженная прорыночная ориентация является результатом убежденности в том, что человек сам может добиться успеха, прилагая для этого усилия, низкой готовностью подчиняться власти и следовать установленным традициям, а также верой в людей и социальные институты.

Особенности экономического менталитета россиян, выявленные с помощью оценки взаимосвязей его Глобального индекса с задействованными в исследовании переменными, проявляются в том, что отдельные его компоненты имеют разную значимость. При том, что все субшкалы, как и сам общий индекс, имеют измерение от низких значений, соответствующих высокой роли государства в экономике, до высоких, соответствующих высокой роли рыночных механизмов в регулировании экономики, их (субшкал) взаимосвязи с другими исследуемыми переменными различаются между собой как по количеству, так и по знаку (прямые и обратные). Так самой значимой шкалой, по количеству взаимосвязей, является шкала «перераспределение», содержательно интерпретируемая как степень убежденности в том, должно ли правительство перераспределить доходы, чтобы добиться более равных результатов для всех граждан. Все без исключения значимые корреляции этой субшкалы обратные.

Обратная связь спланирующих моральных оснований лояльность, уважение к авторитетам и прав с перераспределением содержательно может быть интерпретировано следующим образом: чем выше ориентация на патриотизм, поощрение преданности своим близким, стране и народу, а также поощрение уважения, готовности подчиняться

власти — тем больше готовность отдавать право перераспределять доходы правительству, потому что именно оно, в данном случае, выступает авторитетом. Это согласуется с данными других исследований, согласно которым, указанные моральные основания образуют положительные взаимосвязи с политическим консерватизмом — то есть, стремлением сохранить существующий общественный порядок, стабильность и преемственность (Сычев, 2023; Graham et al., 2011; Kim, Jesiek, 2023). Однако у россиян поддержка авторитета государства распространяется только на перераспределение доходов, уступая место в эффективности достижения основных экономических результатов таким институтам как свободная конкуренция и частная собственность. Взаимосвязь с моральными основаниями заботой и справедливостью — тоже вполне понятна: переживание по поводу благополучия других людей и помощи нуждающимся, а также защиты прав каждого человека, вполне могут допускать отчуждение права на перераспределение доходов государству.

Косвенным подтверждением может служить отсутствие связи между субшкалой перераспределение и осуждением бедных, и наличием обратной связи с осуждением налоговых неплательщиков: люди, осуждающие неплательщиков, поддерживают идею государственного перераспределения доходов. Полученный результат согласуется с тем, что индивидуализирующие моральные основания «показали связи с озабоченностью вопросами бедности и справедливости оплаты труда, <...> с отношением к неравенству» (Сычев, 2023, с. 11). При этом, моральное основание забота образует прямые связи с другими субшкалами ГИЭМ — ответственностью и эффективностью, а моральное основание «справедливость» — с ответственностью. То есть, при выраженности обоих индивидуализирующих моральных оснований, государству отдается ведущая роль только в перераспределении доходов, в отношении же ответственности за свое собственное финансовое благополучие — приоритет остается за самим человеком, а в случае выраженности морального основания заботы наблюдается еще и преобладание таких традиционных либеральных ценностей, таких как поддержка частной собственности и конкуренции.

Обратимся к связям ГИЭМ и его субшкал с социальными аксиомами — наградой за усилия, социальной сложностью и социальным цинизмом. Награда за усилия прямо, а социальный цинизм — обратно связаны с ГИЭМ, то есть с поддержкой экономической свободы как ценности. Этот результат согласуется, во-первых, с нашей гипоте-

зой о роли награды за усилия с ценностями рыночной экономики, а во-вторых, с данными, что социальный цинизм связан с экономическим патернализмом и низкой экономической самостоятельностью (Татарко, Лебедева, 2008), этот факт раскрывается и в обратных связях социального цинизма с эффективностью и перераспределением. Тем не менее, при анализе двух других субшкал взаимосвязи оказываются более сложными: награда за усилия и социальная сложность прямо связаны с ответственностью и эффективностью, и обратно с перераспределением. Прямые связи понятны и обоснованы, высокая прорыночная ориентация, проявляющаяся в высокой ценности экономической свободы, проявляется в самодетерминации в экономических отношениях, а также сложности и изменчивости во времени индивидуального поведения и межличностных отношений. Почему же при высокой ценности экономической свободы происходит ее отчуждение государству в отношении перераспределения доходов? Нет ли здесь противоречия?

Рассмотрев все многообразие взаимосвязей, описанных выше, а также обратившись к толкованию экономической свободы в экономической и юридической науках, мы пришли к заключению, что противоречия нет. Рассматривая экономическую свободу личности как правовую категорию, И.Н. Плотникова определяет ее через «свободу выбора решений и легальной деятельности, основанную на личном интересе, ограниченном вмешательстве государства в экономическую деятельность, совместимую со свободой других лиц и функциями государства, проистекающими из публичных потребностей, защищенную от посягательств как со стороны иных лиц, так и со стороны государства и общества, основывающуюся, прежде всего, на свободе частной собственности, предпринимательской деятельности, конкуренции, свободе труда» (Плотникова, 2020, с. 67). То есть, само понятие свободы как ценности предполагает вмешательство государства, хотя и ограниченное. С этим соглашаются и экономисты: «обеспечение свобод наибольшего количества субъектов рынка и отдельных лиц возможно только путем применения мер государственного регулирования, которые осуществляют недопущение разделения свобод» (Медведева, 2025, с. 40). Человек, и государство имеют целью повышение благосостояния и несут за это солидарную ответственность (Саудаханов, 2021), однако следует не допускать накопления неограниченных экономических ресурсов и роста экономического неравенства (Рожкова, 2025).

Коллективный нарциссизм образует две положительные взаимосвязи с вопросами, отражающими осуждение экономических аутгрупп, то есть, чем более выражена любовь к России и россиянам, сопровождающаяся преувеличенным представлением о ее величии, тем больше склонность осуждать тех, кто не платит налоги, тем самым подрывая экономическую устойчивость страны и тем больше осуждение бедных, которые, вероятно, несут угрозу ее имиджу. Эти результаты согласуются с данными, полученными в других исследованиях (Гулевич, Косимова, 2024; Biddlestone, 2022). Кроме того, коллективный нарциссизм образует сильные положительные взаимосвязи со сплывающими моральными основаниями — лояльностью и уважением авторитетов и слабые с праведностью и заботой. А также высоко значимые положительные взаимосвязи с социальными аксиомами религиозности, социальным цинизмом, наградой за усилия и контролем судьбы. То есть, связь сплывающих моральных оснований с чувством принадлежности к своей стране на индивидуальном уровне, ранее подтвержденное в исследованиях (Гагарина, Викентьева, Горшкова, 2025; Микляева, Самойлов, 2024) теперь получено и для коллективного феномена. С другой стороны, связи с социальными аксиомами частично противоречат полученным ранее данным в части положительных связей с контролем судьбы и наградой за усилия: ранее было выдвинуто суждение, что «коллективный нарциссизм может отражать процесс компенсации низкой самооценки индивидов и отсутствия у них контроля над своей жизнью» (Григорьев, 2020, с. 57). Данный факт требует дальнейшей проверки с будущими исследованиями.

Коллективный нарциссизм образует сильные положительные взаимосвязи с воспринимаемой коллективной преемственностью и ее обеими шкалами культурным и историческим представлением. То есть, чем выше идентификация со своей страной, тем более выражены представления об устойчивости ее ценностей и традиций во времени.

Воспринимаемая коллективная преемственность не образует достоверных корреляций с ГИЭМ, но связана с его компонентами — прямо с эффективностью и обратно с перераспределением. Таким образом, чем больше россияне убеждены в том, что они как социальная группа обладают устойчивой передачей из поколения в поколение ценностей, традиций и интерпретации исторических событий, тем больше они убеждены в том, что государство и правительство несут ответственность за перераспределение доходов, но при

этом верят в эффективность институтов частной собственности и конкуренции. Воспринимаемая коллективная преемственность образует прямую, а субшкала ГИЭМ «перераспределение» — обратную взаимосвязь с возрастом. То есть, чем старше россияне, тем больше они убеждены в том, что их группа обладает целостностью и устойчивостью во времени: культура передается из поколения в поколение и существует неразрывная связь между важными историческими событиями в России. Чем старше россияне, тем больше они убеждены в решающей роли государства в перераспределении доходов.

Выводы

1. Высокая ценность экономической свободы: вера в эффективность механизмов конкуренции и частной собственности, приоритет личной ответственности за экономическое благополучие и перераспределение доходов — детерминирована убежденностью человека собственную способность добиться успеха, прилагая для этого усилия, низкой готовностью подчиняться власти и следовать установленным традициям, а также верой в людей и социальные институты.

2. Высокий коллективный нарциссизм взаимосвязан с приоритетом государственного регулирования экономики в плане перераспределения доходов.

3. Высокий коллективный нарциссизм положительно связан с осуждением экономических аут-групп. Высокая идентификация со своей страной, сопровождающаяся преувеличенным представлением о ее величии, взаимосвязана со склонностью осуждать тех, кто не платит налоги, тем самым подрывая экономическую устойчивость страны, а также бедных, представляющих, угрозу имиджу России как успешной в экономическом плане державы.

4. Высокая убежденность россиян в целостности и устойчивости своей национальной группы, проявляющейся в ценностях, традициях и истории, связана с амбивалентным сочетанием в их ментальной репрезентации экономической реальности — высокой роли государства и правительства в перераспределении доходов, с одной стороны, и веры в эффективность институтов частной собственности конкуренции, с другой. Такая амбивалентность отражает особый экономический путь России. При этом, чем старше россияне, тем больше они убеждены в решающей роли государства в перераспределении доходов.

Литература:

- Асмолов А.Г., Карабанова О.А., Марцинковская Т.Д. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монографии в 2 ч. (А.Г. Асмолов, общ. ред.). М.: Федеральный институт развития образования. 2011.
- Григорьев Д.С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 4. № 40. С. 48–60. DOI: 10.11621/npj.2020.0404.
- Пиццик В.А., Шабукеева М.Р. Деконструкция представлений о нарциссизме // Южнороссийский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 3. С. 135–150. DOI: 10.31429/26190567–24–3–135–150.
- Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130312>
- Терскова М.А., Богатырева Н.И., Иванов А.А., Романова М.О., Быков А.О., Анкушев В.В. Воспринимаемая коллективная преемственность: адаптация шкалы для российского контекста // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 2. С. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180214>
- Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>
- Журавлев А.Л., Китова Д.А. Экономический менталитет россиян в контексте психолого-исторического анализа // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 5. С. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920027722-0>
- Микляева А.В., Самойлов О.М. Социальные верования и основания морального выбора как предикторы гражданской идентичности подростков // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 154–171. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150411>
- Медведева М.Б. Индекс экономической свободы в современных геополитических реалиях и санкционное давление // Банковские услуги. 2025. Т. 6. С. 33–41. DOI: 10.36992/2075–1915_2025_6_33.
- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Ефременкова М.Н., Кулеш Е.В., Константинов В.В., Гуриева С.Д., Маленова А.Ю. Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы

- эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 113–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
- Полякова Т.А. Менталитет личности как социально-культурологический феномен: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 24.00.01. Тамбов, 2005.
- Плотникова И.Н. Экономическая свобода личности как правовая категория в современной российской науке // Вестник Московского университета МВД России. 2020. Т. 7. С. 60–68.
- Рожкова З.И. Феномен социального неравенства в цифровом мире: как демократия существует в условиях экономических дисбалансов // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. Т. 4. С. 29–38. DOI: 10.26118/2782–4586.2025.41.45.005.
- Саудаханов М.В. Социально-экономические права и свободы человека и гражданина и социальное государство // Вестник Московского университета МВД России. 2021. Т. 2. С. 56–59.
- Сычев О.А. Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140101>
- Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Bagci S.C., Stathi S., Golec de Zavala A. Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and ingroup satisfaction // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2023. V. 29(2). P. 208–220. DOI: <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
- Biddlestone M., Cichocka A., Główczewski M., Cislak A. Their own worst enemy? Collective narcissists are willing to conspire against their in-group // British Journal of Psychology. 2022. V. 113(4). P. 894–916. DOI: 10.1111/bjopp.12569
- Bocian K., Cichocka A., Wojciszke B. Moral tribalism: Moral judgments of actions supporting ingroup interests depend on collective narcissism // Journal of Experimental Social Psychology. 2021. V. 93. Art. 104098. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2020.104098>
- Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. V. 34. P. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013
- Cichocka A., Marchlewska M., Golec de Zavala A., Olechowski M. “They will not control us”: Ingroup positivity and belief in intergroup conspiracies // British Journal of Psychology. 2016. V. 107. P. 556–576. DOI: 10.1111/bjop.12158
- Czeglédi P., Lips B., Newland C. The Economic Mentality of Nations // Cato Journal. 2021. V. 41(3). P. 657–689. <https://doi.org/10.36009/CJ.41.3.10>
- Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. The paradox of in-group love: Differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes // Journal of Personality. 2013. V. 81. P. 16–28. DOI: 10.1111/j.1467–6494.2012.00779.x
- Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // Current Directions in Psychological Science. 2020. V. 29(3). P. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703.
- Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the moral domain // Journal of personality and social psychology. 2011. V. 101(2). P. 366–385
- Kim D., Jesiek B.K. Political ideologies and moral foundations of engineering professionals in the United States // Technology in Society. 2023. V. 75. Art. 102379. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102379>.
- Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y. Perceived Collective Continuity: Seeing Groups as Entities That Move Through Time // European Journal of Social Psychology. 2007. V. 37. P. 1118–1134. DOI: 10.1002/ejsp.430.

ECONOMIC MENTALITY OF RUSSIANS IN THE CONTEXT OF COLLECTIVE PHENOMENA OF CIVIL IDENTITY

© Maria A. Gagarina

Doctor of Psychology, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

mgagarina224@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7812-7875

© Alexey V. Kirpichev

Master, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
alexey.kirichev.m191@gmail.com; ORCID: 0009-0004-9115-5717

This study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) as part of research project
№ 24-28-00863, <https://rscf.ru/project/24-28-00863/>

The paper analyzes the specifics of economic mentality in the context of civic identity, as well as collective phenomena that reflect its content: perceived collective continuity and collective narcissism. Objective: analysis of the relationship between collective narcissism and collective continuity with the economic mentality of Russians. Hypotheses: 1. The priority of the market economy in the economic mentality (high Global Index of Economic Mentality) is determined by a high Belief in Reward for Application. 2. Low Global Index of Economic Mentality (priority of state regulation of the economy) is positively associated with Collective Narcissism. 3. Low Global Index of Economic Mentality is positively associated with age and Perceived Collective Continuity. 4. High level of Collective Narcissism is positively associated with negative attitudes toward economic outgroups. Methods: Questions for the Global Index of Economic Mentality; “Collective Narcissism Scale” adapted by M.O. Romanova, and “Perceived Collective Continuity Scale” adapted by M.A. Terskova. Results received that the high value of economic freedom is determined by a person’s belief in his own ability to achieve success by making efforts to do so, a low willingness to submit to authority, as well as faith in people and social institutions. High collective narcissism is associated with the priority of state regulation of the economy in terms of income redistribution and the condemnation of economic outgroups.

Keywords: civic identity, identification with the country, economic mentality, Global Index of Economic Mentality, collective narcissism, collective continuity

REFERENCES

- Asmolv A. G., Karabanova O. A., Martsinkovskaya T. D. (2011). How civil identity is born in the world of education: from phenomenology to technology: monographs in 2 parts. (A. G. Asmolv, ed.). Moscow: Federal Institute for Education Development.
- Grigoryev D. S. (2020). From patriotism to political totalitarianism: the role of collective narcissism // National Psychological Journal. V. 13(4). P. 48–60. DOI: 10.11621/npj.2020.0404
- Pishchik V. I., Shabukaeva M. R. (2023). Deconstructing Perceptions of Narcissism // South Russian Journal of Social Sciences. V. 24(3). P. 135–150.
- Romanova M. O., Ivanov A. A., Bogatyreva N. I., Terskova M. A., Bykov A. O., Ankushev V. V. (2022). Collective Narcissism Scale Adaptation on a Russian Sample // Social Psychology and Society. V. 13(3). P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130312>
- Terskova M. A., Bogatyreva N. I., Ivanov A. A., Romanova M. O., Bykov A. O., Ankushev V. V. (2022). Perceived Collective Continuity: Scale Adaption for the Russian Context // Cultural-Historical Psychology. V. 18(2). P. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180214>
- Gulevich O. A., Kosimova S. S. (2024). The Relationship between Russian Identity and Political Polarization: The Role of Secure National Identification and National Narcissism // Social Psychology and Society. V. 15(4). P. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>
- Zhuravlev A. L., Kitova D. A. (2023). Economic mentality of Russians in the context of psychological and historical analysis // Psychological journal. V. 44(5). P. 25–36. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920027722-0>

- Miklyayeva A. V., Samoiloov O. M. (2024). Social beliefs and foundations of moral choice as predictors of adolescents' civic identity // *Social Psychology and Society*. V. 15(4). P. 154–171. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150411>
- Medvedeva M. B. (2025). The index of economic freedom in modern geopolitical realities and sanctions pressure // *Banking services*. V. 6. P. 33–41. DOI: [10.36992/2075-1915_2025_6_33](https://doi.org/10.36992/2075-1915_2025_6_33)
- Murashcenkova N. V., Gritsenko V. V., Kalinina N. V., Efremenkova M. N., Kulesh E. V., Konstantinov V. V., Gurieva S. D., Malenova A. Yu. (2022). Ethnic, civic and global identities as predictors of emigration activity of student youth in Belarus, Kazakhstan and Russia // *Cultural-Historical Psychology*. V. 18(3). P. 113–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
- Polyakova T. A. (2025). Mentality of the individual as a socio-cultural phenomenon: author's abstract ... dis. candidate of philosophical sciences: 24.00.01. Tambov.
- Plotnikova I. N. (2020). Economic freedom of the individual as a legal category in modern Russian science // *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. V. 7. P. 60–68.
- Rozhkova Z. I. (2025). The phenomenon of social inequality in the digital world: how does democracy exist in conditions of economic imbalances // *Journal of monetary economics and management*. V. 4. P. 29–38. DOI: [10.26118/2782-4586.2025.41.45.005](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.41.45.005)
- Saudakhanov M. V. (2021). Socio-economic rights and freedoms of man and citizen and the social state // *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. V. 2. P. 56–59.
- Sychev O. A. (2023). Theory of moral foundations: a modern view of psychological factors of political beliefs // *Social Psychology and Society*. V. 14(1). P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.202314010>
- Sychev O. A., Protasova I. N., Belousov K. I. (2018). Diagnostics of moral foundations: testing the Russian-language version of the MFQ questionnaire // *Russian Psychological Journal*. V. 15(3). P. 88–115. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Tatarko A. N., Lebedeva N. M. (2008). The study of social axioms: the structure and interrelationships with the socio-economic predispositions of Russians. *Psychology // Journal of the Higher School of Economics*. V. 5(4). P. 135–143.
- Tatarko A. N., Lebedeva N. M. (2020). Development and testing a short version of the Social Axioms Questionnaire by M. Bond and K. Leung // *Cultural-Historical Psychology*. V. 16(1). P. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Bagci S. C., Stathi S., Golec de Zavala A. (2023). Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and ingroup satisfaction // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. V. 29(2). P. 208–220. DOI: <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
- Biddlestone M., Cichocka A., Głowczewski M., Cislak A. (2022). Their own worst enemy? Collective narcissists are willing to conspire against their in-group // *British Journal of Psychology*. V. 113(4). P. 894–916. DOI: [10.1111/bjopp.12569](https://doi.org/10.1111/bjopp.12569)
- Bocian K., Cichocka A., Wojciszke B. (2021) Moral tribalism: Moral judgments of actions supporting ingroup interests depend on collective narcissism // *Journal of Experimental Social Psychology*. V. 93. Art. 104098. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2020.104098>
- Cichocka A., Cislak A. (2020). Nationalism as collective narcissism // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. V. 34. P. 69–74. DOI: [10.1016/j.cobeha.2019.12.013](https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.12.013)
- Cichocka A., Marchlewska M., Golec de Zavala A., Olechowski M. (2016) 'They will not control us': Ingroup positivity and belief in intergroup conspiracies // *British Journal of Psychology*. V. 107. P. 556–576. DOI: [10.1111/bjop.12158](https://doi.org/10.1111/bjop.12158)
- Czeglédi P., Lips B., Newland C. (2021). The Economic Mentality of Nations // *Cato Journal*. V. 41(3). P. 657–689. DOI: <https://doi.org/10.36009/CJ.41.3.10>
- Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. (2013). The paradox of in-group love: Differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes // *Journal of Personality*. V. 81. P. 16–28. DOI: [10.1111/j.1467-6494.2012.00779.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2012.00779.x)
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly // *Current Directions in Psychological Science*. V. 29(3). P. 273–278. DOI: [10.1177/0963721420917703](https://doi.org/10.1177/0963721420917703)
- Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. (2011). Mapping the moral domain // *Journal of personality and social psychology*. V. 101(2). P. 366–385.
- Kim D., Jesiek B. K. (2023). Political ideologies and moral foundations of engineering professionals in the United States // *Technology in Society*. V. 75. Art. 102379. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102379>
- Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y. (2007). Perceived Collective Continuity: Seeing Groups as Entities That Move Through Time // *European Journal of Social Psychology*. V. 37. P. 1118–1134. DOI: [10.1002/ejsp.430](https://doi.org/10.1002/ejsp.430)

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ОТ РАССУДКА К РАЗУМУ

© Сухарев А.В.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

Исследование выполнено по госзаданию в Институте психологии РАН
(лаборатория социально-экономической психологии, № 0138–2024–0018)

Для цитирования:

Сухарев А.В.
Специфика образования в эпоху
постмодерна: от рассудка к разу-
му // Ученые записки Института
психологии Российской академии
наук. 2025. Т.5. №4(17). С.59–68.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_07

Sukharev A. V.
The specifics of education in the
postmodern era: from mind to
reason. Proceedings of the Institute
of Psychology of the Russian
Academy of Sciences. 2025, Vol.5,
No4(17), Pp.59–68.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_07

В настоящей статье на основании философского смысла различия понятий рассудка как формально аналитической способности и разума как включающего дополнительно творческую способность и высокий уровень усвоения нравственных норм, приведены результаты экспериментального исследования на уровне индивидуального и коллективного субъекта с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса. Индивидуальное исследование респондентов было осуществлено на контингенте младших подростков и студентов вузов. Исследование показало, что активация в об-разной сфере респондентов этноинтегрирующих представлений архаики (природных и природно-анимистических) обуславливает у них повышение показателей репродуктивного и творческого мышления, а также показателя уровня усвоения нравственных (библейских) норм. С этим результатом со-поставлены результаты сравнительного исследования ментальности коллек-тивных субъектов стран мира по непсихологическому показателю темпов социально-экономического развития, указывающие на связь его высоких темпов с относительным балансом архаики и надэтнически-религиозных

представлений и приоритетом интернет-выборов темы «Знание». Показатель высоких темпов развития свидетельствует о качестве госуправления и косвенно отражает относительно высокий условный уровень интеллекта властных коллективных субъектов. Таким образом, для индивиду-ального и отчасти для коллективного субъекта можно утверждать, что повышение степени психо-логической зрелости и качества мышления от уровня рассудка к уровню разума обусловлено акти-вацией этноинтегрирующих представлений архаики в ментальности субъекта эпохи постмодерна.

Ключевые слова: рассудок, разум, этнофункциональный подход, архаика, премодерн, модерн, по-стмодерн, мышление, интеллект, адаптация, образование

Введение

Современные педагоги и психологи достаточ-но редко углубляются в суть отличий рассудка и разума, зачастую считая их весьма близкими, хотя в философии существенное различие дан-ных понятий и даже их противопоставление яв-ляется традиционным. В западноевропейской фи-лософии (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг) понятие *рассудок* (der Verstand) происходит от нем. глаго-ла «verstehen» (понимать), а понятие *разум* (die Vernunft) — от vernehmen (внимать), т.е. включа-ет более полное отображение действительности. Рассудок — логико-аналитический способ мыш-ления и понимания. При этом разумное познание предполагает наличие рассудка как его инстру-мента. Например, Кант отмечал, что, начинаясь

с чувственного опыта, наше знание переходит за-тем к рассудку и заканчивается в разуме (Швырев, 2018). Если рассудок упорядочивает лишь чув-ственный опыт, устанавливая связи между вос-принимаемыми явлениями, то высший уровень развития мышления — разум, стремится к выходу из данной ограниченности. В отличие от рассуд-ка, разум направлен не на какой-нибудь предмет, а на само рассудочное мышление, чтобы с помо-щью априорных понятий усмотреть в его резуль-татах единство и целостность. По Гегелю, глав-ное отличие разума от рассудка в том, что разум не чужд нравственной и художественной культу-ре и устремлён к объединению с рассудком ради развития самого человека. Если Кант полагал, что разум обязательно приведёт человека к следованию

нравственному закону, то Гегель видел в разуме способность выполнять в познании, конструктивную, творческую функцию (Возняк, 2020; Швырев, 2018; и др.). Более того, в разумном познании усматривается возможность синтеза гуманитарного и «технократического» (естественно-научного) типов мышления и, в частности, преодоление все углубляющейся пропасти между обучением и воспитанием (Ротенфельд, 2012).

Разумное мышление, в отличие от формально-аналитического рассудочного познания, предполагает творческий синтез, выходящий за рамки чувственного познания и следование закону нравственности. Если логико-аналитические методы познания субъект может в той или иной мере освоить в процессе научения, то способность творить и, тем более, быть нравственным (не формально, по сути), не общаясь с другими людьми, как показывает практика невозможно. Другими словами, обретение субъектом разума изначально является гуманитарным процессом. Имея античное происхождение, проблема соотношения рассудка и разума лишь была «саморефлексирана» в западно-европейской философии у Канта и Гегеля. В целом уровни развития мышления — рассудка и разума, отражают приближение к античной категории идеала разума «Ум» (*нус*) (др.-греч. *νοῦς* — мысль, разум, ум). Нус, по Аристотелю, есть «эйдос¹ эйдосов», который можно рассматривать как идеал всех мыслимых разумных явлений и процессов во вселенной и человеке (Шичалин, 2001). Таким образом, обретение субъектом разума предполагает не только наличие у него рассудка, но также нравственности и способности к творческому мышлению.

Трансформацию качества мышления от уровня (степени) рассудка до уровня (степени) разума мы рассматриваем как повышение уровня развития процесса мышления. В современную эпоху постмодерна в психологической науке возникает вопрос о специфике обучения и воспитания (т.е. образова-

ния) в условиях мультикультурной ментальности, о возможности обретения способности к рассудочному и разумному познанию с учетом принципов природо- и культуросообразности (Дистервег, 1956).

В условиях нарастающей мультикультурности в эпоху постмодерна² колоссальное разнообразие средств обучения и воспитания в современном мире без научно обоснованного подхода к анализу специфики ментальности и учета возраста детей, начиная с 3–5 лет, порождает у них неспособность к самоорганизации, несформированность мотивационно-волевой сферы, ситуативность, которые несколько десятилетий назад не представляли проблемы (Смирнова, 2022; и др.).

Специфика современного этапа культурно-исторического развития

В культурологии современный этап исторического развития общества обозначается как этап *постмодерна*, который противопоставляется этапам *архаики*³, *премодерна*⁴ и *модерна*⁵. В историческом развитии данные этапы естественным образом сменяют друг друга и внутри каждого из них последовательно возникает психологическая основа для становления следующего этапа. Ментальность *постмодерна* все более распространяется в современном мире и является преобладающей в странах западноевропейской цивилизации и связанных с ней. В познании данная ментальность допускает релятивизм мнений и подходов, включая ценность иррациональных мистических проявлений, отсутствие попыток построения обобщенных теоретических концепций универсального рационального порядка, наличие и отсутствие этических универсалий, оставляя человека жить с неразрешенными моральными проблемами («нравственная безосновность»); в целом реальность постмодерна считается «симулякризированной»⁶ (Giddens, 1990; и др.). По мнению Э. Гидденса, постмодерн — это эпоха в развитии

¹ Эйдос (др.-греч. εἶδος — вид, облик, образ) в понимании Платона, «предел становления вещи» (Тахо-Годи, 1970, с. 505).

² Степень постмодерна мы полагаем производной от предыдущих ступеней развития (архаика, премодерн и модерн) и имеющей деструктивный для субъекта характер (Сухарев, 2024, с. 166, 182).

³ Архаику (ее ментальность) Л. Леви-Брюль понимал как приоритет мировоззренческого синкретизма, сакрального отношения к природе, приоритет магического мышления и родовых отношений и геолокальность.

⁴ К премодерну мы относим приоритет представлений таких мировых религий, как христианство, мусульманство, буддизм и т.п.

⁵ Современные представления философии модерна характеризуются приоритетом естественно-научной и глобально-рационалистической картины мира. Основные идеи модерна связаны с приоритетом «современного» над «устаревшим», десакрализацией ценностей.

⁶ Симулякр означает понятие, лишенное абсолютного сакрального смысла. В употребление понятие «симулякр» ввел Жорж Батай, а активно использовал Жан Бодрийяр. Начиная с латинских переводов Платона, оно означало просто изображение, картинку. Например, картины, рисунки, пересказы истории своими словами являются симулякрами. Для Платона уже сам предмет реальности, изображаемый картиной или скульптурой, есть тень по отношению к идее предмета — его эйдосу, поэтому изображение предмета в современном смысле есть копия его тени по Платону, и в этом смысле оно неистинно.

человечества, для которой характерно качественное увеличение неопределенности весьма многих социальных процессов. Автор называет такие черты постмодерна, как ощущение «*нравственной безосновности*» и «*теоретической беспомощности*», перед лицом глобализационных процессов, обретение истиной контекстуального характера и пр. При этом важнейшей особенностью эпохи постмодерна является то, что нарастают разрывы между типом познания в западной культуре и типами познания в других культурах (Giddens, 1990).

Для современного этапа постмодерна характерно экспоненциальное нарастание потоков информации в ментальности как общества, так и на индивидуальном уровне, что опосредовано развитием коммуникаций, СМИ, миграционными процессами и мировой торговлей. Вследствие этого в ментальности субъекта нарастают процессы и явления, описываемые в культурологии и этнологии как «культурная диссоциация» (R. May), «этнокультурная мозаичность» (В.В. Тишков), «расовая и культурная маргинальность» (Stonequist, 1961), «угроза диссоциации идентичности» (Erikson, 1975), «культурный шок» (Furnham, Bochner, 1986; и др.). Во многих исследованиях показано, что данные процессы в свою очередь обуславливают рост личностной тревоги, подавленности, страхов и связанных с этими симптомами других психопатологических и психосоматических проявлений (May, 1979; и др.). Согласно концепции Э. Эриксона, в определенные исторические периоды происходит радикальное изменение образа мира, рушатся традиционные идеологии, привычный социальный порядок. Воспринимая эти изменения, личность испытывает те же чувства тревоги, страха, бессмысленности существования, что предъявляет повышенные требования к психическим адаптационным возможностям (Erikson, 1975, p. 20). Наиболее выраженная связь повышения тревоги в ряде исследований зафиксирована с изменениями отношений человека к климату, пище и религии (Babiker, Cox, Miller, 1980). Э. Стоунквист, считавший «культурную и расовую маргинальность» существенной характеристикой цивилизованного мира, отмечал, что «расовые» и «культурные» гибриды хронически переживают чувства тревоги, изоляции, беспокойства, «потери корней» и др. (Stonequist,

1960). В дополнение к этому мы ввели представление о «климатогеографической маргинальности» как важнейшей характеристики этнической маргинальности субъекта, во многом обуславливающей возникновение психических расстройств и социальных отклонений (Сухарев, 2008, 2024; и др.). Наши исследования показывают, что нарастание этнодифференцирующего содержания информационных потоков связано на индивидуальном уровне с нарастанием степени риска возникновения психогенных и эндогенных психических расстройств, наркоманий, психосоматических заболеваний, социальных отклонений и др. (там же). В целом нарастанию в ментальности общества процессов «мультикультуризации» сопутствует глобальное распространение различных проявлений психической и социально-психологической дезадаптированности: тревожных, депрессивных и психосоматических расстройств и других показателей, что неизбежно сказывается на качестве мышления (Вертоградова, 1980, с. 4–5, 10, 14–15; Тревожные..., 2023; Джавайд, ..., 2023 и др.).

Теория и методология исследования

В настоящей работе анализ ментальности индивидуального и коллективного субъектов (А.Л. Журавлев) осуществляется с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса, на наш взгляд, являющейся адекватной содержанию представлений и развитию ментальности различных субъектов в эпоху постмодерна (Сухарев, 2022, 2024; и др.). Важнейшим в данной концепции, во-первых, является представление об этнической функции⁷ (принцип этнофункциональности) представлений ментальности (элементов образной сферы по А.А. Гостеву). Наиболее выраженной этнической функцией наделяются представления архаики, менее выраженной представления премодекна (надэтнически-религиозные) и нейтральной этнической функцией наделяются представления модерна. Развитие здесь понимается как степень приближения к этноинтегрирующему идеалу синтеза хаоса и космоса. Данный идеал предполагает наличие в ментальности субъекта ценностно и эмоционально не стигматизированных как представлений архаики (хаотизирующих), так и премодекна и модерна (космизирующих)⁸. Например, относительно низкая степень синтеза мо-

⁷ Этническая функция представлений может наделяться тремя значениями — *этноинтегрирующим* (объединяющим субъекта с теми или иными этносами и этническими системами), *этнодифференцирующим* (разъединяющим) и *нейтральным* (ею наделяются естественно-научные и общеприродные представления) (Сухарев, 2008).

⁸ Архаика всегда специфична и геолокальна, поэтому она наделяется абсолютно *хаотизирующей функцией*, снижающей степень универсальности описания мира, по сравнению с относительно *космизирующей функцией* надэтнически-религиозных представлений (премодекна) и абсолютно космизирующей функцией универсальных представлений модерна (научных).

жет характеризоваться приоритетом в ментальности субъекта (индивидуального и коллективного) представлений модерна, средняя степень синтеза характеризуется приоритетом как представлений модерна, так и премодерна, а высшая степень синтеза характеризуется относительным балансом выраженности представлений модерна, этноинтегрирующих представлений премодерна и, что важно, архаики (т.е. хотя бы равноценной представленностью данных компонентов в ментальности субъекта, их взаимным «когнитивно-эмоциональным балансом») (Сухарев, 2024, с. 167–172).

С наших позиций ментальность постмодерна характеризуется нарастанием этнодифференцирующих представлений и бессистемным взаимодействием хаотизирующих и космизирующих представлений, в итоге — эклектикой элементов в ментальности субъекта. Эклектика элементов архаики, премодерна и модерна в ментальности коллективного субъекта уже в дошкольном возрасте обуславливает у индивида не только информационную перегрузку, задержку речевого развития и мотивационной сферы (Смирнова, 2022; др.), но и снижение уровня его психологической зрелости (Сухарев, 2024, с. 114–123; Феномен..., 2007). В исследованиях отмечается, что наряду с довольно высоким уровнем умственного развития и технической информированности дети остаются пассивными, зависимыми от внешних обстоятельств, в т.ч. от взрослых (Смирнова, 2022; и др.).

Таким образом, с наших позиций ментальность постмодерна характеризуется нарастанием этнодифференцирующих представлений и бессистемным взаимодействием хаотизирующих и космизирующих представлений архаики и премодерна. Вследствие нарастания указанных процессов отмечается также расширение спектра проявлений психической, социально-психологической и психосоматической дезадаптированности.

Важнейшим фактором процесса психологической адаптации и развития субъекта является интеллект как общая способность к познанию и решению проблем, осуществляемая с помощью мышления. Специфика искажений мышления возможная в эпоху постмодерна уже отмечалась выше.

В мышлении часто выделяют его виды: абстрактное, логическое, критическое и творческое. В эпоху перемен особое значение приобретает творческое мышление. Трудно сравнивать качество мышления коллективного субъекта русской ментальности в предыдущие исторические периоды и в современности на строго научной основе. Но, учитывая снижение у детей уровня пси-

хологической зрелости за последние пятьдесят лет, по наблюдениям ряда педагогов, психологов и психиатров (Смирнова, 2019; и др.), можно предположить, что показатели уровня интеллекта и у коллективного субъекта, и на индивидуальном уровне также снизились. Например, если в конце XIX — начале XX вв. П. Б. Ганнушкин в типологии психопатий выделял группу «конституционно-глупых», то в настоящее время такие пациенты, похоже, могут считаться нормой. А именно: в отличие от неустойчивых психопатов, идущих за «пороком» как «ярким примером» из социума, конституционно-глупые напротив, «идут за благонаравием». Такие люди «сплошь и рядом обладают хорошей памятью», хорошо учатся не только в средней, но и в высшей школе, к таким субъектам также можно отнести людей которые «отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие места или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы», умеют себя «...“держать в обществе”, говорить шаблонные, банальные вещи», но «не проявляют никакой оригинальности». Такие люди хорошо справляются с жизнью «лишь в определенных, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия»; это люди подчас «без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации». К конституционно-глупым, пишет Ганнушкин, надо отнести и «некоторых резонеров, стремление которых иметь о всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований». Главная характеристика мышления конституционно-глупых это *отсутствие способности к творческому мышлению* (Ганнушкин, 1998, с. 152–153).

Когда читаешь приведенные выше строки на ум невольно приходят многочисленные примеры из СМИ, описывающие стиль и методы работы многих представителей администрации разного уровня, в том числе и научной. Одним из злободневных и ярких примеров такого рода, является решение оценивать эффективность научных работников и организаций по количеству (!) опубликованных работ. Подобные решения постоянно наталкивают на мысль: чего в них больше — недомыслия или безнравственности (как следованию общепринятым «благонравным» установкам «делай как все», но не представлению о честном труде)? Здесь на себя обращает внимание отсутствие нравственных целей в сочетании с недостаточной способностью к логи-

ческому мышлению; об отсутствии творческих способностей говорить уже не приходится. Т.е. в принципе можно сказать, что конституционно-глупые люди способны к рассудочному мышлению, но не к разумному.

Результаты исследования и их анализ

Исследование динамики качества мышления и уровня усвоения нравственных норм у индивидуального субъекта осуществлялось в разных возрастных группах с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса (Сухарев, 2008, с. 243–249; Сухарев, 2022; Сухарев, Тимохин и сотр., 2019; и др.).

Наши ранее проведенные исследования методом этнофункционального структурированного интервью показали, что в различных возрастных группах в ментальности респондентов были наименее представлены этноинтегрирующие представления архаики (природные и природно-анимистические представления), достаточно представлены надэтнически-религиозные представления и практически у всех присутствуют естественно-научные представления модерна (Сухарев, 2008; и др.). Исходя из понимания развития как повышения в ментальности субъекта степени синтеза хаоса и космоса (архаизирующих и космизирующих компонентов) (Сухарев, 2024, с. 167–172), мы предполагали, что экспериментальная активация в психике подростков природных и природно-анимистических компонентов архаики будет способствовать повышению степени их психологической адаптированности по показателям повышения уровня репродуктивного (методика КОТ, Бузин, 1998; методика Роршаха, Bohm, 1972) и креативного мышления (методика Торренса, Туник, 1998).

Исследование младших подростков 9–11 лет, родившихся и проживавших в среднерусском климатогеографическом ареале, было организовано в 3-х группах: а) группа «австралийцы», где психологом рассказывались сказки австралийских аборигенов демонстрировались аутентичные музыкальные и видеоматериалы об австралийской природе, б) так называемая «тв-группа», в которой психологом проводились занятия на материале фантастических персонажей телевизионных мультфильмов (Винни-Пух, Карлсон, Чебурашка и др.) и современная музыка, в) группа «русские», где использовались образы русской природы, сказочные природно-анимистические образы (русалки, лешие и др.), соответствующие видеоматериалы и музыка. Также мы предполагали, что в «русской» группе будет снижаться количество

искажений воспринимаемых подростками библейских заповедей.

После проведения 12 занятий (3 раза в неделю) в группах были выявлены достоверные психологические изменения: а) в группе «австралийцев» снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов, снизилось качество взаимодействия когнитивных и эмоционально-чувственных компонентов отношений и качество репродуктивного мышления, снизился уровень творческого мышления, б) в «тв-группе» выросла степень эмоционального торможения когнитивных процессов, снизилось качество взаимодействия когнитивных и эмоционально-чувственных компонентов отношений и качество репродуктивного мышления, а также снизился уровень творческого мышления, в) в группе «русские» снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов, повысилось качество взаимодействия когнитивных и эмоционально-чувственных компонентов отношений качество репродуктивного мышления, повысилось качество творческого мышления.

Таким образом, в исследовании было установлено, что наихудшие изменения в мышлении произошли в «тв-группе»: выросла степень эмоционального торможения мышления, снизилось качество репродуктивного и творческого мышления. Чуть лучше у «австралийцев»: хотя качество репродуктивного и творческого мышления тоже снизились, но все же снизилась и степень эмоционального торможения мышления. Самые лучшие изменения в мышлении произошли в «русской» группе: улучшились показатели как репродуктивного, так и творческого мышления, а эмоциональное торможение мышления снизилось.

Таким образом, лишь этноинтегрирующие представления архаики в «русской» группе обеспечили безусловно положительные изменения в мышлении детей, в том числе и творческом. Также у подростков «русской» группы снизилось количество искажений отношения к библейским заповедям (Сухарев, Грачев, 2010).

Исследование изменений уровня творческого мышления на *взрослой* выборке было осуществлено на 3-х группах студентов из различных вузов (21–22 года), родившихся и проживавших в среднерусском климатогеографическом ареале.

В каждой группе было проведено 12 занятий из расчета 3 раза в неделю.

В 1 группе «экзотика»: занятия осуществлялись на материале этнодифференцирующих представлений архаики (природных и природно-анимистических представлений скандинавских народов Центральной и Северной Европы).

Во 2 группе «природа и анимизм»: работа проводилась на материале этноинтегрирующих представлений русской архаики.

В 3 группе «заповеди»: работа проводилась на материале этноинтегрирующих надэтнически-религиозных представлений премодерна (библейских заповедей).

По завершению цикла занятий было достоверно установлено:

В группе «экзотика» не было выявлено улучшения показателей уровня творческого мышления, но было выявлено снижение качества взаимодействия когнитивных и эмоционально-чувственных компонентов отношений и репродуктивного мышления.

В группе «природа и анимизм» было зафиксировано улучшение показателей уровня репродуктивного и творческого мышления, а также снижение степени эмоционального торможения мышления.

В группе «заповеди» не было отмечено улучшения показателей уровня репродуктивного и творческого мышления и стала более выраженной степень его эмоционального торможения.

Таким образом, лишь этноинтегрирующие представления архаики в группе «природа и анимизм» обеспечили безусловно положительные изменения в мышлении детей и взрослых, в том числе и творческом.

При этом общее количество принимаемых библейских заповедей в группах «заповеди» и «экзотика» не изменилось, а в группе «природа и анимизм» достоверно *увеличилось*. Аналогичные результаты по исследованию связи творческого мышления и уровня нравственности с позиций этнофункциональной методологии по были получены нами и в ряде других исследований (Сухарев, Грачев, 2010; Сухарев, Неверова, 2011; Сухарев, Чулисова, 2013; и др.).

Таким образом, экспериментальные исследования подростков и взрослых респондентов показали, что усвоение ими этноинтегрирующих представлений архаики обуславливают повышение качества репродуктивного и креативного мышления, а также уровня усвоения ими нравственных (библейских) норм (Сухарев, Грачев, 2010). Другими словами, активизация в образной сфере данных представлений способствует развитию мышления и нравственности личности от уровня рассудка до уровня разума.

Один из лежащих в основе нашей концепции принципов отражает *этнофункциональное единство микро- и макрокосма*. Т.е. закономерности, выявленные с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса для индивидуального субъекта, могут быть применены для интерпретации данных, полученных в исследовании коллективного субъекта. В частности, в исследованиях показано, что в развитии ментальности индивидуального субъекта ступень приоритета интереса к представлениям модерна возникает на основе органичного усвоения этноинтегрирующих представлений ступеней архаики и премодерна (Сухарев, 2024, 2008; и др.). На основании упомянутого выше принципа мы полагаем, что в развитии коллективного субъекта приоритет естественно-научного мышления естественным образом возникает после того, как в ментальности данного субъекта сложатся относительно непротиворечивые взаимоотношения между этноинтегрирующими архаическим и надэтнически-религиозным компонентами⁹.

В качестве объекта исследования мы рассматривали коллективные субъекты стран мира, а в качестве значения функции — непсихологический показатель развития общества (объективный показатель качества жизни) в различных странах мира. Т.е. в качестве значений функции использовался показатель величины темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП), рассчитанный в международных долларах с учетом показателей паритета покупательной способности (ППС), т.е. «реальный» ВВП с учетом ППС. Иначе, это показатель темпов роста стоимости всех конечных товаров и услуг, произведённых в государстве за определенный период времени. «ВВП по ППС» отражает объем товаров и услуг, а также уровень дохода и цен в стране, и считается относительно более подходящей, чем только ВВП мерой для оценки реального уровня жизни (ВВП..., 2022).

В области значения аргумента рассматривалась выраженность соотношения компонентов архаики, надэтнически-религиозных и модерна в интернет-выборах коллективных субъектов тех или иных стран. Маркером выраженности данных компонентов мы полагали количество интернет-выборов соответствующего содержания: для архаики — приоритет темы «Природа»¹⁰, для премодерна (надэтнически-религиозные пред-

⁹ Например, противоречия могут возникать вследствие «борьбы язычества и христианства» (Сухарев, 2024, с. 281; и др.)

¹⁰ Мы исходили из того, что для коллективных субъектов каждой страны при выборе темы «Природа» преимущественно были характерны этноинтегрирующие представления.

ставления) — приоритет темы «Бог», а для модерна (научные представления) — приоритет темы «Знание». Соотношение выраженности интересов к темам «Природа», «Бог» и «Знание» оценивались по количеству интернет-запросов пользователей в различных странах мира за определенный период и рассматривалось как психологический показатель выраженности данных неосознанных мотивов в оценке структуры ментальности соответствующих коллективных субъектов.

Для получения данных об относительной выраженности интернет-выборов к указанным темам у коллективных субъектов разных стран использовался анализ интернет-запросов с помощью веб-приложения Google Trends (Соколов, 2018). Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Были получены достоверные результаты сравнения количества интернет-выборов тем «Природа», «Бог», «Знание» у коллективных субъектов стран мира с низкими и высокими показателями темпов социально-экономического развития ВВП по ППС.

Было установлено, что соотношение количества интернет-выборов «Знание» > «Природа» > «Бог» имеет место у стран с высокими темпами социально-экономического развития (относительно высокая степень синтеза хаотизирующих и космизирующих компонентов) (Сухарев 2024, с. 167–172). А для стран с низкими темпами социально-экономического развития соотношение следующее: «Бог» > «Знание» > «Природа», что представляет относительно низкую степень данного синтеза.

При интерпретации результатов мы полагали, что как минимум интернет-выборы «Природа» для тех или иных коллективных субъектов преимущественно являются этноинтегрирующими. На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма и опираясь на результаты исследований на уровне индивидуально-го субъекта (Сухарев, 2024, 2008; и др.), мы также полагаем, что приоритет ценностей модерна (т. е. интернет-выборов «Знание») в процессе естественного развития (там же, с. 90–93) возникает в результате повышения степени синтеза этноинтегрирующего содержания ступеней хаотизиру-

ющей архаики («Природа») и космизирующего премодерна («Бог») (там же, с. 93).

На индивидуальном уровне получен результат, что «восполнение» саморефлексии субъектом этноинтегрирующих природных и природно-анимистических представлений обуславливает рост показателей репродуктивного и творческого мышления (Сухарев, 2019). На коллективном уровне установлен приоритет интереса к теме «Знание» в связи с повышением темпов социально-экономического развития; последнее косвенно свидетельствует о высоком качестве госуправления у данных субъектов, т. е. об относительно высоком условном коэффициенте интеллекта коллективного субъекта этих стран (Национальная..., 2012).

Выводы

В результате проведенного исследования было установлено, что повышению показателей уровня репродуктивного и творческого мышления так же, как и повышение уровня усвоения нравственных норм (библейских заповедей) способствует активизация в образной сфере человека архаических (природных и природно-анимистических) представлений на индивидуальном уровне.

Кроме того, на уровне коллективного субъекта получены результаты, свидетельствующие о связи относительно высокой степени синтеза этноинтегрирующих природных и надэтнически-религиозных представлений с высоким качеством госуправления. Это косвенно свидетельствует об относительно высоком качестве мышления у правящей элиты соответствующих субъектов.

В эпоху ментальности постмодерна недостаточная саморефлексия этноинтегрирующих представлений архаики обуславливает у субъекта недостаточный уровень психологической зрелости, что может проявляться и в недостаточном уровне развития качества мышления. В свою очередь, исходя из философских представлений о рассудке и разуме (Кант, Гегель) полученные результаты свидетельствуют о том, что активация этноинтегрирующего архаического компонента способствует повышению степени психологической зрелости и трансформации мышления субъекта с уровня рассудка до уровня разума.

Литература:

- Бужин В. Н. Краткий отборочный тест (КОТ). Психодиагностическая серия. Вып. 4. М.: Смысл, 1998. ВВП: как определить и на что влияет. [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/6273353d9a7947534ca8d991>
- Вертоградова О. П. и сотр. Психопатологические критерии диагностики депрессий. М.: Минздрав СССР, 1980.

- Возняк В.С. Категории «рассудка» и «разума» в «феноменологии духа» Г.Ф.В. Гегеля // *Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45. № 3. С. 393–399.р
- Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика динамика // *Избранные труды*. Под ред. проф. О.В. Кербикова. Ростов н/Д: «Феникс», 1998. С. 83–269.
- Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956.
- Национальная идея России: в 6 т. / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. М.: Науч. эксперт, 2012.
- Ротенфельд Ю.А. Восхождение от рассудка к разуму // *Философия и общество*. 2012. № 1. С. 26–41.
- Смирнова Е.О. Специфика современного дошкольного детства // *Национальный психологический журнал*. 2019. № 2(34). С. 25–32.
- Соколов С.В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиотечных исследованиях // *БИБЛИОСФЕРА*. 2018. № 4. С. 3–9.
- Сухарев А.В. Концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса: философские основания и перспективы применения в психологии // *Ученые записки Института психологии Российской академии наук*. 2022. Т. 2. № 2(4). С. 15–28.
- Сухарев А.В. Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса // *Ученые записки Института психологии Российской академии наук*. 2023. Т. 3. № 1. С. 33–44.
- Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. — 3-е изд., перераб. и испр. М.: Институт русской политической культуры, 2024.
- Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 243–249.
- Сухарев А.В., Грачев В.С. Роль восстановления этноинтегрирующих образов природы в психопрофилактике делинквентного поведения у подростков // *Прикладная юридическая психология*. № 2. 2010. С. 47–58.
- Сухарев А.В., Неверова Т.В. Роль этнофункциональных факторов в повышении мотивации к учению у подростков // *Вопросы психологии*. 2011. № 5. С. 81–91.
- Сухарев А.В., Чулисова А.П. Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. № 2. С. 47–60. DOI:10.17759/exppsy.2019120204
- Тахо-Годи А.А. Комментарии // *Соч. в 3 т. / Платон*. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 505–519.
- Тревожные расстройства — самый распространенный в мире вид психических расстройств. 2023. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>
- Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. СПб.: ГП «ИМАТОН», 1998.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Когито-Центр, 2007.
- Национальная идея России: в 6 т. / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. М.: Науч. эксперт, 2012.
- Швырев В.С. РАЗУМ // *Новая философская энциклопедия / Электронная библиотека ИФ РАН*. 2018. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362b18945da235640b8c36> (дата обращения 10.11.2024 г.).
- Шичалин Ю.С. НУС. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Под редакцией В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/842/НУС
- Babiker I.E., Cox J.L., Miller P.M.S. The measurement of culture distance // *Social Psychiatry*. 1980. V. 15. P. 101–116.
- Bohm E. Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. Bern: Hans Huber, 1972. P. 208–211, 214.
- Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y.: Harper and Row, 1975.
- Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. N.Y.: 1986.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Javaid S.F., Hashim I.J., Hashim M.J. et al. Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations // *Middle East Curr Psychiatry*. 2023. V. 30. Art. 44. DOI: 10.1186/s43045-023-00315-3
- May R. The meaning of Anxiety. N.Y.: Pocket Books, 1979.
- Stonequist E. V. The Marginal Man. N.Y.: Russel and Russel, 1961.

THE SPECIFICS OF EDUCATION IN THE POSTMODERN ERA: FROM MIND TO REASON

© Akexandr V. Sukharev

Sc.D. (psychology), professor, leading researcher, laboratory of the history of psychology and historical psychology, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
zavor753@mail.ru

Based on the philosophical meaning of the difference between the concepts of reason as a formal analytical ability and reason as an additional creative ability and a high level of assimilation of moral norms, this article presents the results of an experimental study at the level of an individual and collective subject from the standpoint of ethno-functional synthesis of chaos and cosmos concept. An individual survey of the respondents was carried out on a contingent of younger teenagers and university students. The study showed that the activation of ethno-integrating archaic ideas (natural and nature-animistic) in the respondents' imaginative sphere causes them to increase their reproductive and creative thinking, as well as their level of assimilation of moral (biblical) norms. In addition, the article analyzes the results of a comparative study of the mentality of collective subjects of the countries of the world in terms of a non-psychological indicator of the pace of socio-economic development, indicating the connection of its high rates with the relative balance of archaic and supra-ethnic religious beliefs and the priority of Internet elections on the topic of "Knowledge". The indicator of high rates of development indicates the quality of public administration and indirectly reflects the relatively high conditional level of intelligence of powerful collective subjects. Thus, for an individual and partly for a collective subject, it can be argued that the increase in the quality of thinking from the level of mind to the level of reason is due to the activation of ethno-integrating representations of the archaic in the mentality of the subject of the postmodern era.

Keywords: mind, reason, ethno-functional approach, archaic, premodern, modern, postmodern, thinking, intellect, adaptation, education.

REFERENCES

- Buzin V.N. (1998). Short selection test (CAT). Psychodiagnostic series. Issue 4. Moscow: Smysl.
- GDP (gross national product): how to determine and what it affects [electronic resource]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/6273353d9a7947534ca8d991> (publication date 02.09.2022).
- Vertogradova O.P. et al. (1980). Psychopathological criteria for the diagnosis of depression. Moscow: Ministry of Health of the USSR.
- Wozniak V.S. (2020). Categories of "mind" and "reason" in the "phenomenology of the spirit" by G.F.V. Hegel // Philosophy. Sociology. Right. V.45. № 3. P. 393–399.
- Gannushkin P.B. (1998). Clinic of psychopathies, their statics and dynamics // Selected works. Edited by prof. O. V. Kerbikov. Rostov n/A: "Phoenix". P. 83–269.
- Disterweg A. (1956). Selected pedagogical works. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House.
- The National idea of Russia: in 6 volumes / Edited by S.S. Sulakshin. V. 1. Moscow: Scientific expert, 2012.
- Rotenfeld Yu.A. (2012). Ascent from reason to reason // Philosophy and Society. № 1. P. 26–41.
- Smirnova E. O. (2019). The specifics of modern preschool childhood // National Psychological Journal. № 2(34). P. 25–32.
- Sokolov S. V. (2018). Application of the Google Trends web analytics platform in analytical and library research // Economy. № 4. P. 3–9.
- Sukharev A. V. (2022). The concept of ethno-functional synthesis of chaos and cosmos: philosophical foundations and prospects for application in psychology // Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. V. 2. № 2(4). P.15–28.
- Sukharev A. V. (2023). Analysis of the relationship of socio-psychological and socio-economic characteristics countries of the world from the perspective of the concept of synthesis of chaos and space // Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. V. 3. № 1. P. 33–44.
- Sukharev A. V. (2024). The development of the subject: Logos, cosmos and chaos. — 3rd ed., reprint. Moscow: Institute of Russian Political Culture.

- Sukharev A. V.* The ethno-functional paradigm in psychology. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2008. P. 243–249.
- Sukharev A. V., Grachev V. S.* (2010). The role of restoring ethno-integrating images of nature in the psychoprophylaxis of delinquent behavior in adolescents // *Applied Legal Psychology*. № 2. P. 47–58.
- Sukharev A. V., Neverova T. V.* (2011). The role of ethno-functional factors in increasing motivation for learning among adolescents // *Questions of psychology*. № 5. P. 81–91.
- Sukharev A. V., Chulisova A. P.* (2013). Ethno-functional correction of the figurative sphere of the personality of those convicted of violent crimes. Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”.
- Sukharev A. V., Timokhin V., Vydrina E. A., Shaporeva A. A.* (2019). The role of the values of the ethnic function of personality representations in changing indicators the level of intelligence // *Experimental psychology*. V. 12. № 2. P. 47–60. DOI:10.17759/expppy.2019120204
- Takho-Godi A. A.* (1970). Comments // *Op. in 3 volumes / Plato*. V. 2. Moscow: Mysl. P. 505–519.
- Anxiety disorders are the most common type of mental disorders in the world. 2023. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>
- Tunik E. E.* (1998). Diagnostics of creativity. The E. Torrens test. St. Petersburg: GP “IMATON”.
- The phenomenon and category of maturity in psychology / Ed. by E. A. Sergienko, A. L. Zhuravlev. Moscow: Kogito-Center, 2007.
- The National Idea of Russia: in 6 volumes / Edited by S. S. Sulakshin. V. 1 Moscow: Scientific Expert, 2012.
- Shvyrev V. S.* (2018). RAZUM // *New Philosophical Encyclopedia / Electronic Library of the Institute of Physics of the Russian Academy of Sciences*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362b18945da235640b8c36> (accessed 11.10.2024).
- Shichalin Yu. S.* (2001). NUS. The New Philosophical Encyclopedia. In 4 volumes. Edited by V. S. Stepin. Moscow: Mysl. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/842/HYC
- Babicker I. E., Cox J. L., Miller P. M. S.* (1980). Measuring of cultural distance // *Social Psychiatry*. V. 15. P. 101–116.
- Bohm E.* (1972). *Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik*. Bern: Hans Huber. P. 208–211, 214.
- Erikson E.* (1975). *A life story and a the historical moment*. New York: Harper & Row.
- Furnham A., Bochner S.* (1986). *Cultural shock: psychological reactions to an unfamiliar environment*. New York.
- Giddens A.* (1990). *Consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Javaid S. F., Hashim I. J., Hashim M. J. et al.* Epidemiology of anxiety disorders: global burden and sociodemographic associations // *Middle East Curr Psychiatry*. 2023. V. 30. Art. 44. DOI: 10.1186/s43045-023-00315-3
- May R.* (1979). *The Meaning of anxiety*. New York: Pocket Books.
- Stonequist E. V.* (1961). *Marginal man*. New York: Russell and the Russell Company.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

СТРАТЕГИИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ДЕФИЦИТЕ ВРЕМЕНИ: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ АНАЛИЗА ДИНАМИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ ТЕСТА ТОРРЕНСА

© Грязева-Добшинская В.Г.

Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии
и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)», Челябинск, Россия
vdobshinya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9986-4073

© Дмитриева Ю.А.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и служебной
деятельности, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»,
Челябинск, Россия
dmitrieva.julia.86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0331-4684

© Коробова С.Ю.

Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии
и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)», Челябинск, Россия
k.svetlana-1991@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8633-7231

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01059
«Универсальные факторы массовой креативности: диагностика на основе методов
машинного обучения», <https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

Для цитирования:

Грязева-Добшинская В.Г.,
Дмитриева Ю.А., Коробова С.Ю.
Стратегии творческого мышления
при дефиците времени: эвристиче-
ские контексты анализа динамиче-
ских паттернов теста Торренса //
Ученые записки Института психоло-
гии Российской академии наук. 2025.
Т.5. №4(17). С.69-75.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_08

Gryazeva-Dobshinskaya V.G.,
Dmitrieva Yu.A., Korobova S.Yu.
Creative thinking strategies under time
pressure: heuristic contexts for analy-
zing dynamic patterns in the Torrance
test. Proceedings of the Institute of Psycho-
logy of the Russian Academy of Sciences.
2025, Vol.5, No4(17), Pp.69-75.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_08

Тест креативного мышления Торренса (ТТСТ) имеет определенную историю отбора показателей, валидных для решения различных задач. Цель исследования: выявить дополнительные показатели теста Торренса на выборке взрослых, значимые для профессиональной деятельности. Выборка исследования: 332 человека. Динамические паттерны данных теста Торренса по 3 заданию оценивались на основе линейной, квадратичной и экспоненциальной моделей. Метод психологической диагностики динамических паттернов креативного мышления позволяет выявить значимые показатели креативной продуктивности в стрессовых условиях деятельности. Адаптивные стратегии творческого мышления представлены наиболее часто встречающимися паттернами по разработанности, а инновационные стратегии — редкими паттернами по гибкости и оригинальности.

Ключевые слова: творческое мышление, креативность, диагностика креативности, тест Торренса (ТТСТ), динамические паттерны, адаптивная стратегия, инновационная стратегия, структура креативности, структурные показатели креативности, динамические показатели креативности, оригинальность, гибкость, разработанность

Введение

Современные интегративные исследования креативности включают в совокупность анализируемых переменных показатели креативного мышления, личности, ситуации — специфику задач, организации взаимодействия, материальных ресурсов (Corazza, Glăveanu, 2020; Cramond, Kim, 2021; Lubart et al., 2019; Tromp, Sternberg, 2022).

Исследовательские контексты данной работы связаны с несколькими направлениями изучения креативности. В исследованиях на различных выборках выявлены как общие, так и специфические свойства креативного мышления и креативной личности (Грязева-Добшинская, Дмитриева и др., 2025; Шумакова, 2021; Baer, Kaufman, 2005; Barbot et al., 2016; Cabra, Guerrero, 2022; Xie, Paik, 2018). Проводился поиск факторов креативности более высокого порядка, включающих различные когнитивные и личностные переменные (Fürst et al., 2014). В исследованиях структуры свойств креативности выявлена два фактора, обозначаемых как инновационная креативность и адаптивная креативность (Грязева-Добшинская, Дмитриева и др., 2025; Kim, Pierce, 2013; Krumm et al., 2014). Специфический контекст исследований — выявление различий креативности в разных доменах, сферах профессиональной и повседневной деятельности субъектов (Baer, 2015; Feist, 1998). У субъектов различных профессиональных сфер по-разному представлены комплексы переменных, включенных в факторы инновационной и адаптивной креативности (Gryazeva-Dobshinskaya, Dmitrieva et al., 2025).

В этих эвристических контекстах общее направление данного исследования — поиск дифференцирующих показателей свойств креативности субъектов профессиональной деятельности, которые представляют стратегии их действий в процессе выполнения задания и обеспечивают высокий тестовый результат, в частности, показатели инновационной и адаптивной креативности. В качестве искомых свойств могут выступить динамические показатели креативного мышления как варианты изменений паттернов показателей в процессе выполнения задания. Динамические показатели креативного мышления исследуются в аспекте общих закономерностей личностного развития (Kaufman, Beghetto, 2023), редко исследуются в дифференциально-психологическом аспекте (Gryazeva-Dobshinskaya, Koltunov, 2024). Наиболее популярный и валидный тест креативного мышления — тест Торренса (ТТСТ) — позволяет соотнести структурные и динамические показатели креативности.

Тест креативного мышления Торренса (ТТСТ) имеет определенную историю отбора показателей, валидных для решения различных задач. В исследованиях факторной структуры креативного мышления чаще включены показатели беглости, гибкости, оригинальности, разработанности, что восходит к наиболее ранним авторским вариантам теста (Torrance, 2008). Обзор более поздних версий диагностики показателей креативного мышления для определенных прикладных целей включает показатели абстрактность названия, сопротивление преждевременному замыканию (Грязева-Добшинская, Коробова и др., 2025), а также дополнительные характеристики креативности, отраженные в контрольном списке творческих сильных сторон: эмоциональная выразительность, юмор, красочность, образность и фантазия, расширение или разрушение границ, синтез неполных фигур (Alabbasi et al., 2022). В исследованиях на детских и взрослых выборках показана большая достоверность диагностики креативного мышления с помощью фигурного теста ТТСТ по сравнению с вербальным (Kim, 2017).

Программа исследования

Цель исследования — выявить на выборке взрослых дополнительные динамические показатели теста Торренса, значимые для профессиональной деятельности.

Для диагностики компонентов креативного мышления использовалась фигурная форма теста Е.П. Торренса ТТСТ (Маркина, Матвеева, 2004). По результатам прохождения теста рассчитываются такие показатели творческого мышления, как *оригинальность, беглость, гибкость, разработанность и абстрактность названия*.

Выявление дополнительных динамических показателей теста Торренса ориентируется на специфику выполнения трех заданий фигурного теста ТТСТ: 1 задание «Создание рисунка» (10 минут) — 1 рисунок незавершенной фигуры; 2 задание «Незаконченные фигуры» (10 минут) — 10 рисунков различных незавершенных фигур; 3 задание «Повторяющиеся линии» (10 минут) — 30 рисунков как завершение идентичных изображений (двух параллельных линий каждый).

В практике как экспресс-версия теста используется второе задание (выполнение 10 рисунков различных незавершенных фигур за 10 минут); по этому заданию традиционно фиксируются все показатели теста ТТСТ (Щебланова, 2018). Завершающее, третье задание «Повторяющиеся линии», можно интерпретировать как творческое решение в ситуации дефицита времени и монотонной сти-

муляции, а предыдущие задания, соответственно, как пробное (первое задание) или как основное (второе задание). Наличие 30 стимулов в третьем задании (как основы для завершения рисунков) позволяет изучать динамические паттерны показателей при выполнении теста на креативность в условиях дефицита времени как стрессовой ситуации (Водопьянова, Эмар, 2010; Водопьянова, 2025) и монотонной стимуляции как фактора монотонии, сниженной работоспособности (Леонова, Величковская, 2002).

В рамках данного исследования рисунки 3-го задания делились на 10 частей, по каждой из которых рассчитывались суммарные показатели гибкости, оригинальности, разработанности. Показатель *оригинальности* характеризует способность респондента генерировать редкие, уникальные идеи и основывается на статистической редкости ответа, т.е. рассчитывается согласно частоте встречаемости одинаковых ответов. Показатель *гибкости* свидетельствует о способности респондента применять различные стратегии при решении проблем, уметь рассматривать имеющуюся информацию под различными углами зрения и рассчитывается по количеству неповторяющихся категорий, к которым можно отнести ответы респондента. Показатель *разработанности* характеризует способность респондента проявлять творческие способности через детальную проработку возникающих идей и для его оценки присваиваются баллы за каждую существенную деталь (цвет, специальную штриховку, каждую подробность в названии сверх необходимого минимума), дополняющую исходную стимульную фигуру, как в границах ее контура так и за ее пределами (Маркина, Матвеева, 2004).

Выборка исследования: 332 человека (возраст: $M=37,49$; $SD=14,20$), 103 мужчины (31,02%) и 229 женщины (68,98%).

По результатам беглости в 3 задании — M и SD ($M=14,66$; $SD=6,63$) вся выборка разделена на 5 групп субъектов: 1) с минимальной беглостью (1–8 баллов, $n_1=56$); 2) с беглостью ниже среднего (9–14 баллов, $n_2=123$); 3) с беглостью выше среднего (15–21 балла, $n_3=105$); 4) с высокой беглостью (22–27 баллов, $n_4=26$); 5) с максимальной возможной беглостью (28–30 баллов, $n_5=22$).

Для определения динамических паттернов креативного мышления использовались результаты диагностики 5 группы субъектов, обладающих максимальным уровнем беглости в 3 задании. Динамические паттерны анализировались на основе линейной, квадратичной и экспоненциальной моделей с помощью метода подгонки

кривых (IBM SPSS Statistics 23.0), что согласуется с исследованиями основных типов тенденций временных рядов.

Результаты

По результатам диагностики были рассчитаны средние значения и стандартные отклонения для каждого показателя креативности для всей выборки взрослых: беглости ($23,51 \pm 7,58$), гибкости ($18,20 \pm 5,31$), оригинальности ($33,42 \pm 14,98$), разработанности ($92,03 \pm 50,98$), абстрактности названия ($6,87 \pm 5,13$) и сопротивления замыканию ($9,01 \pm 4,34$).

У 7 субъектов по всем 3 показателям (разработанности, оригинальности, гибкости) отсутствует достоверное графическое и статистическое соответствие с какой-либо моделью, что свидетельствует о больших колебаниях показателей, несформированности паттернов креативного мышления.

У 15 субъектов сформированы тенденции динамических паттернов по одному (13 человек) или двум показателям (2 человека).

Наиболее часто представлен динамический паттерн по показателю разработанности. У 9 человек получены достоверные модели (R^2 в диапазоне 0,446–0,810): 4 квадратичные, 3 линейные, 2 экспоненциальные. У 4 человек наблюдается рост разработанности с течением времени.

Реже представлен сформированный паттерн по показателю гибкости. У 6 человек получены достоверные модели (R^2 в диапазоне 0,424–0,749) преимущественно линейного вида — 4, 1 квадратичная и 1 экспоненциальная. У всех субъектов наблюдается снижение способности переключаться, предлагать разнообразные идеи.

Наиболее редко встречается паттерн по показателю оригинальности. Только у 2 человек получены достоверные модели — экспоненциальная и квадратичная (R^2 равен 0,522 и 0,576, соответственно). У 1 респондента выявлен рост оригинальности предлагаемых идей.

Выводы и обсуждение

Метод психологической диагностики динамических паттернов креативного мышления позволяет выявить значимые показатели креативной продуктивности в стрессовых условиях деятельности. Применение данного метода в психологии креативности основывается на анализе и прогнозе динамических показателей в рамках исследований типов тенденций временных рядов. Адаптивные стратегии творческого мышления представлены наиболее часто встречающимися паттернами по разработанности, а инновационные страте-

гии — редкими паттернами по гибкости и оригинальности, что согласуется с исследованиями двухфакторной структуры креативного мышления, в которых разработанность входит в комплекс показателей адаптивной креативности, а гибкость и оригинальность относятся к показателям инновационной креативности (Грязева-Добшинская, Коробова и др., 2025; Kim, Pierce, 2013).

Особые условия деятельности для изучения динамических свойств креативного мышления субъектов — дефицит времени для выполнения задания как стрессовая ситуация и монотонная стимуляция как фактор снижения работоспособности — позволяют выявить индивидуальные стратегии преодоления внешних факторов и реализации внутренних интенций. Эти феномены согласуются с такими свойствами, как сопротивление энтропии у креативных субъектов (Чиксентмихайи, 2013, 2019), актуализацией субъектами интеллектуальных и креативных ресурсов

в проблемной ситуации (Ушаков, 2020), вариантами надситуативной активности субъектов (Петровский, 2021).

Выявление вариантов динамических паттернов креативного мышления на выборке взрослых стало возможным при соотнесении в дизайне исследования структурных и динамических показателей креативности, что находится в русле современных интегративных подходов, диагностирующих широкий спектр показателей, как структурных, так и динамических (Glăveanu, 2013; Lubart, 2017; Tromp, Sternberg, 2022).

Перспективы исследования связаны с реализацией типологически фокусированного интегративного подхода (Грязева-Добшинская, Дмитриева и др., 2025; Gryazeva-Dobshinskaya, Dmitrieva et al., 2025) для выявления и прогнозирования развития креативности субъектов в процессе обучения профессиональной деятельности.

Литература:

- Водопьянова Н.Е., Эмар Г.М.Д. Проявление тайм-синдрома менеджера в зависимости от компетентности управления временем и отношения ко времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 2. С. 177–182.
- Водопьянова Н.Е. Стресс-менеджмент: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025.
- Грязева-Добшинская В.Г., Дмитриева Ю.А., Коробова С.Ю., Глухова В.А. Универсальные факторы креативного мышления и креативной личности: интегративный подход // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 4. С. 36–49.
- Грязева-Добшинская В.Г., Коробова С.Ю., Дмитриева Ю.А., Глухова В.А., Колтунов Е.И. Обобщенные факторы креативного мышления в контексте разнообразия социокультурной идентичности субъектов // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 1. С. 28–50. DOI: 10.17759/sps.2025160102.
- Леонова А.Б., Величковская С.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний / Под ред. А.О. Прохорова. Вып. 4. Казань, 2002. С. 326–344.
- Маркина Н.В., Матвеева Л.Г. Миннесотские тесты творческого мышления (МТТМ графическая форма). Челябинск: ПСИХРОН, 2004.
- Петровский В.А. Человек над ситуацией. 2-е издание. М.: Смысл, 2021.
- Ушаков Д.В. На пути к целостному видению человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 617–629.
- Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология изобретений и открытий. М.: Карьера Пресс, 2013.
- Чиксентмихайи М. Эволюция личности. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Шумакова Н.Б. Творческий потенциал и его измерение в современных зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 8–16. DOI: 10.17759/jmfp.2021100401.
- Щебланова Е.И. Исследовательские методологии и методы изучения креативности в отечественной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 39–53.
- Alabbasi A.M.A., Paek S.H., Kim D., Cramond B. What do educators need to know about the Torrance Tests of Creative Thinking: A comprehensive review // Frontiers in psychology. 2022. V. 13. 1000385. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1000385.
- Baer J. Domain Specificity of Creativity. Lawrenceville, N.J.: Rider University, 2015.
- Baer J., Kaufman J.C. Bridging generality and specificity: The amusement park theoretical (APT) model of creativity // Roeper Review. 2005. V. 27. № 3. P. 158–163.
- Barbot B., Besancon M., Lubart T. The generality-specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC // Learning and Individual Differences. 2016. V. 2. P. 178–187. DOI: 10.1016/j.lindif.2016.06.005.

- Cabra J.F., Guerrero C.D. Regional creativity: Cultural and socio-economic differences // *Journal of Creativity* (Online). 2022. V.32. № 2. Art. 100022. DOI: 10.1016/j.joc.2022.100022.
- Corazza G.E., Glăveanu V.P. Potential in Creativity: Individual, Social, Material Perspectives, and a Dynamic Integrative Framework // *Creativity Research Journal*. 2020. V. 32. № 1. P. 81–91. DOI: 10.1080/10400419.2020.1712161.
- Cramond B., Kim K.H. The role of creativity tools and measures in assessing potential and growth. Alternative assessments with gifted and talented students. Ed. by J. VanTassel-Baska, N.Y., Routledge. 2021. P. 203–225.
- Feist G.J. A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. 1998. V.2. № 4. P. 290–309. DOI: 10.1207/s15327957pspr0204_5.
- Fürst G., Ghisletta P., Lubart T. Toward an integrative model of creativity and personality: Theoretical suggestions and preliminary empirical testing // *Journal of Creative Behavior*. 2014. V. 50. № 2. P. 87–108. DOI: 10.1002/jocb.71.
- Glăveanu V.P. Rewriting the language of creativity: The Five A's framework // *Review of General Psychology*. 2013. V. 17. № 1. P. 69–81. DOI: 10.1037/a0029528.
- Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Dmitrieva Yu.A., Koltunov Y.I., Korobova S. Yu., Tortseva A.P., Kochkina D.V. Creative Identity: Integrating Options for Cognitive, Personal, and Sociocultural Resources of Subjects // *Psychology Journal of the Higher School of Economics*. 2025. V. 22. № 1. P. 9–29. DOI: 10.17323/1813-8918-2025-1-9-29.
- Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Koltunov E.I., Korobova S. Yu., Glukhova V.A., Naboichenko E.S. Multifactor models of creativity: structural and dynamic approaches in psychological assessment // *The Education and science journal*. 2024. V. 26. № 9. P. 129–150. DOI: 10.17853/1994-5639.2024-9-129-15
- Kaufman J.C., Beghetto R.A. Where is the When of creativity? Specifying the temporal dimension of the Four C's of Creativity // *Review of General Psychology*. 2023. V. 27. № 2. P. 194–205. DOI: 10.1177/10892680221142803.
- Kim K.H. The Torrance tests of creative thinking-figural or verbal: Which one should we use? // *Creativity. Theories–Research–Applications*. 2017. V.4. № 2. P. 302–321. DOI: 10.1515/ctra-2017-0015.
- Kim K.H., Pierce R.A. Adaptive creativity and innovative creativity // *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship* / Ed. E.G. Carayannis. N.Y.: Springer. 2013. P. 35–40.
- Krumm G., Lemos V., Filippetti V.A. Factor structure of the Torrance Tests of Creative Thinking Figural Form B in Spanish-speaking children: Measurement invariance across gender // *Creativity Research Journal*. 2014. V.26. № 1. P. 72–81. DOI: 10.1080/10400419.2013.843908.
- Lubart T. The 7 C's of creativity // *Journal of Creative Behavior*. 2017. V. 51. № 4. P. 293–296. DOI: 10.1002/jocb.190.
- Lubart T., Barbot B., Besancon M. Creative potential: assessment issues and the EPoC Battery // *Estudios de Psicología*. 2019. V.40. № 3. P. 1–23. DOI: 10.1080/02109395.2019.1656462.
- Torrance E.P. The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 2008.
- Tromp C., Sternberg R.J. Dynamic Creativity: A Person × Task × Situation Interaction Framework // *The Journal of Creative Behavior*. 2022. V.56. № 4. P. 553–565. DOI: 10.1002/jocb.551.
- Xie G., Paik Y. Cultural differences in creativity and innovation: Are Asian employees truly less creative than western employees? // *Asia Pacific Business Review*. 2018. V.25. № 1. P. 123–147. DOI: 10.1080/13602381.2018.1535380.

CREATIVE THINKING STRATEGIES UNDER TIME PRESSURE: HEURISTIC CONTEXTS FOR ANALYZING DYNAMIC PATTERNS IN THE TORRANCE TEST

© Vera G. Gryazeva-Dobshinskaya

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the laboratory, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
vdobshinya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9986-4073

© Yulia A. Dmitrieva

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology of Management and Performance,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
dmitrieva.julia.86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0331-4684

© Svetlana Yu. Korobova

PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology
of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
k.svetlana-1991@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8633-7231

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23-18-01059,
<https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

The Torrance Test of Creative Thinking (TTCT) has a history of selecting measures valid for solving various problems. The objective of this study was to identify additional Torrance Test measures relevant for professional performance in a sample of adults. Study sample: 332 individuals. Dynamic patterns of Torrance Test data for Task 3 were assessed using linear, quadratic, and exponential models. This method of psychologically assessing dynamic patterns of creative thinking allows us to identify significant indicators of creative productivity under stressful conditions. Adaptive creative thinking strategies are represented by the most frequently occurring patterns in terms of elaboration, while innovative strategies are represented by rare patterns in terms of flexibility and originality.

Keywords: creative thinking, creativity, creativity diagnostics, Torrance test (TTST), dynamic patterns, adaptive strategy, innovative strategy, structure of creativity, structural indicators of creativity, dynamic indicators of creativity, originality, flexibility, elaboration

REFERENCES

- Vodop'janova N.E., Jemar G.M.D. (2010). Manifestation of time syndrome in a manager depending on time management competence and attitude towards time // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. № 2. P. 177–182.
- Vodop'janova N.E. (2025). Stress Management: A Textbook for Universities. Moscow: Publ. Yurait.
- Grjazeva-Dobshinskaja V.G., Dmitrieva Ju.A., Korobova S. Yu., Gluhova V.A. (2025). Universal factors of creative thinking and creative personality: an integrative approach // Psychological Journal. V. 46. № 4. P. 36–49.
- Grjazeva-Dobshinskaja V.G., Korobova S. Ju., Dmitrieva Ju.A., Gluhova V.A., Koltunov E.I. (2025). Generalized factors of creative thinking in the context of the diversity of socio-cultural identity of subjects // Social Psychology and Society. V.16. № 1. P. 28–50. (In Russ.). DOI: 10.17759/sps.2025160102.
- Leonova A.B., Velichkovskaja S.B. (2002). Differential diagnostics of states of reduced performance // In A.O. Prohorov (ed.) Psychology of mental states. V. 4. Kazan'. P. 326–344. (In Russ.).
- Markina N.V., Matveeva L.G. (2004). Minnesota tests of creative thinking (MTTM graphic form). Chelyabinsk: PsiKHRON.
- Petrovskij V.A. (2001). Man above the situation. 2nd edition. Moscow: Publ. Smysl. (In Russ.).
- Ushakov D.V. (2020). Towards a Holistic Vision of Man // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. V. 17. № 4. P. 617–629.
- Chiksentmihaji M. (2013). Flow and psychology of inventions and discoveries. Moscow: Career Press.
- Chiksentmihaji M. (2019). Evolution of personality. Moscow: Alpina non-fiction.
- Shumakova N.B. (2021). Creative potential and its measurement in modern foreign studies // Modern Foreign Psychology. V.10. № 4. P. 8–16. DOI: 10.17759/jmfp.2021100401.
- Shheblanova E.I. (2018). Research methodologies and methods for studying creativity in domestic psychology // Theoretical and experimental psychology. V.11. № 4. P. 39–53.
- Alabbasi A.M.A., Paek S.H., Kim D., Cramond B. (2022). What do educators need to know about the Torrance Tests of Creative Thinking: A comprehensive review // Frontiers in psychology. V. 13. 1000385. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1000385.
- Baer J. (2015). Domain Specificity of Creativity. Lawrenceville, N.J.: Rider University.
- Baer J., Kaufman J.C. (2005). Bridging generality and specificity: The amusement park theoretical (APT) model of creativity // Roeper Review. V. 27. P. 158–163.
- Barbot B., Besancon M., Lubart T. (2016). The generality-specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC // Learning and Individual Differences. V. 2. P. 178–187. DOI: 10.1016/j.lindif.2016.06.005.

- Cabra J.F., Guerrero C.D. (2022). Regional creativity: Cultural and socio-economic differences // *Journal of Creativity (Online)*. V.32. № 2. Art. 100022. DOI: 10.1016/j.yjoc.2022.100022.
- Corazza G.E., Glăveanu V.P. (2020). Potential in Creativity: Individual, Social, Material Perspectives, and a Dynamic Integrative Framework // *Creativity Research Journal*. V. 32. № 1. P. 81–91. DOI: 10.1080/10400419.2020.1712161.
- Cramond B., Kim K.H. (2021). The role of creativity tools and measures in assessing potential and growth // *Alternative assessments with gifted and talented students*. Ed. by J. VanTassel-Baska, N.Y., Routledge. P. 203–225.
- Feist G.J. (1998). A meta-analysis of personality in scientific and artistic creativity // *Personality and Social Psychology Review*. V.2. № 4. P. 290–309. DOI: 10.1207/s15327957pspr0204_5.
- Fürst G., Ghisletta P., Lubart T. (2014). Toward an integrative model of creativity and personality: Etheoretical suggestions and preliminary empirical testing // *Journal of Creative Behavior*. V. 50. № 2. P. 87–108. DOI: 10.1002/jocb.71.
- Glăveanu V.P. (2013). Rewriting the language of creativity: The Five A's framework // *Review of General Psychology*. V. 17. № 1. P. 69–81. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0029528>.
- Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Dmitrieva Yu.A., Koltunov Y.I., Korobova S.Yu., Tortseva A.P., Kochkina D.V. (2025). Creative Identity: Integrating Options for Cognitive, Personal, and Sociocultural Resources of Subjects // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. V. 22. № 1. P. 9–29. DOI: 10.17323/1813–8918–2025–1–9–29.
- Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Koltunov E.I., Korobova S.Yu., Glukhova V.A., Naboichenko E.S. (2024). Multifactor models of creativity: structural and dynamic approaches in psychological assessment // *The Education and Science Journal*. V. 26. № 9. P.129–150. DOI: 10.17853/1994–56392024–9–129–15
- Kaufman J.C., Beghetto R.A. (2023). Where is the when of creativity? Specifying the temporal dimension of the Four C's of Creativity // *Review of General Psychology*. V. 27. № 2. P. 194–205. DOI: 10.1177/10892680221142803.
- Kim K.H. (2017). The Torrance tests of creative thinking-figural or verbal: Which one should we use? // *Creativity. Theories–Research–Applications*. V. 4. № 2. P. 302–321. DOI: 10.1515/ctra-2017–0015.
- Kim K.H., Pierce R.A. (2013). Adaptive creativity and innovative creativity. In Carayannis E.G. (ed.). *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship*. New York: Springer. P. 35–40.
- Krumm G., Lemos V., Filippetti V.A. (2014). Factor structure of the Torrance Tests of Creative Thinking Figural Form B in Spanish-speaking children: Measurement invariance across gender // *Creativity Research Journal*. V. 26. № 1. P. 72–81. DOI: 10.1080/10400419.2013.843908.
- Lubart T. (2017). The 7 C's of creativity // *Journal of Creative Behavior*. V. 51. № 4. P. 293–296. DOI: 10.1002/jocb.190.
- Lubart T., Barbot B., Besancon M. (2019). Creative potential: assessment issues and the EPoC Battery // *Estudios de Psicología*. V. 40. № 3. P. 1–23. DOI: 10.1080/02109395.2019.1656462.
- Torrance E.P. (2008). *The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B*. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service.
- Tromp C., Sternberg R.J. (2022). Dynamic Creativity: A Person × Task × Situation Interaction Framework // *The Journal of Creative Behavior*. V. 56. № 4. P. 553–565. DOI: 10.1002/jocb.551.
- Xie G., Paik Y. (2018). Cultural differences in creativity and innovation: Are Asian employees truly less creative than western employees? // *Asia Pacific Business Review*. V. 25. № 1. P. 123–147. DOI: 10.1080/13602381.2018.1535380.

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ КРЕАТИВНОСТИ ПО РИСУНОЧНОМУ ТЕСТУ ТОРРАНСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

© Панфилова А.С.

Кандидат технических наук, заведующая лабораторией технологий искусственного интеллекта
в психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия,
panfilova87@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1892-5901

© Валуева Е.А.

Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии
и психофизиологии творчества, Институт психологии РАН, Москва, Россия,
ekval@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3637-287X

© Дмитриева Ю.А.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и служебной
деятельности, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия,
dmitrieva.julia.86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0331-4684

© Грязева-Добшинская В.Г.

Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии
и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, Южно-Уральский государственный
университет (НИУ), Челябинск, Россия,
vdobshinya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9986-4073

© Коробова С.Ю.

Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии
и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, Южно-Уральский государственный
университет (НИУ), Челябинск, Россия,
k.svetlana-1991@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8633-7231

© Колтунов Е.И.

Научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии стрессоустойчивости
и креативности, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия,
aspiratingle@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4836-7859

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–01059
«Универсальные факторы массовой креативности: диагностика на основе методов
машинного обучения», <https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

Для цитирования:

Панфилова А.С., Валуева Е.А.,
Дмитриева Ю.А., Грязева-Добшинская В.Г.,
Коробова С.Ю., Колтунов Е.И.
Диагностика уровня креативности по рису-
ночному тесту Торранса с использованием
методов машинного обучения // Ученые
записки Института психологии Российской
академии наук. 2025. Т.5. №4(17). С.76-85.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_09
Panfilova A.S., Valueva E.A.,
Dmitrieva Yu.A., Gryazeva-Dobshinskaya V.G.,
Korobova S.Yu., Koltunov E.I.
Machine learning methods for assessing cre-
ativity levels using the Torrance drawing test.
Proceedings of the Institute of Psychology of
the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5,
No4(17), Pp.76-85.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_09

В статье представлен подход по созданию моделей для автоматизации
процедуры оценки креативности по тесту Торранса. Проведенное ис-
следование продемонстрировало наилучшие результаты по дообуче-
нию модели на базе Swin-base с использованием изображений субте-
ста 2. Достигнутая точность составила 0,74–0,88 для оригинальности
и 0,69–0,82 для разработанности по отдельным типам исходных рисун-
ков. Обучение модели предсказанию уровня оригинальности по назва-
нию изображений субтеста 2 посредством дообучения модели на базе
Bert продемонстрировало точность 0,79.

Ключевые слова: креативность, психологическая диагностика, диагно-
стика креативности, компьютерное зрение, машинное обучение, анализ
естественного языка, тест Торренса (ТТСТ), уровень креативности, ори-
гинальность, разработанность

Введение

Автоматизация оценки творческого потенциала по рисункам из фигурной части теста Торренса (ТТСТ-F) — относительно новая, активно развивающаяся область. В ней используются как традиционные методы машинного обучения с извлечением признаков, так и глубокие модели, включая сверточные нейронные сети и трансформеры. Кроме того, применяются подходы объяснимого искусственного интеллекта для анализа решений моделей.

Одним из подходов является использование классических алгоритмов машинного обучения с признаками, извлеченными из изображений. Например, в работе С. Акар и др. (S. Acar et al.) мультимодальная модель CLIP (вариант ViT-B/32) применялась для получения 512-мерных эмбедингов изображений и текстовых описаний рисунков ТТСТ-F (Acar et al., 2025). Эти эмбединги использовались для обучения ансамблей классификаторов (Random Forest, AdaBoost и XGBoost). Random Forest обеспечил точность классификации 78–85% (в зависимости от комбинации изображения и текста) и корреляцию с экспертными оценками 0,54–0,65. На датасете MTCTI (Multi-Trial Creative Ideation, более 11 000 рисунков) все три ансамбля (AdaBoost, Random Forest и XGBoost), обученные на CLIP-эмбедингах, показали корреляции с экспертной оценкой в диапазоне $r=0,77$ – $0,80$ (AdaBoost $r=0,80$, Random Forest $r=0,79$, XGBoost $r=0,77$). Эти результаты демонстрируют, что традиционные методы машинного обучения, усиленные эмбедингами, достигают приемлемой точности, близкой к простым эвристическим правилам.

Развитие сверточных нейронных сетей (CNN) расширило возможности автоматизации. Д.Х. Кропли и Р.Л. Марроне (D.H. Cropley, R.L. Marrone) обучили CNN на тесте К. Урбана — Test of Creative Thinking — Drawing Production (TCT-DP) и получили точность около 90% на небольшом наборе данных (414 изображения) (Cropley, Marrone, 2025). В последующем расширенном исследовании авторов (Cropley et al., 2024) на корпусе из 1594 изображений модель достигла точности 80,4% и корреляции 0,81 с экспертными оценками.

Дж.Д. Паттерсон и др. (J.D. Patterson et al.) разработали платформу AuDrA на основе модифицированной ResNet с регрессионным выходом. Модель обучалась на 13 000 рисунках из задачи MTCTI и показала корреляцию с экспертными оценками на новых данных от 0,64 до 0,93, устойчиво превосходя простой индикатор «количества чернил» на странице, что указывает на способность CNN захватывать сложные признаки, такие как композиция и оригинальные элементы. Авторы

разместили данные, модель и скрипты в открытом доступе на платформе OSF (Patterson et al., 2024).

Недавно в автоматизированную оценку креативности начали внедрять архитектуры Vision Transformer (ViT). С. Акар и др. дообучили модель BEiT на данных тестов ТТСТ-F и MTCTI, достигнув точности 83% для BEiT-large на объединенном корпусе ТТСТ-F (обе формы теста) с корреляцией 0,64. На наборе MTCTI BEiT-large показал корреляцию 0,85, что превосходит результаты ViT (Acar et al., 2025) и ResNet (Patterson et al., 2024).

Мультимодальные методы, сочетающие изображение и описывающий его текст, демонстрируют улучшенные результаты. В работе С. Акар и др. объединение изображения и текста через CLIP улучшало результаты по сравнению с только визуальным входом (Acar et al., 2025). При использовании признаков CLIP Random Forest классификаторы, обученные только на рисунках, достигали объединенной корреляции около $r=0,56$, тогда как текстовые названия рисунков обеспечивали $r=0,60$, а комбинация изображения и текста — $r=0,62$. При этом в одной для формы В текстовая и мультимодальная модели показывали одинаково высокие корреляции ($r=0,65$). Аналогично Х. Чжан и др. (H. Zhang et al.) предложили модель для графического теста дивергентного мышления, где респонденты дополняют пятиугольник рисунками с описаниями (Zhang et al., 2025). Датасет включал 708 рисунков китайских старшеклассников. Модель объединяла ResNet50 (предобученную на ImageNet) для визуальных признаков и GloVe для текстовых эмбедингов. На тренировочном наборе (603 изображения) корреляция с экспертными оценками достигла 0,81 для мультимодальной версии, но при этом для текстовой модели корреляция составила 0,91, а для визуальной — 0,7. На валидационном наборе (100 изображений) показатели снизились, но их соотношение сохранилось — 0,561; 0,629 и 0,395 соответственно. При этом на уровне участника (усреднение 9 рисунков от каждого участника) преимущество сместилось в сторону текстовой модели — r составило 0,724; 0,602, и 0,135 соответственно.

Для валидации моделей стали применяться методы объяснимого ИИ. А.С. Панфилова и др. сравнивали разные CNN (MobileNet, ResNet18, AlexNet, DenseNet, EfficientNet, ViT) на рисунках теста Урбана (Panfilova et al., 2024). Лучшая модель, MobileNet, обеспечила точность 76% в предсказании баллов с высоким согласием с экспертами. Grad-CAM показал, что модель фокусируется на релевантных зонах аналогично экспертам. Подобные исследования показывают, что современные сети могут «учиться» признакам,

осмысленным для человека (например, оригинальным элементом рисунка), а методы объяснимого ИИ помогают проверить, что модель способна неявным образом усвоить экспертные критерии (Panfilova et al., 2024; Panfilova, Valueva, 2025).

Таким образом, современные методы машинного и глубокого обучения позволяют с приемлемой точностью оценивать креативность респондентов по рисуночным тестам. Ключевые модели включают сверточные сети (ResNet, MobileNet и др.), трансформеры (BEiT/ViT) и мультимодальные архитектуры (CLIP, ResNet + GloVe). Они извлекают характерные визуальные признаки (композиция, сложность рисунка и др.) и семантические признаки, приближаясь к экспертным оценкам. Результаты последних работ свидетельствуют о том, что автоматическая оценка образной креативности демонстрирует высокую согласованность с экспертными оценками и указывает на потенциал для масштабных исследований.

Метод

Для диагностики креативности использовалась фигурная форма теста творческого мышления Е.П. Торранса. Фигурная форма теста Е.П. Торранса включает три субтеста («Создание рисунка», «Незавершенные фигуры» и «Повторяющиеся линии»), каждый из которых респонденту необходимо выполнить в течение 10 минут. По результатам прохождения теста рассчитываются такие показате

ли креативности, как *оригинальность*, *беглость*, *гибкость*, *разработанность* и *абстрактность названий* (Torrance, 2008). Показатель оригинальности характеризует способность респондента генерировать редкие, уникальные идеи и основывается на статистической редкости ответа; показатель разработанности характеризует способность респондента проявлять творческие способности через детальную проработку возникающих идей.

По субтесту 2 «Незавершенные фигуры» рассчитывались все перечисленные выше показатели креативности. Показатель *оригинальности* рассчитывался по шкале от 0 до 2 согласно частоте встречаемости одинаковых ответов: 2 балла для ответов с частотой менее 2%, 1 балл засчитывался за ответы, встречающиеся в 2–4,99% случаев, 0 баллов — для ответов с частотой 5% и более. При оценке показателя *разработанности* баллы давались за каждую значимую деталь (идею), дополняющую исходную стимульную фигуру, как в границах ее контура, так и за ее пределами. Один балл присваивался за каждую существенную деталь, цвет, специальную штриховку, каждую подробность в названии сверх необходимого минимума (Маркина, 2004).

В исследовании приняли участие 1707 респондентов трех возрастных категорий: дошкольники и учащиеся младшей школы, учащиеся средней и старшей школы, студенты и взрослые. Распределение участников по группам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Возрастной состав выборки респондентов

Возрастная категория	Количество респондентов
Дошкольники и младшая школа	570
Средняя и старшая школа	510
Студенты и взрослые	627

Субтест № 2 теста Торранса включает в себя 10 отдельных изображений, которые респонденту предлагается дополнить, то есть по каждому респонденту формируется набор из 10 отдельных рисунков, которые были оценены по критериям оригинальности и разработанности. Рисунки, которые респондент не использовал, исключались из выборки.

Экспертная оценка по критерию оригинальности представлена в бинарном виде — рисунок получал оценку 0, если изначально оригинальность равнялась нулю, и оценку 1, если оригинальность была 1 и выше. В категории с низким уровнем оригинальности оказался 4491 рисунок, а с высоким — 8630 изображений. Экспертная оценка

по критерию разработанности также была переведена в бинарную систему. Для баланса выборки всем рисункам с оценкой разработанности два и ниже, был присвоен балл 0, остальным — балл 1. Таким образом, категория с низкой разработанностью включает в себя 7496 рисунков, а с высоким уровнем разработанности — 5353.

Помимо экспертных оценок, для каждого рисунка был доступен заголовок, который испытуемый давал своему изображению. Всего было доступно 12691 (некоторые рисунки не имели заголовков). Анализ заголовков в качестве предиктора оригинальности был произведен с помощью отдельной модели.

Решение задачи создания модели, определяющей уровень оригинальности и разработанности

по рисуночному тесту, предполагает дообучение какой-либо исходной модели на небольшом наборе данных. Исходная модель при этом уже обучена на задаче выделения объектов на общедоступных выборках большого размера (ImageNet). Модели, реализующие классификацию изображений, представлены различной архитектурой и числом параметров. Для поиска оптимального варианта исходной предобученной модели, которая способна обобщить информацию о рисунках в рамках теста Торранса, была проведена серия экспериментов по обучению модели на всем массиве изображений без учета номера изображения в рамках субтеста. Выборка была разделена на обучающую, тестовую и валидацион-

ную в отношении 70%, 15%, 15%, соответственно, и стратифицирована по оценке оригинальности. Отбор базовых моделей для проведения эксперимента опирается на общедоступные рейтинги их эффективности на выборках ImageNet (<https://paperswithcode.com>), содержащих 1000 или 22000 определяемых классов с учетом различного числа параметров модели. Таким образом был сформирован следующий набор базовых моделей, представленный в таблице 2. Предыдущие эксперименты продемонстрировали, что большее число параметров модели способствует ее переобучению, что означает снижение обобщающей способности модели (Panfilova et al., 2024).

Таблица 2. Базовые модели и их параметры

Модель	Количество параметров	Название модели в сервисе HF ¹
Swin-base (Liu et al., 2021)	109 млн	microsoft/swin-base-patch4-window7-224-in22k
Swin-tiny (Liu et al., 2022)	28,3 млн	microsoft/swinv2-tiny-patch4-window16-256
Convnextv2-base (Woo et al., 2023)	88,7 млн	facebook/convnextv2-base-22k-224
Convnextv2-tiny (Woo et al., 2023)	28,6 млн	facebook/convnextv2-tiny-22k-224
Convnextv2-nano (Woo et al., 2023)	15,6 млн	facebook/convnextv2-nano-22k-224
ResNet-152 (He et al., 2016)	60,3 млн	microsoft/resnet-152
ResNet-50 (He et al., 2016)	25,6 млн	microsoft/resnet-50
ResNet-26 (He et al., 2016)	16 млн	microsoft/resnet-26
ResNet-18 (He et al., 2016)	11,7 млн	microsoft/resnet-18
BEiT (Bao et al., 2021)	87 млн	microsoft/beit-base-patch16-224
Dinov2-base (Oquab et al., 2023)	86,6 млн	facebook/dinov2-base

Обучение проводилось с использованием батча размером 16, скорости обучения $3e-5$ на 55 эпо-

хах. На рис. 1 представлена диаграмма точности классификации моделей на тестовой выборке.

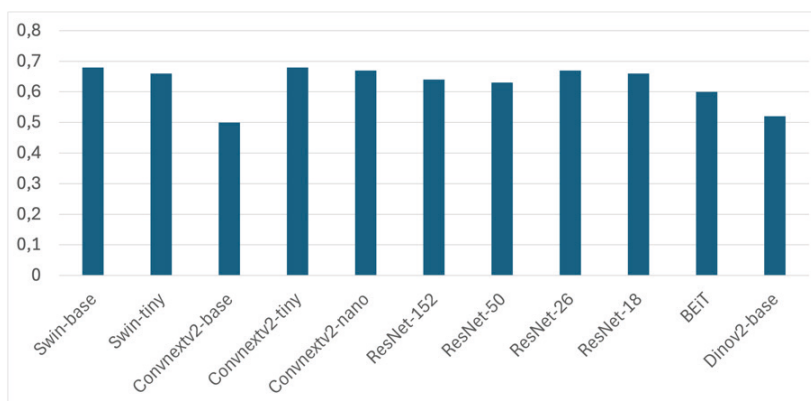

Рис. 1. Точность классификации моделей на тестовой выборке по всем изображениям датасета

¹ Сервис общедоступных моделей и данных <https://huggingface.co>

Выявлено, что наибольшая точность наблюдается для модели Swin-base, однако, данная точность не считается приемлемой для получения требуемых оценок креативности. С целью повышения точности работы моделей далее проводилось дообучение модели Swin-base отдельно на каждую категорию изображений, то есть всего обучено 10 моделей для оценки уровня оригинальности и 10 моделей для оценки уровня разработанности. Наборы рисунков, соответствующих каждому из десяти номеров, были разделены на обучающую, тестовую и валидационную выборки в соотношении 70%, 15%, 15%. Параметры обучения схожи с параметрами обучением базовой модели.

Для предсказания оригинальности по названиям рисунков была дообучена модель Bert (Devlin et al., 2019). Модель была обучена на общей выборке из 12691 изображения без разделения по типу базового рисунка. Объединяя все изображения, мы опирались на допущение, что оригинальность в данном случае отражена прежде всего в семантическом содержании названия, а не в специфике конкретного образного шаблона. Поскольку модель использует только текст, тип базового изо-

бражения не выступает для нее отдельной модальностью, при этом разбиение данных по типам стимулов уменьшает объем обучающей выборки для каждой подгруппы. Объединение всех типов в одну модель повышает статистическую устойчивость оценки параметров и улучшает способность к обобщению. Выборка была разделена на обучающую, тестовую и валидационную в соотношении 70%, 15%, 15%. Обучение проводилось с использованием батча размером 32, скорости обучения $2e-5$ на 10 эпохах.

Результаты обучения моделей предсказания уровня оригинальности и разработанности по рисункам

Результаты обучения моделей бинарной классификации выборок изображений каждого типа по отдельности по критериям оригинальности и разработанности представлены в таблице 3. В качестве критерия оценки точности работы моделей использовался взвешенный F1 (weighted F1), учитывающий точность и полноту выделения высокого и низкого класса, а также представленность классов в выборке.

Таблица 3. Оценка точности моделей по определению уровня оригинальности и разработанности на тестовой выборке по критерию weighted F1

Номер рисунка	Оригинальность	Разработанность
1	0,83	0,82
2	0,84	0,79
3	0,82	0,72
4	0,74	0,73
5	0,84	0,79
6	0,87	0,75
7	0,88	0,78
8	0,83	0,78
9	0,79	0,77
10	0,82	0,69

Можно отметить, что наименьшая точность по оценке уровня оригинальности получена для изображения номер 4. Данный типа рисунка в ка-

честве исходного содержит фигуру, представляющую собой волнистую линию, пример представлен на рис. 2.

Рис. 2. Примеры рисунков респондентов для изображения № 4

Справедливо предположить, что в процессе обучения модель опосредованно усваивает базовые образы, связанные с тем или иным уровнем оригинальности (так как оценка оригинальности опирается на частоту базового образа). Однако, часть образов может иметь слишком широкую вариативность в своем представлении, что затрудняет усвоение их моделью.

Можно предположить, что в рисунках № 4 присутствуют в достаточной степени определенные базовые образы, которые слабо идентифицируются моделью. Оценка базовых образов, которые были использованы респондентами, на предмет точности классификации уровня оригинальности продемонстрировали, что образы ветра, волны и узора в наибольшей степени некорректно классифицируются в тот или иной уровень моделью.

Определение базовых образов, которые связываются с наибольшим количеством ошибок в целом по выборке для модели, которая была обучена на изображениях всех типов, продемонстрировал, что образы ветра, змеи, смайла, узора с наименьшей точностью классифицируются моделью в тот или иной уровень оригинальности.

Точность моделей оценки уровня разработанности по различным типам рисунков демонстрируют диапазон от 0,69 до 0,82.

Результаты обучения моделей предсказания уровня оригинальности по названию рисунков

Мультиязычная модель на основе Bert, обученная предсказывать уровень оригинальности на основании названия изображений всех типов, продемонстрировала результаты, представленные в таблице 4.

Таблица 4. Оценка точности модели по определению уровня оригинальности по названию изображений на тестовой выборке

Категория	Точность	Полнота	F1
0	0,64	0,71	0,67
1	0,87	0,83	0,85
Точность			0,79
Взвешенный F1	0,80	0,79	0,79

Можно отметить, что точность полученной модели ($F1=0,79$) выше, чем модели, обученной на всех изображениях ($F1=0,69$), но в большинстве случаев ниже, чем для моделей каждого базового рисунка ($F1=0,74-0,87$). Данный результат может быть связан с тем, что оценка оригинальности изображений строится на основе частоты базового образа, что в большей степени отражается в названии изображения, а также с тем фактом, что названия изображений по выборке различных типов схожи, однако исходная графическая форма различается.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что современные архитектуры глубокого обучения могут с высокой точностью автоматизировать оценку креативности по рисуночному тесту Торренса (ТТСТ-F) на уровне отдельных стимулов и текстовых названий. Использование предобученных моделей, дообученных на специализированных данных, позволяет достичь высокой степени согласованности с экспертными оценками по критериям оригинальности и разработанности. Наиболее стабильные результаты

показала модель Swin-base, для которой при индивидуальном обучении на каждом типе изображения получены значения взвешенного F1 в диапазоне 0,74–0,88 по оригинальности и 0,69–0,82 по разработанности.

Анализ показал, что точность классификации существенно зависит от особенностей исходного изображения субтеста. В частности, рисунки с высокой вариативностью интерпретаций (например, изображение № 4 с волнистой линией) оказались наиболее сложными для автоматической классификации. Это может быть связано с тем, что модели сложнее усваивать слишком разнообразные базовые образы, не имеющие устойчивых визуальных паттернов.

Важно отметить, что значительный прогресс в автоматизации оценки креативности уже достигнут в области вербальных дивергентных заданий. Для задач вроде теста Необычное использование (Alternate Uses Test) и ассоциативных тестов показано, что модели, опирающиеся только на тексты ответов, достигают высокой согласованности с экспертами, сопоставимой с традиционными процедурами ручного оценивания (Beatty, Johnson, 2021; Organisciak, 2023). Это указывает на то, что значительная часть дисперсии оценок креативности может быть объяснена исключительно семантическими признаками. Наши результаты по предсказанию оригинальности по названиям рисунков фактически продолжают эту линию исследований, показывая, что даже в контексте фигурной части теста Торренса текстовые описания несут достаточно информации для надежного приближения экспертного балла (Acar et al., 2025; Zhang et al., 2025).

Так, в нашей работе предсказание уровня оригинальности по названиям изображений демонстрирует $F1=0,79$, сопоставимое с диапазоном 0,74–0,88 для отдельных моделей по изображениям и превышающее показатель общей визуальной модели по всем рисункам ($F1=0,69$). Сходная (и несколько контринтуитивная) картина наблюдается и в ряде других исследований: при оценивании креативности по рисункам с подписями текстовые модели часто не уступают мультимодальным, а иногда и превосходят их. Так, в работе С. Акар комбинация изображения и текста лишь незначи-

тельно улучшает корреляцию относительно одного текста (Acar et al., 2025), а в сходном графическом тесте дивергентного мышления текстовая модель демонстрирует наилучшее обобщение как на уровне отдельных рисунков, так и на уровне суммарных баллов участника (Zhang et al., 2025). Как отмечают Х. Чжан и др. текстовая модель получает явный доступ к тем же семантическим признакам, на которые опираются эксперты при ручном оценивании. Визуальные и мультимодальные модели, напротив, вынуждены восстанавливать эту семантику по рисунку, что делает задачу сложнее и может снижать обобщающую способность. Таким образом, наши результаты, наряду с данными С. Акар и ХюЧжан (Acar et al., 2025; Zhang et al., 2025), показывают, что в задачах оценивания креативности по рисункам с подписями одного текста во многих случаях оказывается достаточно для приближенного воспроизведения экспертных оценок.

Наши результаты подтверждают, что нейросетевые методы способны не только воспроизводить экспертные оценки, но и выявлять закономерности, отражающие визуальные и семантические признаки, значимые для интерпретации творческих проявлений. Автоматизация оценки рисунков ТТСТ открывает перспективы для более масштабных психометрических исследований, снижения трудоёмкости экспертного анализа и стандартизации процедуры оценки креативности.

В дальнейшем развитие данного направления может включать:

- использование мультимодальных моделей, объединяющих визуальные и текстовые признаки;
- применение методов объяснимого ИИ для интерпретации решений моделей;
- расширение и балансировку обучающих выборок с целью повышения обобщающей способности моделей;
- исследование переносимости моделей между различными вариантами теста и культурными контекстами.

Таким образом, результаты работы демонстрируют, что глубокие сверточные и трансформерные архитектуры являются эффективным инструментом для автоматизированной оценки показателей креативности по данным теста Торранса, обеспечивая высокий уровень точности.

Литература:

- Маркина Н.В., Матвеева Л.Г. Миннесотские тесты творческого мышления (МТТМ графическая форма). Челябинск: ПсихРОН, 2004.
- Acar S., Organisciak P., Dumas D. Automated scoring of figural tests of creativity with computer vision // The Journal of Creative Behavior. 2025. V. 59. № 1. Art. e677.

- Bao H., Dong L., Piao S., Wei F. Beit: Bert pre-training of image transformers // arXiv preprint arXiv:2106.08254. 2021.
- Beaty R.E., Johnson D.R. Automating creativity assessment with SemDis: An open platform for computing semantic distance // Behavior Research Methods. 2021. V. 53. № 2. P. 757–780. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-020-01453-w>.
- Cropley D.H., Marrone R.L. Automated Scoring of Figural Creativity using a Convolutional Neural Network // Psychology of Aesthetics Creativity and the Arts. 2025. V. 19. № 1. P. 77–86. DOI: 10.1037/aca0000510.
- Cropley D.H., Theurer C., Mathijssen A.S., Marrone R.L. Fit-For-Purpose Creativity Assessment: Automatic Scoring of the Test of Creative Thinking — Drawing Production (TCT-DP) // Creativity Research Journal. 2024. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/10400419.2024.2339667>.
- Devlin J., Chang M.W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of the 2019 conference of the North American chapter of the association for computational linguistics: human language technologies. 2019. V. 1. P. 4171–4186.
- He K., Zhang X., Ren S., Sun J. Deep residual learning for image recognition // Proceedings of the IEEE conference on computer vision and pattern recognition. 2016. P. 770–778.
- Liu Z., Hu H., Lin Y., Yao Z., Xie Z., Wei Y., Ning J., Cao Y., Zhang Z., Dong L., Wei F., Guo B. Swin transformer v2: Scaling up capacity and resolution // Proceedings of the IEEE/CVF conference on computer vision and pattern recognition. 2022. P. 12009–12019.
- Liu Z., Lin Y., Cao Y., Hu H., Wei Y., Zhang Z., Lin S., Guo B. Swin transformer: Hierarchical vision transformer using shifted windows // Proceedings of the IEEE/CVF international conference on computer vision. 2021. P. 10012–10022.
- Oquab M., Darcet T., Moutakanni T., Vo H., Szafraniec M., Khalidov V., Fernandez P., Haziza D., Massa F., El-Nouby A., Assran M., Ballas N., Galuba W., Howes R., Huang P., Li S., Misra I., Rabbat M., Sharma V., Synnaeve G., Xu H., Jegou H., Mairall J., Labatut P., Joulin A., Bojanowski P. Dinov2: Learning robust visual features without supervision // arXiv preprint arXiv:2304.07193. 2023.
- Organisciak P., Acar S., Dumas D., Berthiaume K. Beyond semantic distance: Automated scoring of divergent thinking greatly improves with large language models // Thinking Skills and Creativity. 2023. V. 49. Art. 101356. DOI: 10.1016/j.tsc.2023.101356.
- Panfilova A.S., Valueva E.A., Ilyin I.Y. The application of explainable artificial intelligence methods to models for automatic creativity assessment // Frontiers in Artificial Intelligence. 2024. V. 7. Art. 1310518. DOI: <https://doi.org/10.3389/frai.2024.1310518>.
- Panfilova A.S., Valueva E.A. Deep Learning and Explainable AI for Creativity Scoring in TCT-DP Form B // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2025. V. 22. № 4. P. 721–735. DOI: 10.17323/1813-8918-2025-4-721-735.
- Patterson J.D., Barbot B., Lloyd-Cox J., Beaty R.E. AuDrA: An automated drawing assessment platform for evaluating creativity // Behavior Research Methods. 2024. V. 56. № 4. P. 3619–3636. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-023-02258-3>.
- Torrance E.P. The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 2008.
- Woo S., Debnath S., Hu R., Chen X., Liu Z., Kweon I.S., Xie S. Convnext v2: Co-designing and scaling convnets with masked autoencoders // Proceedings of the IEEE/CVF conference on computer vision and pattern recognition. 2023. P. 16133–16142.
- Zhang H., Dong H., Wang Y., Zhang X., Yu F., Ren B., Xu J. Automated Graphic Divergent Thinking Assessment: A Multimodal Machine Learning Approach // Journal of Intelligence. 2025. V. 13. № 4. P. 45. DOI: 10.3390/jintelligence13040045.

MACHINE LEARNING METHODS FOR ASSESSING CREATIVITY LEVELS USING THE TORRANCE DRAWING TEST

© Anastasia S. Panfilova

PhD in Computer science, Head of The Laboratory of AI Technologies in Psychology,
Institute of Psychology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
panfilova87@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1892-5901

© **Ekaterina A. Valueva**

PhD in Psychology, Researcher at the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity,
Institute of Psychology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ekval@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3637-287X

© **Yulia A. Dmitrieva**

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology of Management and Performance,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
dmitrieva.julia.86@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0331-4684

© **Vera G. Gryazeva-Dobshinskaya**

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the laboratory, Laboratory of Psychology
and Psychophysiology of stress resistance and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
vdobshinya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9986-4073

© **Svetlana Yu. Korobova**

PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance
and creativity, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
k.svetlana-1991@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8633-7231

© **Evgeniy I. Koltunov**

Researcher, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of stress resistance and creativity,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
aspiratingle@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4836-7859

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23–18–01059,
<https://rscf.ru/project/23-18-01059/>

The article presents an approach to developing models for automating the Torrance test creativity assessment procedure. The research conducted demonstrated the best results in the further training of the Swin-base model using images of subtest 2. The accuracy achieved was 0,74–0,88 for originality indicator and 0,69–0,82 for elaboration indicator for individual types of source images. Model training to predict the level of originality based on the abstractness of titles indicator for subtest 2 images through retraining the Bert-based model demonstrated an accuracy of 0,79.

Keywords: creativity, psychological diagnostics, creativity diagnostics, computer vision, machine learning, natural language analysis, Torrance Test of Creative Thinking (TTCT), creativity level, originality, elaboration

REFERENCES

- Markina N. V., Matveeva L. G. (2004). Minnesota tests of creative thinking (MTTM graphic form). Chelyabinsk: PsiKHRO N.
- Acar S., Organisciak P., Dumas D. (2025). Automated scoring of figural tests of creativity with computer vision // The Journal of Creative Behavior. V. 59. № 1. Art. e677.
- Bao H., Dong L., Piao S., Wei F. (2021). Beit: Bert pre-training of image transformers // arXiv preprint arXiv:2106.08254.
- Beaty R.E., Johnson D.R. (2021). Automating creativity assessment with SemDis: An open platform for computing semantic distance // Behavior Research Methods. V. 53. № 2. P. 757–780. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-020-01453-w>.
- Cropley D.H., Marrone R.L. (2025). Automated Scoring of Figural Creativity using a Convolutional Neural Network // Psychology of Aesthetics Creativity and the Arts. V. 19. № 1. P. 77–86. DOI: [10.1037/aca0000510](https://doi.org/10.1037/aca0000510).
- Cropley D.H., Theurer C., Mathijssen A.S., Marrone R.L. (2024). Fit-For-Purpose Creativity Assessment: Automatic Scoring of the Test of Creative Thinking — Drawing Production (TCT-DP) // Creativity Research Journal. P. 1–16. DOI: [10.1080/10400419.2024.2339667](https://doi.org/10.1080/10400419.2024.2339667).

- Devlin J., Chang M.W., Lee K., Toutanova K. (2019). BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of the 2019 conference of the North American chapter of the association for computational linguistics: human language technologies. V. 1. P. 4171–4186.
- He K., Zhang X., Ren S., Sun J. (2016). Deep residual learning for image recognition. Proceedings of the IEEE conference on computer vision and pattern recognition. P. 770–778.
- Liu Z., Hu H., Lin Y., Yao Z., Xie Z., Wei Y., Ning J., Cao Y., Zhang Z., Dong L., Wei F., Guo B. (2022). Swin transformer v2: Scaling up capacity and resolution // Proceedings of the IEEE/CVF conference on computer vision and pattern recognition. P. 12009–12019.
- Liu Z., Lin Y., Cao Y., Hu H., Wei Y., Zhang Z., Lin S., Guo B. (2021). Swin transformer: Hierarchical vision transformer using shifted windows // Proceedings of the IEEE/CVF international conference on computer vision. P. 10012–10022.
- Oquab M., Darcet T., Moutakanni T., Vo H., Szafraniec M., Khalidov V., Fernandez P., Haziza D., Massa F., El-Nouby A., Assran M., Ballas N., Galuba W., Howes R., Huang P., Li S., Misra I., Rabbat M, Sharma V., Synnaeve G., Xu H., Jegou H., Mairall J., Labatut P., Joulin A., Bojanowski P. (2023). Dinov2: Learning robust visual features without supervision // arXiv preprint arXiv:2304.07193.
- Organisciak P., Acar S., Dumas D., Berthiaume K. (2023). Beyond semantic distance: Automated scoring of divergent thinking greatly improves with large language models // Thinking Skills and Creativity. V. 49. Art. 101356. DOI: 10.1016/j.tsc.2023.101356.
- Panfilova A.S., Valueva E.A., Ilyin, I.Y. (2024) The application of explainable artificial intelligence methods to models for automatic creativity assessment // Frontiers in Artificial Intelligence. V. 7. Art. 1310518. DOI: 10.3389/frai.2024.1310518.
- Panfilova A.S., Valueva E.A. (2025). Deep Learning and Explainable AI for Creativity Scoring in TCT-DP Form B // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2025. V. 22. № 4. P. 721–735. DOI: 10.17323/1813-8918-2025-4-721-735.
- Patterson J.D., Barbot B., Lloyd-Cox J., Beaty R.E. (2024). AuDrA: An automated drawing assessment platform for evaluating creativity. Behavior Research Methods. V. 56. № 4. P. 3619–3636. DOI: 10.3758/s13428-023-02258-3.
- Torrance E.P. (2008). The Torrance Tests of Creative Thinking Norms-Technical Manual Figural (Streamlined) Forms A & B. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service.
- Woo S., Debnath S., Hu R., Chen X., Liu Z., Kweon I.S., Xie S. (2023). Convnext v2: Co-designing and scaling convnets with masked autoencoders // Proceedings of the IEEE/CVF conference on computer vision and pattern recognition. P. 16133–16142.
- Zhang H., Dong H., Wang Y., Zhang X., Yu F., Ren B., Xu J. (2025). Automated Graphic Divergent Thinking Assessment: A Multimodal Machine Learning Approach // Journal of Intelligence. V. 13. № 4. P. 45. DOI: 10.3390/jintelligence13040045.

МАШИННО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ: КАРТИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СМЫСЛА С ПОМОЩЬЮ ВЕКТОРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

© Груздева А.С.

Кандидат технических наук, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
prog.anastasia@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4963-0823

© Суров И.А.

Кандидат физико-математических наук, научный сотрудник, Университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия
ilya.a.surov@itmo.ru; ORCID: 0000-0001-5690-7507

Работа выполнена при поддержке Университета ИТМО и Российского научного фонда,
грант № 23-71-01046.

Для цитирования:

Груздева А.С., Суров И.А.
Машинно-семантический дифференциал: картирование эмоционального смысла с помощью векторных языковых моделей // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №4(17). С.86-99.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_10

Gruzdeva A.S., Surov I.A.
Machine-semantic differential: mapping of affective meaning by vector language models. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No4(17), Pp.86-99.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_04_10

Эмоции и чувства — ключевой элемент психики, однако их экспериментальные исследования осложняются дороговизной, статистической недостоверностью натурных экспериментов и требуют времени. В статье представлен метод решения этих проблем посредством машинных моделей естественного языка, которые в неявном виде содержат большой объём психологической информации. При этом используются имеющиеся в открытом доступе предобученные нейросетевые представления слов и фраз векторами в многомерных пространствах. Эти представления содержат эмоционально-семантические факторы Ч. Осгуда *оценка, сила и активность*, кодируемые в этих пространствах определёнными направлениями. Проекция на эти направления позволяет строить эмоционально-смысловые карты языковых единиц. Разработанный метод апробирован на массиве из 105 эмоциональных состояний, векторные представления которых строились с помощью трёх машинных моделей русского и английского языка. Построенные карты этих состояний качественно совпали во всех случаях. Полученные значения факторов оценки, силы и активности были использованы для прогнозирования функциональных (новость — действие — результат) и оценочных (приятно — неприятно) классов эмоциональных состояний. Среднее

совпадение прогноза с экспертной оценкой этих классов составило 61% и 82% соответственно. Полученные результаты подтверждают функциональную модель эмоциональной семантики, а также кросс-культурную универсальность семантических факторов Ч. Осгуда. Также подтверждена гипотеза о наличии в языковых моделях эмоционально-смысловой информации и возможности её алгоритмического извлечения, что указывает на возможность решения метрологических проблем психологического эксперимента. Статистическая достоверность и воспроизводимость разработанного подхода открывает новые возможности для прикладных и фундаментальных исследований.

Ключевые слова: аффект, эмоция, смысл, семантический дифференциал Ч. Осгуда, сентимент-анализ, когнитивная карта, большие языковые модели

Введение

Исследования эмоций, аффектов и чувств всегда вызывали большой интерес у психологов. Он обусловлен их важностью в формировании предпочтений и суждений, в общении и управлении поведением, в сознании и психике в целом

(Dukes et al., 2021). Эмоции как прагматический смысл обстановки по отношению к целям субъекта играют ключевую роль в процессах принятия решений (Суров, 2023), что связывает их с задачами когнитивно-поведенческого моделирования и анализа данных (Calvo et al., 2015).

Методы количественного исследования эмоций, однако, существенно отстают от запросов практики. Одним из наиболее востребованных остается семантический дифференциал Ч. Осгуда (Петренко, 2010; Osgood, 1962, 1969), разработанный более полувека назад и в разных модификациях используемый по настоящее время. На его основе, в частности, выявляются числовые параметры эмоциональных состояний, позволяющая размещать их в метрическом пространстве (Fontaine et al., 2013). Семантический дифференциал также применяется в задачах сентимент-анализа (Dvoynikova et al., 2022; Smetanin, 2020), семантического маркетинга (Pavlov, 2012), прикладной психологии (Александрова, Дерманова, 2018; Волохонский, 2007; Дьяков, 2015; Мощенко, Ярошенко, 2016; Смирнова, Серкин, 2020; Степнова и др., 2020), социологии (Алмазова и др., 2015; Каира, 2010; Саблуков, 2011; Сикевич, 2016; Шелестюк, 2009) и лингвистики (Блинникова, Андрианова, 2009; Касьянова, 2017; Соловьёв и др., 2025; Токарь, Зильберглейт, 2010; Шелестюк, 2009).

Имеющиеся техники семантического дифференциала требуют ручного сбора статистики численных величин. Как при любой работе с испытуемыми в натурных экспериментах, этим обусловлена их низкая скорость и масштабируемость, трудоёмкость и дороговизна. С другой стороны, информационные технологии предлагают исследователю огромные массивы текстовой, графической, звуковой и поведенческой информации, доступные мгновенно и бесплатно. Для психологического использования этой информации необходимы методы, существенно отличающиеся от обычных методов натурального эксперимента.

На возможность решения этой задачи указывают алгоритмы сентимент-анализа на основе машинных моделей естественных языков, в ряде случаев показывающие высокую эффективность. Такие методы, однако, работают с нейросетевыми представлениями слов, не имеющими психологической интерпретации; работа в режиме чёрного ящика не позволяет связать такие представления с когнитивно-психологическими теориями эмоций, что было бы полезно обеим сторонам. На возможность такого сопряжения, с другой стороны, указывает нахождение в машинной модели английского языка всех трёх семантических факторов Ч. Осгуда (Surov, 2022), причём фактор оценки успешно прогнозируется на основе векторных машинных представлений (Bochkarev et al., 2025; Solovyev et al., 2022).

Процессная модель эмоциональной семантики

Главными параметрами эмоционального смысла являются факторы Ч. Осгуда *оценка (приятность, evaluation)* (O), *напряжение (потенциал, сила, potency)* (C) и *активность (возбуждение, arousal)* (A), каждый из которых измеряется вещественным числом (Osgood, 1962, 1969). Тройка таких значений представляет эмоциональный смысл («affective meaning») ситуации, события или предмета в психике человека вектором или точкой в трёхмерном пространстве ОСА, причём расстояния между точками являются мерой различия соответствующих состояний.

Поскольку сильной может быть любая эмоция, применительно к ним фактор силы (potency) на русском языке точнее назвать *напряжением*. В дальнейшем мы пользуемся этим термином.

Среди факторов ОСА наиболее известен фактор оценки (хорошо — плохо, приятно — неприятно), которым ограничивается большинство существующих методов сентимент-анализа. При этом ортогональные оценке факторы сила (напряжение) и активность отражения не находят, однако именно они лежат в основе функциональной логики субъективного смыслопорождения (Суров, 2022).

Согласно этой логике, субъективный смысл представляет собой сжатую кодировку информации о внешней среде, важной для управления поведением организма. Для этого необходима настройка организма на тот или иной образ действия, в которой выделяется три характерных режима (Суров, 2022; 2023):

- возбуждение: при вхождении в новый контекст необходимо распознавание и объяснение поступившей информации, а также постановка целей и выработка планов по их достижению, для чего требуется выйти из режима ожидания-сна и активировать мыслительные функции;
- подкрепление: при исполнении планов требуется внешняя активность и готовность к энергичному преодолению препятствий на пути к цели;
- торможение: по завершении активной работы требуется отдых, объективная оценка результатов и подведение итогов, в связи с чем организм переводится из активного в отстранённо-наблюдательное состояние и готовится к вхождению в новый контекст.

В этой последовательности режимов настройки каждый этап характеризуется особым сочетанием факторов силы (напряжения) и активности (внешней). Наивысшая внешняя активность (Y) имеет место на втором этапе «Действие», тогда как первый этап «Новость» и третий этап «Ре-

зультат» характеризуются низкой внешней активностью и соответственно высокой внутренней, чувственно-интеллектуальной активностью. Фактор напряжения-силы (X) максимален на этапе «Новость», когда небольшие изменения в восприятии нового и постановке соответствующих целей определяют весь дальнейший процесс. Напряжение начинает падать с началом активных действий, достигая минимума на этапе «Результат», когда повлиять на завершающийся процесс уже практически невозможно.

Соответственно этим свойствам последовательность Новость — Действие — Результат представляет собой циклический процесс, описывающий структуру деятельности в осях напряжение (сила) — активность (Суров, 2022) как показано на рис. 1. При этом ось активности (Y) возрастает снизу вверх, тогда как ось напряжения (X) возрастает справа налево.

Рис. 1. Процессная модель эмоционального смыслообразования в плоскости напряжение — активность. Каждый из функциональных этапов Новость — Действие — Результат порождает семейство эмоциональных состояний, указанных в соответствующих секторах

Согласно процессно-функциональному подходу основные типы эмоций являются сигналами по настройке организма на каждый из процессных этапов (Суров, 2023):

– на первом этапе «Новость» необходимая умственная активность обеспечивается возбуждающими эмоциями любопытства, удивления, волнения, тревоги, страха и тому подобными;

– на втором этапе Действию способствуют энергичные эмоции воодушевление, азарт, усердие, раздражение, ярость, злость и подобные им;

– на третьем этапе «Результат» работают тормозящие эмоции удовлетворения, радости, уныния, печали и т. п.

Эти функциональные классы эмоций располагаются в секторах плоскости напряжение — активность как показано на рис. 1. Перпендикулярный этой плоскости фактор «оценка» позволяет различать положительные и отрицательные состояния в каждом функциональном секторе.

Методика эксперимента

Как и в обычном семантическом дифференциале, целью метода является получение тройки действительных чисел, кодирующих значения факторов ОСА для целевого объекта. Для этого используется машинная модель, кодирующая слова естественного языка векторами в многомерном (обычно 100–500 мерном) пространстве¹.

Такие вектора отражают закономерности словоупотребления в соотношениях типа

$$\begin{array}{c} \vec{G} \text{ Греция} - \vec{A} \text{ Афины} \approx \vec{R} \text{ Россия} - \vec{M} \text{ Москва} \\ \vec{K} \text{ король} - \vec{M} \text{ мужчина} \approx \vec{Q} \text{ королева} - \vec{W} \text{ женщина} \end{array} \quad (1)$$

используемых для машинной обработки и анализа текстов. Семантические оси ОСА находятся в этом пространстве методом, описанным в работе (Surov, 2022) и кратко представленным ниже.

Нахождение оси Оценки (Z). Оценочная ось Z определяется на основе прототипов «Хорошо» (1) и «Плохо» (0), образованных четвёрками слов, приведёнными в первых строках табл. 1. Векторные представления этих прототипов \vec{W}_1, \vec{W}_0 получаются усреднением векторных представлений соответствующих слов \vec{w}_i^j и \vec{w}_0^k

$$\vec{W}_1 = \frac{1}{N_1} \sum_{k=1}^{N_1} \vec{w}_1^k, \quad \vec{W}_0 = \frac{1}{N_0} \sum_{k=1}^{N_0} \vec{w}_0^k \quad (2)$$

где N_1, N_0 есть число слов в каждом прототипе. Как показано на рис. 2А, оценочная ось Z определяется разностью этих векторов

$$\vec{Z} = \vec{W}_1 - \vec{W}_0 \quad (3)$$

аналогично тому, как выражения в строках (1) кодируют понятия «страна» и «властность».

¹ Представляющими собой параметры внутреннего слоя искусственной нейронной сети, тренированной для угадывания пропущенных слов по их окружению в большом наборе текстов.

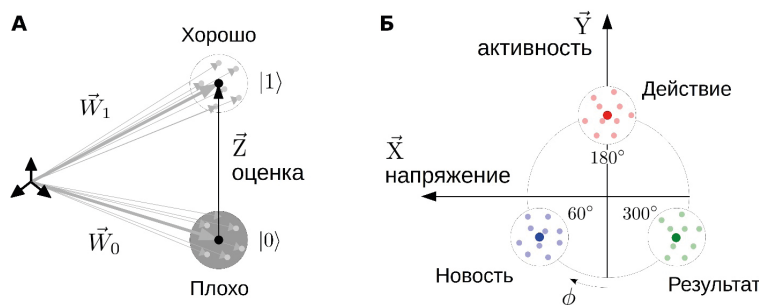

Рис. 2. Нахождение осей Оценки, Напряжения и Активности в пространствах машинных моделей естественного языка

Примечание: А — оценочная ось Z определяется разностью прототипов «Хорошо» и «Плохо» (3).
Б — процессная плоскость напряжение — активность XY (рис. 1) находится на основе функциональных прототипов Новость — Действие — Результат (4).

Таблица 1. Состав двух оценочных (2) и трёх процессных прототипов (4), использованных для нахождения эмоционально-смысловых факторов ОСА в машинных моделях русского и английского языков

Прототип	Русский	Английский
Хорошо	хороший отличный правильный позитивный	good right well positive
Плохо	плохой ужасный ошибочный негативный	bad wrong poor negative
Новость	задача проблема вопрос мотивация препятствие помеха задание тайна загадка трудность запрос сложность	novelty factor distinguish detect question puzzle idea unknown concept reason doubt note
Действие	разработка осуществление исполнение стройка реализация выполнение стратегия тактика совершение генерация энергия вдохновение	action work engage strive fight battle execute energy effort force compete cooperate
Результат	достижение решение ответ результат успех последствие исход выход разгадка окончание финал итог	result harvest outcome conclusion estimate value aftermath end victory defeat completion record

Нахождение плоскости напряжение — активность (XY). Оси напряжения (силы) и активности можно найти с помощью разностей соответствующих прототипов аналогично формуле (3). Необходимые для этого четыре прототипа, однако, являются избыточными: в трёхмерном пространстве плоскость однозначно определяется тремя точками, тогда как четыре и более точек в одной плоскости лежать не обязаны. Кроме того, минимальная тройка искомых прототипов естественным образом следует из процессной модели эмоционального смысла, показанной на рис. 1. Эта тройка прототипов соответствует процессным этапам Новость, Действие и Результат, образующим на плоскости XY правильный треугольник как показано на рис. 2Б.

Вектора процессных прототипов определяются усреднением векторов отдельных входящих в них слов аналогично формуле (2)

$$\vec{W}_{\text{нов} / \text{дей} / \text{рез}} = \frac{1}{N} \sum_{k=1}^N \vec{w}_{\text{нов} / \text{дей} / \text{рез}}^k \quad (4)$$

по наборам из $N=12$ слов каждый, приведённых в таблице 1.

Аналогично (3), искомая плоскость определяется суперпозицией этих векторов

$$\vec{\Omega} = \frac{1}{N} \sum_k \vec{W}_k e^{i\phi_k}, \quad k \in \{\text{нов}, \text{дей}, \text{рез}\} \quad (5)$$

с комплекснозначными коэффициентами $e^{i\phi_k}$. Входящие в них углы

$$\phi_{\text{нов}} = 60^\circ, \quad \phi_{\text{дей}} = 180^\circ, \quad \phi_{\text{рез}} = 300^\circ \quad (6)$$

являются центрами соответствующих секторов на рис. 1 и 2Б. Вектора \vec{X} и \vec{Y} , являющиеся действительной и мнимой частями комплекснозначного вектора (5), составляют базис искомой плоскости XY.

Проекция. Полученные в (3) и (5) базисные вектора X, Y, Z позволяют найти значения семантических факторов ОСА любого слова или фразы \vec{v} , входящего в языковую модель. Эти значения есть проекции вектора \vec{v} на соответствующее базисное направление:

$$\vec{s} = \begin{bmatrix} x \\ y \\ z \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \vec{v} \cdot \vec{X} \\ \vec{v} \cdot \vec{Y} \\ \vec{v} \cdot \vec{Z} \end{bmatrix} \quad (7)$$

где \cdot означает скалярное произведение векторов.

Результат применения проекции (7) к словам прототипов, приведённых в табл. 1, показан на рис. 3. Процессные прототипы (4) располагаются вблизи теоретических направлений (6) на одинаковых расстояниях от начала координат в соответствии

со схемой на рис. 2Б. Оценочные прототипы (2) располагаются вблизи начала координат. Аналогичная процедура проекции позволяет получить искомую карту эмоциональных терминов на плоскости напряжение — активность.

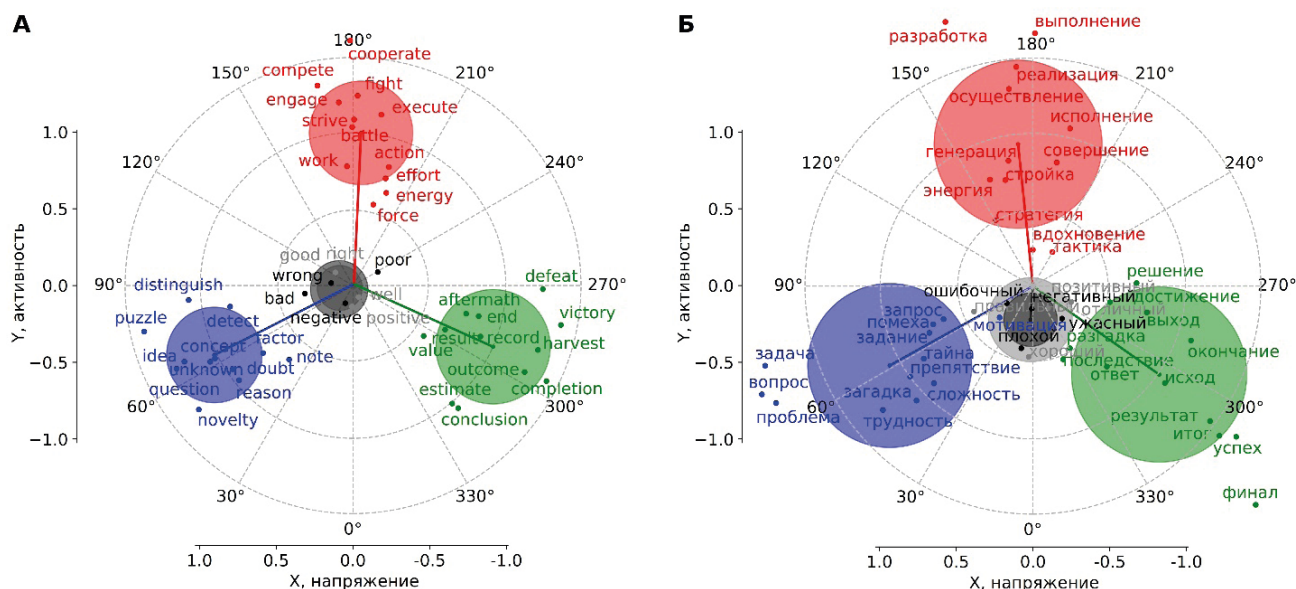

Рис. 3. Расположение оценочных и функциональных прототипов (2), (4), таблица 1 на плоскости «напряжение — активность» в многомерном пространстве машинной модели английского (А) и русского (Б) языка. Процессные прототипы отмечены цветом в соответствии с рис. 1 и 2Б, оценочные прототипы показаны серым и чёрным соответственно. Кругами показаны средние разбросы терминов вокруг центров своих прототипов

Результаты

В качестве исходных данных для тестирования представленного метода был взят набор из эмоций и эмоционально окрашенных английских слов, использованный в эксперименте (Shaver et al., 1987). Для работы с моделью русского языка этот набор были приведены к существительным и переведены с помощью онлайн-сервисов «Яндекс-переводчик» и «Словарь синонимов русского языка».

Для измерения точности метода слова полученного набора были классифицированы авторами по функциональным классам Новость (Н) — Действие (Д) — Результат (Р), а также по тональности «Хорошо (1) — Плохо (0)». Слова, принадлежность которых к функциональным классам неоднозначна (любовь, кошмар, переживание, одиночество и т. п.) из списка исключались. Также исключали слова, отсутствующие в какой-либо из языковых

моделей. Итоговый набор из 105 слов на русском и английском языке представлен в таблице 2.

Для русского языка использовались две предобученные машинные модели, находящиеся в открытом доступе. Первая модель² (M1) тренирована на массиве новостных текстов с сайта lenta.ru общим объёмом 1 млрд. слов. Вторая модель³ (M2) тренирована на Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и текстах русской Википедии за ноябрь 2021 года общим объёмом 1,2 млрд. слов. Обе модели кодируют слова русского языка векторами в 300-мерном пространстве. Эти модели были использованы для русских слов таблицы 2. Для английских слов использовалась 300-мерная модель английского языка⁴ (M3), тренированная на массиве новостных текстов поисковой системы Google общим объёмом 100 млрд. слов.

² Машинная модель русского языка «navec_news_v1_1B_250K_300d_100q.tar». URL: <https://github.com/natasha/navec>.

³ Машинная модель русского языка «ruwikiruscorpora_upos_cbow_300_10_2021». URL: <https://rusvectors.org/models>.

⁴ Машинная модель английского языка «GoogleNews-vectors-negative300.bin.gz». URL: <https://code.google.com/archive/p/word2vec/> (accessed: 07.12.2025).

Таблица 2. Используемые для картирования эмоционально-окрашенные термины
и их экспертная оценка. Процессно-функциональные классы Новость, Действие и Результат
кодируются первыми буквами, тональность кодируется 1 (Хорошо) и 0 (Плохо)

Термин	Функция, Тон	Термин	Функция, Тон	Термин	Функция, Тон
агония agony	Д0	надежда hope	Д0	рвение eagerness	Д1
ажиотаж agitation	Н0	напряженность tenseness	Н1	раскаяние remorse	Р0
азарт zeal	Д1	наслаждение delight	ДН0	ревность jealousy	Н0
безнадежность hopelessness	Р0	недоумение confusion	ДР1	разочарование disappointment	Р0
беспокойство anxiety	Н0	нежность tenderness	Н0	свирепость ferocity	Д0
блаженство bliss	Р1	неистовство rage	Д1	симпатия liking sympathy	Н1
веселье jolliness	Д1	ненависть hate	Д0	скорбь grief	Р0
вина guilt	РН0	неожиданность surprise	Д0	смущение embarrassment	Н0
влечение attraction	Н1	неприятность dislike	Н1	смятение dismay	Н0
вожделение desire	ДН1	нервозность nervousness	Н0	сожаление regret	Р0
возбуждение arousal	НД1	неудовольствие displeasure	Н0	сочувствие compassion	Н1
возмущение outrage	Н1	обида insult	РН0	страдание suffering	РД0
волнение alarm	НД1	облегчение relief	Н0	страсть passion	Д1
воодушевление	Д1	обострение aggravation	Р1	страх fear dread	Н0
энтузиазм enthusiasm	Д1	огорчение sadness	Д1	стыд shame	Р0
восторг rapture	ДН0	оживление exhilaration	РН0	счастье happiness	Р1
враждебность hostility	Д0	оптимизм optimism	ДН1	тоска anguish	РН0
гордость pride	Р1	оскорбление insult	ДН1	тревога alarm worry	Н0
горе sorrow	Р0	отвержение rejection	Н0	трепет thrill	Н1
горечь bitterness	Р0	отвращение disgust	РН0	торжество триумф triumph	Р1
грусть misery	Р0	отчаяние despair	РН0	увлечение infatuation	Н1
депрессия depression	Р0	отчуждение alienation	Р0	удовлетворение satisfaction	Р1
досада annoyance	ДР	паника panic	НР0	удовольствие pleasure	РД1
жалость pity	РН0	печаль sadness	Н0	ужас terror	Н0
желание desire	Н1	подавленность depression	Р0	умиление amusement	Р1
жизнерадостность	Д1	позор shame	Р0	унижение humiliation	НР0
жуть woe	Н0	поражение defeat	Р0	уныние dejection	Р0
зависть envy	Н0	предчувствие apprehension	Р0	фрустрация frustration	Р0
задор zeal	Д1	презрение scorn contempt	Н1	хандра melancholy	Р0
злоба spite	Д0	пренебрежение neglect	РН0	целеустремленность	Н1

Термин	Функция, Тон	Термин	Функция, Тон	Термин	Функция, Тон
изумление astonishment	H1	приподнятость elation	PH0	шок shock	H0
испуг fright	H0	протест protest	H0	эйфория euphoria	Д1
ликование jubilation	P1	радость joy	P1	экстаз ecstasy	Д1
мучение torment	P0	развлечение amusement	Д1	ярость fury	Д0

Карты терминов

Карты эмоционально окрашенных терминов получены с помощью проекция (7) русских и английских слов на плоскость напряжение — активность в 300-мерном пространстве различных языковых моделей. Четыре такие карты показаны на рис. 4. Карты русских терминов таблицы 3, построенные с помощью моделей русского языка М1 и М2, показаны на рис. 4Б и В соответственно. Карта английских терминов таблицы 3, построенная с помощью модели английского языка М3, показана на рис. 4А.

Для этой модели также был использован дополнительный набор эмоционально-окрашенных слов, не ограниченных существительными.

Для сравнения с моделью эмоций (разд. 1), карты на рис. 4 показаны в наложении на цветовую разметку плоскости ХУ, показанную на рис. 1. Таким образом согласно теории ожидается, что термины в каждом из секторов должны принадлежать к соответствующему процессно-функциональному типу: синий сектор — новость, красный сектор — действие, зелёный сектор — результат.

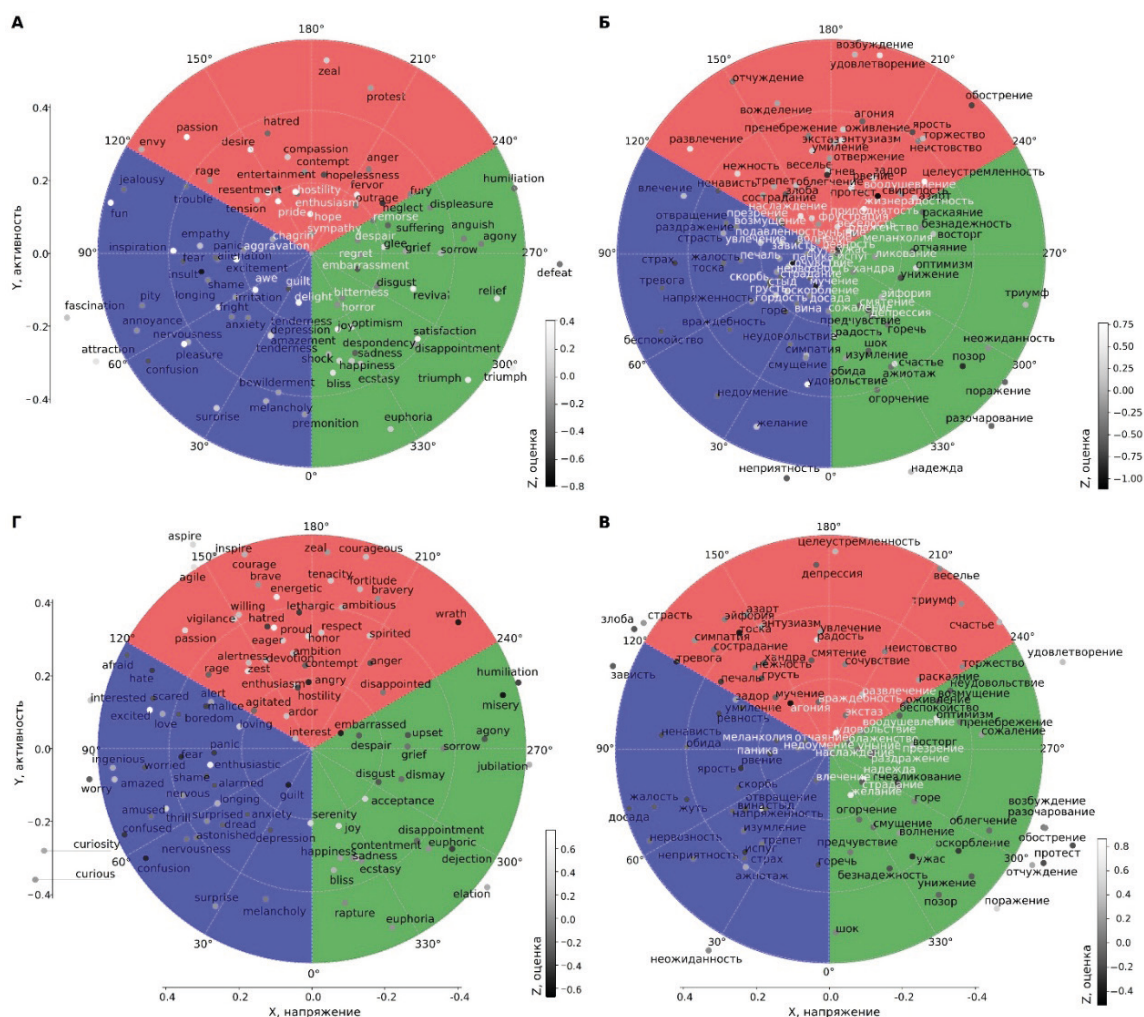

Рис. 4. Семантические карты эмоционально-окрашенных существительных на плоскости «напряжение — активность» (рис. 1), найденной в 300-мерных пространствах различных языковых моделей на основе прототипов как показано на рис. 3. Карты А, Б, В получены с помощью моделей М1, М2 и М3 для терминов в таблице 2. Карта Г построена с помощью модели М3 для более широкого набора слов, не ограниченного существительными

Точность карт

Точность полученных карт ограничена несовершенством использованных машинных моделей, а также ошибкой нахождения плоскости ХУ в соответствующих многомерных пространствах в связи с неоптимальным составом процессных прототипов в таблице 1 и на рис. 3. В результате расположение терминов на полученных картах может иметь как случайные, так и систематические ошибки, величину которых трудно оценить априори. Поэтому для оценки правильности карт была использована экспертная оценка тональности и функционального класса эмоционально-окрашенных терминов, результаты которой приведены в таблице 2. Это позволило оценить правильность карт А, Б и В на основе трёх метрик:

- Достоверность отнесения термина к правильному процессно-функциональному классу;
- Среднеквадратическое отклонение терминов от медиан эталонных секторов;
- Достоверность определения тональности.

Рассмотрим для примера термин беспокойство (anxiety) в пятой строке первого столбца таблицы 2. Экспертная оценка «Н0» однозначно относит его к функциональному классу «Новость» и отрицательной тональности (0). В соответствии с этим

ожиданием английская модель М3 (рис. 4АГ) располагает этот термин в синем секторе на значении $\phi \approx 46^\circ$ с отрицательной тональностью $z \approx -0,21$, кодируемой тёмным цветом точки. Русская модель М1 (рис. 4Б) даёт похожий результат при значении $\phi \approx 64^\circ$ и тональности $z \approx -0,27$. Таким образом первый и третий параметр получают значение 1, угловое отклонение для второго параметра составляет — 14° и 4° соответственно. Вторая русская модель М2 (рис. 4В) также приписывает термину отрицательную тональность, однако располагает его вблизи границы зелёного и красного секторов на значении $\phi \approx 242^\circ$, что даёт угловую ошибку 178° .

Достоверность угловой координаты ϕ термина зависит от расстояния соответствующей точки на карте до начала координат. Если это расстояние сравнимо с погрешностью расположения терминов, то значение ϕ становится случайным и теряет информативность. В этой связи оценки первых двух параметров проведена для той части терминов, точки которых удалены от начала координат более чем на треть от среднего удаления по всему набору. Исключённая часть терминов отмечена на рис. 4 А, Б и В белым шрифтом. Полученные значения параметров точности приведены в таблице 3.

Таблица 3. Точность прогнозирования оценочных и функциональных классов, в также среднеквадратическое отклонение азимутального угла от экспертной оценки.

Модель	Функциональный класс, % совпадений	Среднеквадратическая ошибка азимутального угла, рад	Тональность, % совпадений
М1 (рис. 4Б)	52,8	0,92	80,3
М2 (рис. 4В)	65,7	0,72	80,0
М3 (рис. 4А)	64,4	0,81	87,4

Из двух моделей русского языка наибольшую точность по всем параметрам показала модель М2, для которой точность определения тональности составила 80%, точность определения функционального класса составила 66%, а среднеквадратическое отклонение фазы составило $0,72 \text{ рад} \approx 38 \text{ градусов}$. Для английского языка модель М3 показала сходные результаты с чуть большей точностью определения тона (87%) и чуть большим среднеквадратическим отклонением фазы ($0,81 \text{ рад} \approx 43 \text{ градуса}$).

Анализ результатов

Практический интерес представляет не только угловая, но и радиальная координата в плоскости напряжение — активность

$$r = \sqrt{x^2 + y^2} \quad (8)$$

Близкое к центру карты 4Г расположение слова «интерес» (interest, $x = 0,05$, $y = 0,03$), например, показывает, что в выборке текстов, использованных для обучения модели М3, это понятие используется во всех процессно-функциональных классах примерно поровну. Кроме интереса к некоторой проблеме или Новости, например, преследование интересов имеет место в любом Действии, тогда как удовлетворение интереса во многих случаях является Результатом. Усреднение по этим контекстам подавляет ХУ-компоненту соответствующего векторного представления, что и обнаружено на графике.

Расположение термина вдали от начала координат $x = y = 0$, напротив, указывает на однозначность (чистоту) его процессной функции как видно на всех картах рис. 4. Таким образом расстояние (8) описывает процессно-функциональную

специализацию объектов и соответствующей эмоционально-смысловой окраске.

Достоверность. Как отмечено в разделе 3, англоязычная модель M3 обучена на выборке новостных текстов, содержащей около 100 млрд. слов; русскоязычные модели M1 и M2 обучены на библиотеках по 1 млрд. и 1,2 млрд. слов соответственно. Эти величины на много порядков превосходят размер данных в стандартных экспериментальных методиках, обычно работающих с десятками или сотнями испытуемых. В этой связи карты на рис. 4 статистически намного более достоверны, чем результаты, например, классических экспериментов (Morgan R. L., Heise, 1988; Shaver et al., 1987); по той же причине можно ожидать, что карты на основе английских моделей (слева на рис. 4) несколько точнее карт на основе русских моделей (справа).

Карты на рис. 4 в целом совпадают с предсказанием процессной модели на рис. 1. Достигнутая при этом точность (таблица 2) указывает на высокую достоверность представленного метода в отношении оценочного фактора Z; меньшая точность определения функциональных классов обусловлена контекстуальной субъективностью процессной логики (Суров, 2022); тем не менее, достигнутая точность примерно вдвое выше случайного уровня в 33%. Важно, что использованные модели естественного языка разработаны для машинного анализа текстов без какого-либо отношения к задачам сентимент-анализа, картирования эмоций и задачам психологии в целом. Это свойство позволяет использовать разработанный метод для объективной проверки психологических гипотез.

Особенности работы с машинными моделями. Работа с языковыми моделями имеет ряд методических особенностей. Примером таковой является зависимость координат эмоционального состояния к форме его словесного выражения. Для карты английских слов на рис. 4Г эту чувствительность можно оценить на примерах однокоренных существительных, прилагательных и глаголов: surprise — surprised, confuse — confusion, curious — curiosity, alert — alertness, worried — worry, fear — afraid, angry — anger, и др. Элементы таких пар в основном располагаются в одних и тех же процессных секторах, однако их азимутальные координаты часто имеют разброс порядка 30°. В русском языке аналогичные эффекты дополнительно обусловлены множеством падежных форм, семантика которых является предметом отдельных исследований.

Кросс-культурная универсальность эмоциональной семантики. Помимо процессно-функ-

циональной структуры эмоционального смысла, полученный результат подтверждает межкультурную общность эмоциональных оценок и факторов. Проверка такой гипотезы обычным методом семантического дифференциала требует международной кооперации и полевых экспериментов в разных концах земного шара (Osgood, 1962; Tanaka, Osgood, 1965). На основе машинных моделей естественного языка аналогичный результат достигается дешевле, быстрее и проще. Большой выбор необходимых для этого предобученных машинных моделей различных языков имеется в открытом доступе; самостоятельное обучение таких моделей возможно на обычных компьютерах. Проверка рассматриваемой гипотезы далее состоит в исполнении алгоритма, подобного представленному выше, для соответствующих данных. Сходство карт в левой и правой части рис. 4 (таблица 2) подтверждает эту гипотезу для русского и английского языков.

Соотношение языкового и эмоционального уровней психики. Описание закономерностей символично-языкового мышления возможно в пространствах с не менее чем 100 измерений; как в случае латентного семантического анализа, так и для векторных моделей естественного языка (Günther et al., 2019) оптимальная размерность «семантического» пространства составляет порядка 300 единиц. В отличие от факторов ОСА, однако, эти измерения не имеют устойчивой интерпретации (Surov, 2022). Эта разница свидетельствует о качественном различии кодировок информации на языковом и эмоциональном уровнях психики: символичные языки требуют перевода, тогда как язык эмоций — квалиа универсален для млекопитающих (Surov, 2024). Переводу информации с языкового на эмоциональный уровень соответствует проекция (7) неинтерпретируемых векторов 300-мерного пространства конкретного языка в универсально-интерпретируемое пространство оценка — сила — активность.

Заключение

Полученный результат подтверждает гипотезу о возможности извлечения эмоциональной семантики из машинных языковых моделей. Подчеркнём, что рассмотренные машинные модели использовались в полностью готовом виде без какого-либо дообучения; при этом полученные карты качественно совпадают для различных моделей русского и английского языков. Это указывает на достоверность разработанного метода, позволяя использовать его для объективной проверки теорий эмоции и других элементов психики

(Розанов и др., 2024; Суков, 2023). Метод может быть использован для совершенствования методов психосемантики (Петренко, 2010), дополняя другие техники картирования и статистического анализа (Fontaine et al., 2013; Kutsuzawa et al., 2022; Reisenzein, Junge, 2024). Разработанный подход также применим в задачах сентимент-анализа (Calvo et al., 2015; Dvoynikova et al., 2022; Smetanin, 2020), расширяя существующие методы с единственного фактора оценки до полной тройки семантических факторов Ч. Оскуда.

Отметим воспроизводимость и повторяемость полученных карт, практически недостижимую в натуральных методах психологического эксперимента. На основе описанного алгоритма и находящихся в открытом доступе языковых моделей, полученные результаты и метрики могут быть воспроизведены на любом компьютере абсолютно точно. Это открывает новый подход к проблеме объективности, достоверности и воспроизводи-

мости психологических и социологических исследований, одновременно делая их дешевле и быстрее.

Например, для исследования когнитивных установок или поведенческих стереотипов в Якутии, Индонезии или Африке не обязательно ехать в эти регионы и искать там репрезентативные фокус-группы, готовые принять участие в натуральных экспериментах. Вместо этого «цифровая психология» могла бы заняться семантическим анализом текстов и других поведенческих данных, порождаемых соответствующими обществами (Arnulf et al., 2024). При этом можно ожидать, что по сравнению с использованными нами моделями десятилетней давности, современные языковые модели применимы к большему спектру задач. Искусство такого эксперимента состояло бы в извлечении искомым когнитивно-психологических и поведенческих закономерностей, а также их интерпретации с учётом специфики используемых машинных моделей.

Литература:

- Александрова О.В., Дерманова И.Б. Семантический дифференциал жизненной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 127–145.
- Алмазова О.В., Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Использование метода семантического дифференциала в исследовании представлений юношей и девушек о семье // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 277–290.
- Блинникова И.В., Андрианова Е.М. Психосемантический анализ юмористических текстов // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 43–52.
- Величковский Б.М., Заботкина В.И., Носовец З.А., Котов А.А., Зайдельман Л.Я. и др. Методология семантического картирования мозга с использованием многомерной индексации потока устного русского текста: опыт валидизации и развития // Современные технологии и медицине. 2020. Т. 12. № 2. С. 14–26.
- Волохонский В.Л. Психологические механизмы левостороннего смещения оценок в семантическом дифференциале // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 2. С. 68–72.
- Дрыгина И., Яцкая Д. Пиктограммы цифровой эпохи: лингвосемиотический анализ эмодзи // Russian Linguistic Bulletin. 2025. Т. 69. № 9. С. 1–7.
- Дьяков С.И. Семантический дифференциал субъектности личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2015. Т. 11. С. 2–14.
- Каира Ю.В. Аналитический потенциал семантического дифференциала в социологическом исследовании уровня жизни // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 187–197.
- Касьянова Ю.А. Экспериментальное исследование социальных демотиваторов с использованием методики семантического дифференциала // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 24. № 1. С. 38–44.
- Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Золушка в психологии: проблема интеграции знания об эмоциях // Сибирский психологический журнал. 2025. № 97. С. 6–22.
- Мощенко И.Н., Ярошенко А.Н. Анализ эмоционального состояния студенчества ДГТУ методом семантического дифференциала // Инженерный вестник Дона. 2016. № 4. С. 120.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2010.
- Розанов И.А., Корнилова М.А., Ратникова В.Ю., Танасова С.Б., Павлова Е.П. Исторические и новые подходы к интерпретации природы эмоций // Психология когнитивных процессов. 2024. № 13. С. 217–229.
- Саблуков А.В. Использование метода семантического дифференциала в исследовании этноконфессиональных отношений // Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 41–46.

- Сикевич З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2016. Т. 9. № 3. С. 118–128.
- Смирнова О.Ю., Серкин В.П. Конструирование и апробация семантического дифференциала «Волевой человек» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 2. С. 210–222.
- Соловьёв В.Д., Вольская Ю.А., Токсубаева А.А. Значения осгудовских параметров для 1000 слов русского языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2025. Т. 11. № 1. С. 72–106.
- Степнова Л.А., Сафонова Т.Е., Костюк Ю.А. Изучение цифрового сознания студентов методом семантического дифференциала // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. С. 1–13.
- Суров И.А. Жизненный цикл: смысловая матрица процессного моделирования // Онтология проектирования. 2022. Т. 12. № 4. С. 430–453.
- Суров И.А. Управленческая функция и биологический носитель в квантовой модели эмоционального смысла // Сибирский психологический журнал. 2023. Т. 89. С. 44–64.
- Токарь О.В., Зильберглейт М.А. Оценка иллюстрации художественной литературы методом семантического дифференциала // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2010. № 9. С. 72–78.
- Шелестюк Е.В. Семантический дифференциал как способ выявления внушающего воздействия текстов // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2009. С. 329–333.
- Arnulf J.K., Olsson U.H., Nimon K. Measuring the menu, not the food: “psychometric” data may instead measure “lingometrics” (and miss its greatest potential) // Frontiers in Psychology. 2024. V. 15. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1308098/full>
- Bochkarev V.V., Savinkov A.V., Shevlyakova A.V. Predicting the Valence Rating of Russian Words Using Various Pre-trained Word Embeddings // Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. P. 349–361.
- Calvo R.A., D’Mello S.K., Gratch J., Kappas A. (Ed.) The Oxford Handbook of Affective Computing. Oxford University Press, 2015.
- Dvoynikova A., Markitantov M., Ryumina E. et al. Analysis of infoware and software for human affective states recognition // Informatics and Automation. 2022. V. 21. № 6. P. 1097–1144.
- Dukes D., Abrams K., Adolphs R. et al. The rise of affectivism // Nature Human Behaviour. 2021. V. 5. № 7. P. 816–820.
- Fontaine J.R.J., Scherer K., Soriano C. (Ed.) Components of Emotional Meaning. Oxford University Press, 2013.
- Günther F., Rinaldi L., Marelli M. Vector-Space Models of Semantic Representation From a Cognitive Perspective: A Discussion of Common Misconceptions // Perspectives on Psychological Science. 2019. V. 14. № 6. P. 1006–1033.
- Kutsuzawa G., Umemura H., Eto K., Kobayashi Y. Classification of 74 facial emoji’s emotional states on the valence-arousal axes // Scientific Reports. 2022. V. 12. № 1. P. 398.
- Morgan R.L., Heise D. Structure of Emotions // Social Psychology Quarterly. 1988. V. 51. № 1. P. 19.
- Osgood C.E. Studies on the generality of affective meaning systems // American Psychologist. 1962. V. 17. № 1. P. 10–28.
- Osgood C.E. On the whys and wherefores of E, P, and A // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V. 12. № 3. P. 194–199.
- Pavlov O.Y. Brand Management: Deep Semantic Differential of Brand // Creative economy. 2012. № 9. P. 96–106.
- Shaver P., Schwartz J., Kirson D., O’Connor C. Emotion knowledge: Further exploration of a prototype approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. V. 52. № 6. P. 1061–1086.
- Smetanin S. The Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts: Current Challenges and Future Perspectives // IEEE Access. 2020. V. 8. The Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts. P. 110693–110719.
- Solovyev V., Islamov M., Bayrasheva V. Dictionary with the Evaluation of Positivity / Negativity Degree of the Russian Words // Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 651–664.
- Surov I.A. Opening the Black Box: Finding Osgood’s Semantic Factors in Word2vec Space // Informatics and automation. 2022. V. 21. № 5. P. 916–936.

Surov I.A. Signal — Qualia — Symbol: Cognitive Hierarchy of Information Codes // *Natural Systems of Mind*. 2024. V. 4. № 2. P. 21–38.

Tanaka Y., Osgood C.E. Cross-culture, cross-concept, and cross-subject generality of affective meaning systems // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1965. V. 2. № 2. P. 143–153.

MACHINE-SEMANTIC DIFFERENTIAL: MAPPING OF AFFECTIVE MEANING BY VECTOR LANGUAGE MODELS

© Anastasia S. Gruzdeva

PhD (technology), senior researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, prog.
anastasia@gmail.com; ORCID: 0000–0003–4963–0823

© Ilya A. Surov

PhD (physics and mathematics), senior researcher, ITMO University, Saint Petersburg, Russia,
ilya.a.surov@itmo.ru; ORCID: 0000–0001–5690–7507

This work was supported by ITMO University and the Russian Science Foundation, grant №
23–71–01046

Emotions are key element of the psyche, but their experimental studies suffer from the cost, slowness, and statistical unreliability of field experiments. The article presents a method for solving these problems based on machine models of natural language, which implicitly contain a large amount of psychological information. We use pre-trained neural network representations of words and phrases by high-dimensional vectors of real numbers. These representations contain Osgood's affective meaning factors of evaluation, potency and activity, encoded in these spaces by certain dimensions. Projection on these dimensions allows one to build affective maps of language units available in the machine model used. The method was tested on a set of 105 emotional states, vector representations of which were constructed using three pre-trained machine models of Russian and English. The constructed maps of these states coincided qualitatively in all cases. The obtained values of evaluation, potency, and activity were used to predict functional (novelty-action-result) and evaluative (pleasant-unpleasant) classes of emotional states. The average coincidence of the forecast with the expert assessment of these classes was 61% and 82%, respectively. The obtained results support the functional model of emotional semantics, as well as the cross-cultural universality of affective meaning factors of C.E. Osgood. The results also confirmed the hypothesis of the presence of affective information in language models and the possibility of its algorithmic extraction, which indicates the possibility of solving metrological problems of psychological experiment. The reliability and reproducibility of the developed approach opens up new ways for applied and fundamental research of a wide range of psychological functions.

Keywords: affect, emotion, meaning, Osgood, semantic differential, sentiment analysis, cognitive map, large language models

REFERENCES

- Aleksandrova O.V., Dermanova I.B. (2018). Semantic Differential of a Life Situation // *Counseling Psychology and Psychotherapy*. V. 26. № 3. P. 127–145.
- Almazova O.V., Dzukaeva V.P., Sadovnikova T. Yu. (2015). Using the Semantic Differential Method in Studying Young Men's and Young Women's Perceptions of Family // *Knowledge. Understanding. Skills*. № 2. P. 277–290.
- Blinnikova I.V., Andrianova E.M. (2009). Psychosemantic Analysis of Humorous Texts // *Applied Legal Psychology*. № 3. P. 43–52.
- Velichkovsky B.M., Zabolotkina V.I., Nosovets Z.A., Kotov A.A., Zaidelman L. Ya. et al. (2020). Towards Semantic Brain Mapping Methodology Based on a Multidimensional Markup of Continuous Russian-Language Texts: an Attempt at Validation and Development // *Modern technologies and medicine*. V. 12(2). P. 14–26.

- Volokhonsky V.L.* (2007). Psychological Mechanisms of Left-Sided Shift in Evaluations in the Semantic Differential // *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*. № 2. P. 68–72.
- Drygina I., Yatskaya D.* (2025). Pictograms of the Digital Age: A Linguistic-Semiotic Analysis of Emoji // *Russian Linguistic Bulletin*. V. 69. № 9. P. 1–7.
- Dyakov S.I.* (2015). Semantic Differential of Personality Subjectivity // *Bulletin of Irkutsk State University. Series “Psychology”*. V. 11. P. 2–14.
- Kaira Yu.V.* (2010). Analytical Potential of the Semantic Differential in Sociological Research of the Standard of Living // *Bulletin of Tula State University. Humanities*. № 1. P. 187–197.
- Kasyanova Yu.A.* (2017). An Experimental Study of Social Demotivators Using the Semantic Differential Methodology // *Language Theory and Intercultural Communication*. V. 24. № 1. P. 38–44.
- Mazilov V.A., Slepko Yu.N.* (2025). Cinderella in Psychology: The Problem of Integrating Knowledge about Emotions // *Siberian Psychological Journal*. № 97. P. 6–22.
- Moshchenko I.N., Yaroshenko A.N.* (2016). Analysis of the Emotional State of DSTU Students Using the Semantic Differential Method // *Engineering Herald of the Don*. № 4. P. 120.
- Petrenko V.F.* (2010). *Fundamentals of Psychosemantics*. Moscow: Eksmo.
- Rozanov I.A., Kornilova M.A., Ratnikova V.Yu., Tanasova S.B., Pavlova E.P.* (2024). Historical and new approaches to the interpretation of the nature of emotions // *Psychology of cognitive processes*. № 13. P. 217–229.
- Sablukov A.V.* (2011). Using the method of semantic differential in the study of ethno-confessional relations // *Humanities*. № 3. P. 41–46.
- Sikevich Z.V.* (2016). The method of semantic differential in sociological research // *Bulletin of St. Petersburg University*. V. 9. № 3. P. 118–128.
- Smirnova O. Yu., Serkin V.P.* (202). Construction and Testing of the Semantic Differential “Strong-Willed Person” // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. V. 17. № 2. P. 210–222.
- Soloviev V.D., Volskaya Yu.A., Toksubaeva A.A.* (2025). Osgood Parameter Values for 1000 Russian Words // *Research Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics*. V. 11. № 1. P. 72–106.
- Stepnova L.A., Safonova T.E., Kostyuk Yu.A.* (2020). Study of Students’ Digital Consciousness Using the Semantic Differential Method // *World of Science. Pedagogy and Psychology*. V. 8. № 6. P. 1–13.
- Surov I.A.* (2022). Life Cycle: A Semantic Matrix of Process Modeling // *Design Ontology*. V. 12. № 4. P. 430–453.
- Surov I.A.* (2023). Managerial Function and Biological Carrier in a Quantum Model of Emotional Meaning // *Siberian Psychological Journal*. V. 89. P. 44–64.
- Tokar O.V., Zilbergleit M.A.* (2010). Evaluation of Fiction Illustrations Using the Semantic Differential Method // *Proceedings of BSTU. Series 4: Print and Media Technologies*. № 9. P. 72–78.
- Shelestyuk E.V.* (2009). Semantic differential as a way of identifying the suggestive impact of texts // *Linguistic existence of man and ethnicity: cognitive and psycholinguistic aspects. Proceedings of the International School-Seminar (V Berezina Readings)*. Issue 15. Moscow: INION RAS, ASOU. P. 329–333.
- Arnulf J.K., Olsson U.H., Nimon K.* (2024). Measuring the menu, not the food: “psychometric” data may instead measure “lingometrics” (and miss its greatest potential) // *Frontiers in Psychology*. V. 15. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1308098/full>
- Bochkarev V.V., Savinkov A.V., Shevlyakova A.V.* (2025). Predicting the Valence Rating of Russian Words Using Various Pre-trained Word Embeddings // *Lecture Notes in Computer Science*. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 349–361.
- Calvo R.A., D’Mello S. K., Gratch J., Kappas A. (Ed.)* (2015). *The Oxford Handbook of Affective Computing*. Oxford University Press.
- Dvoynikova A., Markitantov M., Ryumina E. et al.* (2022). Analysis of infoware and software for human affective states recognition // *Informatics and Automation*. V. 21. № 6. P. 1097–1144.
- Dukes D., Abrams K., Adolphs R. et al.* (2021). The rise of affectivism // *Nature Human Behaviour*. V. 5. № 7. P. 816–820.
- Fontaine J.R. J., Scherer K., Soriano C. (Ed.)* (2013). *Components of Emotional Meaning*. Oxford University Press.
- Günther F., Rinaldi L., Marelli M.* (2019). Vector-Space Models of Semantic Representation From a Cognitive Perspective: A Discussion of Common Misconceptions // *Perspectives on Psychological Science*. V. 14. № 6. P. 1006–1033.
- Kutsuzawa G., Umemura H., Eto K., Kobayashi Y.* (2022). Classification of 74 facial emoji’s emotional states on the valence-arousal axes // *Scientific Reports*. V. 12. № 1. P. 398.
- Morgan R.L., Heise D.* (1988). Structure of Emotions // *Social Psychology Quarterly*. V. 51. № 1. P. 19.

- Osgood C.E.* (1962). Studies on the generality of affective meaning systems // *American Psychologist*. V. 17. № 1. P. 10–28.
- Osgood C.E.* (1969). On the whys and wherefores of E, P, and A // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 12. № 3. P. 194–199.
- Pavlov O.Y.* (2012). Brand Management: Deep Semantic Differential of Brand // *Creative economy*. № 9. P. 96–106.
- Shaver P., Schwartz J., Kirson D., O'Connor C.* (1987). Emotion knowledge: Further exploration of a prototype approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 52. № 6. P. 1061–1086.
- Smetanin S.* (2020). The Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts: Current Challenges and Future Perspectives // *IEEE Access*. V. 8. The Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts. P. 110693–110719.
- Solovyev V., Islamov M., Bayrasheva V.* (2022). Dictionary with the Evaluation of Positivity / Negativity Degree of the Russian Words // *Lecture Notes in Computer Science*. Cham: Springer International Publishing. P. 651–664.
- Surov I.A.* (2022). Opening the Black Box: Finding Osgood's Semantic Factors in Word2vec Space // *Informatics and automation*. V. 21. № 5. P. 916–936.
- Surov I.A.* (2024). Signal — Qualia — Symbol: Cognitive Hierarchy of Information Codes // *Natural Systems of Mind*. V. 4. № 2. P. 21–38.
- Tanaka Y., Osgood C.E.* (1965). Cross-culture, cross-concept, and cross-subject generality of affective meaning systems // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 2. № 2. P. 143–153.